ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

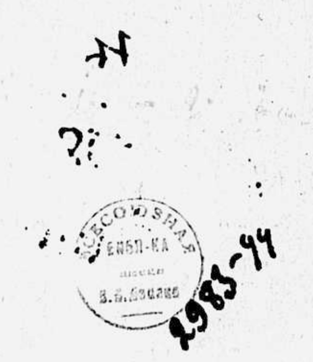
ПЕТРОНИЙ АРБИТР

САТИРИКОН

ПЕРЕВОД

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Б. И. ЯРХО

МОСКВА MCMXXIV ЛЕНИНГРАД
1924

Гиз. № 5915 Ленинградский Гублит № 4525 Тир. 3150 экз. 15 п. л.
Типография „Красный Печатник". Ленинград. Международный пр., 75.

ПРЕДИСЛОВИЯ

РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО И „САТИРИКОН"

I

Каждое литературное произведение двойною цепью связано с временем, его породившим. Сам автор не может не быть человеком своей эпохи, не есть ее хлеба, не дышать ее воздухом. Материал, им обрабатываемый, прямо или косвенно так же связан с окружающей реальностью. Поэт волен любым образом обойтись с этой реальностью (это — дело стиля), но уйти от нее он невластен.

Какие же общественные силы вызвали к жизни Петрониев „Сатирикон"?

Время написания романа устанавливается с совершенной несомненностью. Это — принципат Нерона (54 — 68 г. нашей эры). К тому же времени относит автор и события, им рассказываемые.

Что же это за годы?

Римская республика, уже задолго до эпохи, когда жил Петроний, начала коренным образом перерождаться. Историческая обстановка сложилась так, что маленькому государству латинян-римлян, народу воинственных крестьян, в короткий срок удалось подчинить себе большую часть стран тогдашней цивилизации. Римскому сенату, собранию землевладельцев, крепчайшими узами связанных с родною почвой, с полями и виноградниками Италии, пришлось решать судьбы далеких восточных царств, жребий Аравии и Египта. Феодальная республика не могла решить этих задач.

Грабительские походы ее полководцев сосредоточили в Риме огромные ценности. Что уцелело во время войн, было выкачано из завоеванных провинций поборами мирного управления. Господствующая группа знати частью чудовищно обогатилась в этот период „первоначального накопления", частью была разорена конкуренцией. Рядовые земледельцы Италии и провинций потеряли последнее. Рядом с теми и другими начал выростать

новый класс крупных негоциантов. Следствием была длинная полоса гражданских войн. В исходе их Рим превратился из аристократической национальной республики в централизованное космополитическое государство, в империю цезарей. Наступил долгий мир. Важнейшим двигателем общественной жизни стала торговля, верными узами деловых интересов связавшая далекие концы гигантского государства. Значение денег возростало все более. Состояния росли. Усложнился кредит, развились банкирские дома и торговые компании.

Соблазнительно назвать капиталистической эту эпоху античной цивилизации. Все же в существеннейшем и главном ее строй глубоко разнился от того, который родился в новое время. Основная особенность новоевропейского капитализма, машинное производство было чуждо римским собственникам. Их власть и могущество опирались на живую рабочую энергию, на силу рабов. Но если машина, понуждающая ко все новым и новым усложнениям техники, с величайшей стремительностью революционизирует общество и государство, то нет фактора более консервативного, чем рабский труд, не нуждающийся в усовершенствованиях и не способный на них. Машина порождает машину и создает все новые области промышленности. Промышленность античная была ограничена самыми узкими границами непосредственного потребления. Ткани и предметы роскоши—вот чем почти исчерпывалась она. Римские капиталисты менее всего были промышленниками. Это—торговцы, торговцы деньгами, ростовщики, прежде всего.

Те, кто стоял на противоположном конце социальной лестницы, также были не промышленными рабочими, а либо рабами, либо разоренным и неимущим мелким людом, уличной чернью, „пролетариатом" в античном понимании этого слова. Римский капиталист, не заинтересованный в развитии своего производства, знал лишь один способ использовать доходы от него, это — тратить их. Римский пролетарий, лишенный возможности борьбы за средства производства, имел также лишь одну цель — принять участие в тратах своего капиталиста, по возможности обратить на себя этот дождь из золота. Расточитель и паразит, богач, тратящий доходы целых провинций на свои сады, дворцы, обеды, разоряющийся на общественные постройки, прославляющие его имя и бедняк, живущий на подачки этого богача, вот характернейшие социальные типы античного капитализма, строя Римской империи.

Разумеется, сохранились и серединные классы, миллионы свободных ремесленников, огородников, маленьких торговцев; но не они определяли стиль времени. Разумеется, несмотря на всю остроту социальных противоречий, а отчасти именно благодаря им, эпоха цезарей ознаменовалась чрезвычайным блеском внешней материальной культуры. Гигантские

здания, амфитеатр Флавиев и башня Адриана, римские дороги, на тысячи верст разбежавшиеся во все концы вселенной,—свидетели этого блеска Но основание было обманчивым, и катастрофа — неизбежной. Золото, захваченное в победоносных войнах, после нескольких столетий почти исключительно ввозной торговли просочилось обратно за пределы империи. Обнищавший государственный организм скоро оказался не в состоянии выдерживать переставший быть выгодным груз рабского хозяйства...

Впрочем, незачем тратить слова на описание „гибели Рима". В исторической памяти человечества нет события более грандиозного.

II

Автор „Сатирикона" и его современники были еще далеки от этих роковых дней. Роман Петрония относится к самому началу торжества нового порядка, ко времени, когда крепнущая порода торговцев рвалась к власти и хваталась за жизнь со всей жаждой новых людей. Эти новые люди—одна из самых значительных социальных групп романа. Рим знал два типа этого рода. Так называемые „всадники", свободные римские граждане, обычно, разбогатевшие потомки плебеев, образовывали первую и высшую категорию. „Вольноотпущенники", по большей части уроженцы Востока, агенты римских вельмож, торговлей и ростовщичеством добившиеся свободы и зажиточности, — вторую. Среди них также попадались сказочные богачи. Такими были Нарцисс, и Паллант и столько других слуг первого из римских богачей — императора. Петроний, приближенный Нерона, конечно, был отлично знаком и со всаднической аристократией, и с царственными вольноотпущенниками императорского двора. По стилистическим причинам, а может быть и из других соображений, он перенес однако действие романа из Рима в маленькие города Италии. Богачи, им изображенные, — вольноотпущенники низшего разбора, из них же первый, сам герой крупнейшего отрывка романа, пресловутый Гай Помпей Меценатиан Тrималхион.

Тупое чванство и нелепое самодовольство, сделавшие нарицательным в веках это пятиэтажное имя, конечно, в большой доле должны быть объяснены комической традицией, послушно использованной Петронием. Все же и социальное лицо Трималхиона выступает достаточно определенно.

Какова его карьера? Малоазиатский грек, попавший рабом в дом богатого римлянина, он становится поверенным своего господина, торгует

вином, парфюмерией, рабами (характернейшие продукты римской промышленности).

Как увенчание жизненного пути — ростовщичество и великолепная надгробная надпись. Несколько десятков сохраненных нам подлинных надписей доказывают, до какой степени близко к действительности держался здесь Петроний, несмотря на всю манерность его характеристики.

Трималхион первый в своем городке. Он член коллегии августалов, объединения, созданного для придания большего почета выскочкам его типа. Его состояние доходит до тридцати миллионов сестерций. За ним стоят меньшие из той же породы похоронных дел мастер Габинна, лоскутный торговец Эхион. Ироническое отношение столичного жителя Петрония ко всей этой провинциальной мелкоте понятно и здесь, конечно, столь же стилистический прием, как и проявление житейской брезгливости.

Еще больше места и внимания отведено в романе противоположной паразитической группе. Здесь — любимец автора, Энколпий; и ближайшие друзья его и спутники, Аскилт, Гитон, бродячий поэт Эвмолп, непризнанный ритор Агамемнон. Конечно, было бы рискованным принять их совершенно всерьез. Чисто авантюрная мотивировка сыграла первенствующую роль в их характеристиках. Все же, за столом Трималхиона, да и в других положениях паразитическая сущность всех этих искателей приключений выступает ясно. Следуя за похождениями Энколпия и его друзей, попадаешь с головой в крикливый и пестрый мир неимущих и пролетариев античного капитализма: мир уличных шарлатанов, фокусников, служителей сомнительных культов, попрошаек, мир коротких и маленьких надежд, грошовых расчетов, желаний то младенческих, то циничных.

III

Петроний одел в насмешливое веселье весь этот нищий мир. Но нам, умудренным историческим опытом, все же легко угадать приметы надвигающейся катастрофы в этой суетливой и легкомысленной жизнерадостности. Самодовольное расточительство Трималхиона не менее, чем податливость его гостей, напоминает о ней. В мистериях и тайных культах, с неприкрытым презрением изображенных автором, узнаешь предвестников огромных мистических движений, утопивших в бездеятельности эту окончательно отчаявшуюся цивилизацию. Однако самые непреложные следы поздней эпохи таятся не столько во внешних приметах, сколько в основной структуре творения Петрония. Настоящий короткий очерк ограничивает свои цели сжатой социальной характеристикой. Но одну особенность формального свойства пусть будет позволено отметить. „Сатирикон“ — один из первых романов античной литературы. Строго идеализующая, схематическая линия греко-римского слова терпит в нем решительный уклон. Вместо связанного единой волей действия трагического театра, здесь — своенравная игра авантюр. Вместо скованного столетней моралью пафоса или смеха — ироническое любопытство к быту. Разве в этой случайно расплетающейся фабуле не сказался безумный произвол вселенской торговли? В этом реализме — равнодушие поздней цивилизации?

Адр. Пиотровский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быстрыми и верными шагами приближаемся мы к тому времени, когда людей, получивших классическое образование, станут показывать на ярмарках, как ацтеков. А между тем еще очень нестарые люди помнят то время, когда античные авторы жили среди нас и в мало-мальски интеллигентном кругу о Виргилии говорили, как о старом знакомом, независимо от того, каково было отношение к нему на школьной скамье. Ясно, что в те времена переводы классиков имели меньшее значение для русского образованного общества, чем теперь, когда круг их читателей должен непрерывно расти по мере уменьшения количества лиц, знакомых с оригиналами. Сообразно с этим увеличивается и ответственность добросовестного переводчика перед читателем, по большей части не имеющим возможности проверить его ни собственными средствами, ни при помощи специалистов-классиков, которые ныне обладают лишь весьма ограниченной возможностью высказывать свой суд в печати.

В частности, при переводе Петрония ответственность эта усугубляется еще и тем, что „Сатирикон“ не впервые появляется на русском языке, так что переводчик не может оправдываться тем, что первый-то портной, может быть, не лучше меня шил. В 1882 г. вышел перевод В. В. Чуйко (Серия „Европ. писатели и мыслители“ IX, СПБ.) с пропуском всех стихов и некоторых мест по усмотрению переводчика, а в 1900 г. — перевод И. Холодняка („Филологич. Обозрение“, 2), под заглавием „На пиру у Трималхиона“. Входить в подробное обсуждение этих работ вряд ли необходимо; но тому, кто хотел бы судить о предлагаемом переводе, небезынтересно, конечно, сличить его с трудами предшественников. Мы же, дабы оправдать отличия данной работы от вышеуказанных, отметим только руководящий принцип, легший в основу настоящего издания.

Всякому известно, что переводчики одного и того же произведения могут задаваться различными, часто противоречащими друг другу целями

и, сообразно с этим, достигают совершенно несходных результатов. Так, переводя Петрония, можно стараться достигнуть того, чтобы читатель, по возможности, воспринимал его, как римлянин эпохи Нерона, как нечто свое, т.-е. так, как мы воспринимаем Щедрина или Лескова. Повидимому, это намерение и руководило, например, И. Холодняком, у которого египетский раб (гл. XXXV) вместо арии из Мима поет: „Шиль пиль у папушки сэренький кослик“. — Нам этот принцип казался неприемлемым, хотя бы из-за связанных с ним непреодолимых трудностей: в самом деле, можно ли руссифицировать Петрония, и есть ли смысл за это браться? Ведь если даже назвать ларов домовыми, то все же атрий богача Трималхиона вряд ли произведет на нас впечатление тургеневского intérieur'а.

Поэтому настоящий перевод ставит себе более скромную задачу: заставить читателя воспринимать текст хотя бы приблизительно так, как воспринимает его наш современник, хорошо знакомый с латинским языком и литературой[1]). При такой трактовке текст перевода должен производить впечатление чего-то иностранного, понятного, но нового и необычного, и, таким образом, выполнять единственное, по нашему мнению, художественное назначение всякого перевода: обогатить новыми формами литературу того языка, на который произведение переводится. Суть дела, значит, заключается в том, чтобы, не насилуя грамматического строя русского языка, приспособить его к передаче нового художественного комплекса. Как мы старались проводить этот принцип при трактовке образов, стиля и метрики Петрония, мы укажем при отдельном обзоре этих трех сторон литературной формы. Теперь же ограничимся лишь одним наиболее характерным примером, чтобы сразу стало ясно, чего мы добиваемся. Речь идет о передаче пословиц и поговорок, которых так много в „Сатириконе“. Иконологическое задание заключается в сохранении образов, символики этих изречений; стилистическое — в сохранении их афористической формы. Таким образом, у нас появился ряд новых пословиц и поговорок в роде: „Молчи язык: хлеба дам!“ или: „На овощи зарятся, а сало хватают!“ или „Асс у тебя есть — асса ты стоишь“. Мы считали, что это будет для читателя интереснее, чем пережевывать собственный запас (de suo sibi) доморощенной мудрости, как-то: „держи язык за зубами“ „метил в ворону, а попал в корову“ и т. д. Для пояснения мы давали

---

[1]) Приблизительность достижения сама собой очевидна, но к этому идеалу все же можно стремиться, в то время как излишняя руссификация все больше отдаляет переводчика от его реалистической цели, создавая произведение, полное всевозможных противоречий.

соответствующие русские поговорки в примечаниях (сл. 25, 114, 119, 121, 141, 143, 210, 212, 249, 252, 264 и много других). Обратный способ мы применяли тогда, когда буквальный перевод или не давал по-русски никакого смысла (например, 227: per scutum per ocream — „сквозь щит сквозь поножи") или не укладывался в краткую форму афоризма (например 53: post asellum diarium non sumo — „после дорогой рыбы я не ем ежедневного пайка"). В таких случаях (их не очень много) мы сносили буквальный перевод в примечания, чтобы не оскорблять вкуса читателя логическим абсурдом или формальным монстром (сл. 84, 132, 133, 136, 140, 216 и др.). Так, лавируя между желательным и возможным, мы старались во всех сомнительных местах ставить читателя между переводчиком и текстом, в особенности же тогда, когда текст допускает два равноценных перевода, дабы дать возможно полное и всестороннее восприятие (сл. 20, 29, 64, 412 и др.). С этой же целью мы отмечали места, непонятные даже для латиниста, каковых у Петрония немало (сл. 91, 112, 214).

Вообще, наши примечания, как и весь перевод, расчитаны на читателя, получившего неклассическое образование почти или совершенно чуждого античному миру. Пусть же классик не посетует, если найдет в них много для себя излишнего, в особенности из области мифологии и героического эпоса [1]). Поэтому же он тщетно будет искать в них воспроизведения дискуссий лингвистического характера. Равным образом, и в предисловии мы стараемся сообщать лишь наиболее вероятные результаты исследований о „Сатириконе", по возможности избегая затруднять читающего опровержением ошибок, в которые неизбежно должны были впадать ученые на далеко еще не пройденном пути к познанию Петрония [2]).

---

[1]) Примечания, целиком или частично заимствованные нами у иностранных комментаторов, мы отмечали соответствующими буквами в скобках: (Бюх.)—Bücheler, (Ф.)—Friedländer, (Ш.) — Schlüter, (Д.-Г.)—Де-Герль. (См. „Главнейшая Литература").

[2]) В конце этих общих замечаний о переводе мы должны сказать несколько слов о транскрипции собственных имен. Этому вопросу мы придаем весьма малое значение. Конечно, чрезвычайно желательно было бы раз навсегда отрешиться от бессмысленного узуса и писать „Каесар", „Кикерон" и т. д., но, разумеется, не нашей скромной работе должна принадлежать честь почина в этом деле. Мы ограничились тем, что не подчинили греческих имен этому навыку и пишем Кирке (а не Цирцея), Киклоп, Аскилт и т. д. Кроме того, установившееся обыкновение породило ряд непоследовательностей в трактовании падежного окончания именительного падежа: Сократ, но Геркулес (а не Геркул), Апеллес (а не Апелл) и много других.

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О „САТИРИКОНЕ"

§ 1. Текст.

То немногое, что сохранилось от „Сатирикона" (перед нами — лишь отрывки 15-й, 16-й и, может быть, 14-й глав), дошло до нас не в целостной рукописи, а в виде извлечений из одной семьи рукописей, восходящей, вероятно, к IX веку, т.-е. обязанной своим сохранением просвещенному рвению все тех же каролингских монахов, которые во многих отношениях заслужили вечную благодарность любителей античной словесности. — Часть текста впервые издана в Милане около 1482 г.; наиболее полная рукопись, Скалигеровский список (L), впервые напечатана в Лейдене в 1575 г. Рукопись, заключающая „Пир Трималхиона") найдена в Трогире (лат. Tragurium, итал. Trau) около Сплита (Спалато) и отпечатана в Падуе в 1664 г. — К 1692 г. относится знаменитая подделка французского офицера Нодо, опубликовавшего якобы найденный им в Белграде полный текст Петрониева романа, на самом деле испещренный вставками его собственной стряпни. Обман был очень быстро обнаружен, но, тем не менее, в изданиях и переводах (Шлютера, Де-Герля, Чуйко) интерполяции Нодо продолжали сохраняться, ибо сообщали некоторую цельность диспаратным отрывкам. Между прочим, они представлены и в данном переводе. После долгих колебаний мы решили их сохранить, выделив прямыми скобками [1]) и в примечаниях (1, 30, 31, 58, 336) оценив их по достоинству: в таком виде они будут безвредны. Выбросили мы их только там, где они не восполняли, а только загромождали рассказ (см. 9, 272, 284).

В остальном же мы держались стереотипного издания Бюхелера (Berlin, Weidmann 1912), просмотренного Хереусом, и (для пира Трималхиона) изд. Фридлендера (Ф.).

§ 2. Время написания.

Итак, „Сатирикон" передан нам без начала и конца (он обнимал, повидимому, не менее 20-ти глав), фрагментарно и, к тому же, в сравнительно очень поздних списках. Упоминания о нем начинаются не ранее III века нашей эры. К какому же времени относится оригинал? Следующие критерии заставляют нас отнести роман к эпохе Нерона

---

[1]) Текст, помещенный в круглых скобках ( ), означает вставки нашего переводчика, необходимые или желательные для правильного восприятия оттенка мысли.

(54 — 68 г. по Р. Х.): 1) он не может быть старше царствования Тиберия († 37 по Р. Х.), ибо история об искусном стекольщике (гл. LI), которую Плиний (Nat. hist. 36, 195) и Кассий Дион (57, 21) относят ко времени этого императора, упоминается, как нечто давно бывшее (см. Cocchia, Rivista di filologia XXV, 367); 2) трагед Апеллес, славный во времена Калигулы († 41 г.), назван как старший современник говорящего (236); 3) упомянут музыкант Менекрат (260), слава коего вряд ли пережила эпоху Нерона, когда он жил (см. Ф., стр. 12); 4) в главе LXX говорится о „неслыханном до сей поры обычае" омывать ноги гостям, а Плиний (Nat. h. 13, 22) утверждает, что этот обычай введен Нероном (см. Cocchia 1, с. 268) (см. также 100).

Историко-литературные соображения тоже приводят нас к эпохе Нерона.

а) Здесь критерием служит, прежде всего, характер литературных цитат и упоминаний: старые авторы, Луцилий (12), Публилий (193), Цицерон (гл. V, ст. 20), а также поэты Золотого Века Виргилий (250, 358) и Гораций (353) названы по именам; Лукана же (род. 39 — † 65 г.) Петроний критикует, не называя его (354): очевидно, юноша-поэт еще был жив, или же Петроний не хотел тревожить его свежего праха. Как бы то ни было, „Фарсалия" уже была написана в момент возникновения глав CXVIII — CXXIV „Сатирикона". Лукан выступил на поэтическом поприще в 60 г., прочитал первые главы „Фарсалии" не ранее 62 г. и умер в 65 г. Нерон же погиб в 68 г., после какового срока не имело смысла умалчивать о Лукане. В 65 же году умер Сенека, с которым Петроний имеет много общего (72, 199, сл. Collignon, Etude sur Petrone, p. 311), ни разу его не называя. Все это заставляет нас поместить „Сатирикон" в 60-е годы I века.

б) На то же указывают и литературные вкусы автора. Его особое пристрастие к Луцилию (12, 96, см. также 53, 225, 313, 448) ставит нашего Петрония в ряды архаистов I века (12), делает его как бы пионером этого движения. Точки соприкосновения Петрония с Луцилием, как кажется, еще недостаточно обратили на себя внимание исследователей, главным образом потому, что творения первого сатирика дошли до нас в виде жалких фрагментов. Особенно должны мы жалеть об утере 2-й книги, где описывался пир разбогатевшего плебея (глашатая?) Публия Галлония, так как Петроний несомненно (96) пользовался ею и, может быть, в гораздо более широких размерах, чем сейчас удается установить. Равным образом и 7-я книга (см. 318, 448) по

[1]) Здесь речь идет, конечно, не о тех местах, которые Петроний цитирует с целью пародии.

теме была близка к „Сатирикону", ибо описывала нравы двух изнеженных юношей, вероятно, отчасти напоминавших Аскилта и Энколпия.

Но Петроний не принадлежал к числу односторонних людей с ограниченным вкусом, умеющим восхищаться лишь одним литературным видом. Он с похвалой упоминает о Цицероне (гл. V, ст. 20), Августовским поэтам он отдает должное, часто их цитирует [1]) и пользуется их выражениями, в особенности виргилиевскими (сл. поэмы „О гибели Трои" и „О гражданской войне"). О Горации он отзывается с восхищением (353). Меньше точек соприкосновения у него с Овидием (сл., впрочем, 343, 21).

Особо должно рассматриваться отношение Петрония к дидактике Публилия, которому в гл. LV приписано целое стихотворение, вероятнее всего принадлежащее перу нашего Петрония. Похвала его, однако, вложена в уста Трималхиона, и другая параллель (105) тоже попадается в речи вольноотпущенника, так что неизвестно, сам ли Петроний одобряет мимографа или, со свойственным ему тонким пониманием вкусов различных сословий (сл. 92), только хотел указать на популярность Публилия в известных кругах (сл. также § 16).

в) Петроний обрабатывает модные темы Неронова времени (294, 354).

г) С другой стороны, многочисленные параллели из Марциала (67, 79, 108, 109, 309, 314, 316 и др.) указывают на то, что „Сатирикон" есть продукт идеологии I века, а дословные сходства (62, 123, 237, 371, 464 и, в особенности, вся эпиграмма III, 82) с тем же поэтом (расцвет его творчества — 90-е годы I века) носят характер прямых заимствований Марциалом у Петрония.

Стаций, писавший „Фиваиду" в 80-х годах, заимствует стих III, 661 („Первых в мире богов боязнь создала...") из стихотворения Петрония, специально посвященного этой мысли. Таким образом, круг литературной хронологии вокруг „Сатирикона" все стягивается и приводит к тем же результатам, что и другие критерии.

§ 3. Автор.

Итак, наш роман написан при Нероне, и автор его в рукописях называется Петронием Арбитром. Во времена Нерона засвидетельствован один только Петроний, о котором Тацит (кн. XVI, гл. 18) рассказывает следующее:

„Говоря о К. Петронии, надлежит вернуться несколько назад. День он посвящал сну, ночь — делам и жизненным наслаждениям. Других приводят к славе старания, его же — бездеятельность; он не считался забулдыгой и мотом, как другие проживающие свое состояние, но отли-

чался утонченной (просвещенной) роскошью. Чем вольнее были его слова и дела, чем яснее обнаруживал он свое легкомыслие, тем охотнее все это принималось за простоту души (откровенность натуры?). Однако, будучи проконсулом, а вскоре затем консулом в Вифинии, он показал себя дельным и умелым в исполнении обязанностей. Затем, опять погрузившись в пороки или в подражание порокам, был принят в число немногих приближенных Нерона, в качестве арбитра изящества, так что Нерон не считал ничего ни приятным, ни роскошным, пока не получал одобрения от Петрония. Отсюда — зависть Тигеллина по отношению к сопернику, превосходившему его в науке наслаждений. Поэтому он воспользовался жестокостью властителя, которая у этого последнего пересиливала все прочие страсти, обвинив Петрония в дружбе со Сцэвином (одним из участников заговора Пизона), подкупив раба, запретив защиту и сковав большую часть прислуги Петрония. Случайно Цезарь в это время отправился в Кампанию, и Петроний, проехав до Кум, был там задержан. Он не мог долее выносить колебаний между страхом и надеждой. Однако он не сразу расстался с жизнью, но приказывал то открывать, то вновь перевязывать вскрытые жилы и обращался с речью к друзьям не с серьезными речами и не затем, чтобы заслужить от них похвалу своему мужеству. Он не хотел слушать ничего о бессмертии души, ни философских рассуждений, а только легкомысленные песни и легкие стихи. Одних рабов он щедро наградил, других наказал плетьми. Возлег за пиршественный стол, затем заснул, чтобы придать невольной смерти вид случайной. В завещании своем он не льстил, подобно многим погибающим, ни Нерону, ни Тигеллину, ни кому-либо из власть имущих, но перечислил в нем все бесчинства властителя, называя имена всех миньонов и женщин [1]) и описывая все новые виды разврата, а затем послал (все это) Нерону за своею подписью. Он сломал печатку своего кольца, чтобы она не была использована для чьей-нибудь гибели (т.-е. для составления подложного документа). Недоумевая, каким образом стали известны его ночные проделки, Нерон заподозрил Силию, небезызвестную благодаря своему браку с сенатором и осведомленную обо всех распутствах Нерона, а также связанную близкой дружбой с Петронием. Она была наказана изгнанием за то, что якобы из личной ненависти не умолчала о том, что видела и чему сама подвергалась".

За тождество этого Петрония с автором „Сатирикона" говорят следующие соображения: 1) Консул Петроний назван „арбитром изящества", что позднейшими писателями могло быть истолковано как прозвище (cognomen); 2) в Кумах узник был окружен друзьями и рабами, которых он мог наказывать, так что весьма возможно (но отнюдь не обязательно) предположить, что он содержался в своем доме, а если у него был дом в Кампании, то весьма понятно, что он смог так превосходно описать в „Сатириконе" тамошние нравы и так хорошо знал местный диалект; 3) тонкое внимание и вкус ко всему изящному, утонченность в наслаждении жизнью, как увидим ниже, приближает консула к писателю; 4) за то же говорит и вкус к легкой поэзии; 5) царедворец Нерона афишировал известную „простоту", simplicitas, пренебрегавшую этикетом и предрассудками, а автор гл. CXXXII тоже подчеркивает simplicitas своего произведения в противоположность катоновской строгости нравов.

Завещание Петрония до нас не дошло. Некогда процветавшая гипотеза о его тождестве с „Сатириконом" не выдерживает критики и не должна более подвергаться обсуждению.

[1]) Cocchia (ук. соч., стр. 380) предлагает перевод: „под вымышленными именами распутников и женщин", что приводит его к выводу о близости этого завещания к „Сатирикону".

§ 4. Место действия.

Место написания „Сатирикона" неизвестно. Место действия сохранившихся частей — Кампания, в частности, начиная гл. CXVI — город Кротон (или Кротона) [1]) „Греческий город (гл. LXXXI), где происходят приключения с Аскилтом и Квартиллой и пир Трималхиона, не назван по имени, и ученые тщетно пытались его определить. Кумы отпадают из-за того, что Трималхион в гл. XLVIII говорит о них, как об отдаленном месте. Против Неаполя говорит гораздо больше соображений, чем за него, между прочим отчасти и то, что Агамемнон (15) среди иногородних школ (афинской и тарентской) называет и неаполитанскую. Меньше всего возражений вызывает колония римских граждан (см. 151) Путеоли (нын. Puzzuoli), бывшая греческая Дикайархия (см. 373), но и за нее нет никаких особенно веских данных.

[1]) Отношение рассказа „Сатирикона" к Массилии вовсе не так достоверно, как хочет Шанц (стр. 103). Упоминания у Сервия и Сидония Аполлинария могут относиться и к какому-либо другому произведению нашего Петрония.

II. ОБРАЗЫ И МОТИВЫ

§ 5. Эмоциональная концепция[1]).

Занимавший многих вопрос о том, есть ли „Сатирикон" произведение юмористическое или сатирическое, сводится к тому, какое чувство преобладает в концепции данного произведения—веселость или недовольство, желание посмеяться или высмеять. Первому решению несомненно должно быть отдано предпочтение, ибо, как увидим ниже, юмористическому заданию служит большее количество образов (и мотивов). В дальнейшем мы при обозрении отдельных форм ближе подойдем к эмоциональному заданию автора. Сейчас же ограничимся несколькими главнейшими замечаниями, чтобы отделить в нашем романе сатиру от юмора

Ясно, что дурные явления дают больше пищи для смеха, чем хорошие (см. ниже § 8); поэтому юморист, как и сатирик, часто выводит целый ряд отрицательных (с этической точки зрения) фигур. Весь вопрос том, с какою степенью порицания он к ним относится.

а) При описании действующих лиц Петроний, вообще, редко порицает. Ни в чем не проглядывает его отрицательное отношение к главному герою, Энколпию, вору (гл. XII — XV), убийце (LXXXI), трусу (LXXXII) и распутнику. Если он и терпит наказание, то именно за невозможность осуществить любовное похождение (CXXX — CXXXII). Равно и Эвмолп избит за хорошие стихи (XC) и награжден за ложь и надувательство (CXXIV — CXXV).

Но всего интереснее взглянуть на ту фигуру, которая описана в наиболее мрачных красках, на Трималхиона, и посмотреть, насколько эти краски соответствуют тому, что в I веке по Р. Х. считалось сатирой. В сравнение идут „Апоколокинтосис" Сенеки (сатира на покойного императора Клавдия) и эпиграммы Марциала как в целом, так и в особенности эпиграмма III, 82, вероятно являющаяся подражанием пиру Трималхиона. У Сенеки все произведение направлено против Клавдия, он все время на сцене, всякий эпизод служит к вящшему его поношению и раскрытию его гнусности и ничтожества. Но особенно поучительно сравнение Малхиона, героя эпиграммы III, 82, с нашим Трималхионом. Марциал не дает своей жертве ни отдыха, ни срока: у Малхиона нет

[1]) Эмоциональная и идейная концепция, в конечном счете, познаются из иконических элементов произведения, т.-е. из образов, мотивов и их комбинаций. Чувство или мысль, не „оправданные" образами, т.-е. не иллюстрированные ими, не входят в художественную концепцию произведения. С другой стороны, стиль и метрика способны только подчеркивать концепцию, не определяя ее характера. Поэтому мы включаем рассмотрение концепции „Сатирикона" в главу об иконологии.

ни одной симпатичной черты (сл. 57, 62, 123). Какая разница в отношении к гостям между ним и Трималхионом! С жалобы на него начинается эпиграмма и жалобой же кончается. У Трималхиона же, напротив, огромное количество достоинств: он радушен, отходчив во гневе, любит равенство, щедр на подарки. В завещании своем он всех рабов отпускает на свободу; рассердившись на Фортунату, он не придумывает для нее никакого более страшного наказания, кроме того, чтобы она не смела поцеловать его на смертном одре и не была изображена на его памятнике. Он добродушен, сентиментален, повидимому, честен. Словом, он не гнусен, а только смешон.

б) Равным образом, на юмор, а не на сатиру расчитан основной мотив, повидимому связывавший воедино отдельные приключения Энколпия, — „гнев Приапа" (см. 410). Приап (47) есть по существу божество юмористическое. В основе его культа лежит религиозное чувство с сильной комической окраской — чувство, которое мы, насквозь пропитанные назарейским воззрением на религию, понимаем лишь с трудом. Об этом красноречиво свидетельствуют надписи на статуях Приапа (см. 398, 446, 457, 458)[1]). В одной из них бог прямо говорит:

XLIV. Вы не мните, что все, что говорю я,
Лишь для шутки и смеха говорится.

Следует, однако, комическая непристойность. Во многих надписях божок жалуется на непочтительное отношение: слишком галантные соседки доводят его до изнеможения (XXVI), или скверный поэт нацарапал на нем бездарные стихи (LXI), или

LVI. Надо мной ты смеешься, вор, бесстыдно
И грозящему мне ты кажешь кукиш?

Если такое божество направляет ход романа, то вряд ли от него следует ожидать строгой цензуры нравов.

в) Действительно, в стихотворении гл. CXXXII (452 сл.) автор, как кажется, излагает свое credo: „(3) В гладком рассказе моем веселая прелесть смеется" и далее (5 — 6): „Кто же не знает любви и не знает восторгов Венеры? Кто воспретит согревать в теплой постели тела".

г) Мы однако не хотим сказать, что произведение Петрония вовсе лишено сатирического элемента; мы только отводим ему второстепенное место. Следует отличать сатиру в самом теле повествования от вставных сатирических произведений. В самом рассказе Петроний редко выражает осуждение, а если выражает, то не этическое, а главным образом эстетическое. Трималхиона он осуждает преимущественно за безвкусие. „Дело дошло до высшей степени тошнотворности", говорит он о без-

[1]) Мы цитируем их по изд. Бюхелера 1904 г.

образной затее Трималхиона устроить фиктивные похороны. Он возмущается идеей Трималхиона допустить к своему столу рабов из-за скверного запаха, который издавал повар (LXX). В гл. XXIII, кинэд назван „пошлейшим из смертных“ не за свое занятие, а за свое безобразие, и т. п. Пример шутливой эстетической сатиры дают также стихотворения гл. CX.

д) Нравственная сатира там и сям разбросана по роману в отдельных замечаниях о сладострастии и низменных вкусах матрон. В ту же цель бьет и новелла о „Матроне Эфесской“ (CXI — CXII). Но есть и целые сатирические стихотворения. Из них стихотворения гл. XIV, LXXXII и CXXXVII направлены против продажности и скупости, что так же, как и эстетическая сатира, очень подходит к Петронию, описанному у Тацита.

Сатира против роскоши (LV) сделана в подражание Публилию О том, какой характер носило стихотворение гл. XCIII, трудно судить, так как оно передано фрагментарно.

Таким образом, сатира занимает в „Сатириконе“ лишь весьма скромное место, на ряду с другими вставными элементами. Кроме того, она всегда ведется в мягких тонах и никогда не доходит до диатрибы. Общую концепцию романа можно определить, как комико-эротическую.

§ 6. Идейная концепция.

Это происходит, конечно, не потому, чтобы Петроний не владел стилем диатрибы: напротив, когда нужно, он влагает в уста своих персонажей ругательные тирады, которые могут служить образцами этого рода (LVII, LVIII, LXXXI). Дело в том, что самая идеология „Сатирикона“ чужда нравственного возмущения.

а) Недаром Петроний два раза устами своих любимых героев Эвмолпа (CIV) и Энколпия (CXXXII) восхваляет Эпикура, как „божественного человека“ и „отца правды“, проповедывавшего спокойное отношение ко всему и жизнь для наслаждений.

Правды отец, Эпикур, и сам повелел нам, премудрый,
Вечно любить, говоря: „цель этой жизни — любовь“.

И все действующие лица романа, Энколпий, Аскилт, Гитон, Квартилла, Трималхион, Кирка, Филомела, пренебрегая законами дружбы‘ честностью, целомудрием, живут только для наслаждения — так, как будто каждый день был их последним днем (XCIX), et bien leur en prend: никто из них в этом не кается. Смерть они встречают спокойно, отдаваясь до конца любимым удовольствиям: Эвмолп — поэзии (CXV), Энколпий — возлюбленному отроку (CXIV).

б) Мир они заранее принимают, как никуда не годный. Пессимизм насквозь проникает мировоззрение Энколпия. Когда ему везет‘ он говорит, что Судьба, это исчадие Ада (381), от него отвернулась (435). Фортуна играет нами, как хочет (LV); человек — ничтожен (XXXIV); дружба — лишь иллюзия (LXXX); справедливости на земле не существует: все судьи — мздоимцы и лицемеры (XIV); нравственный человек есть аномалия, и все его ненавидят (LXXXIV); искусство — в презрении (LXXXIII); все на свете — продажно (CXXXVII). Возмущаться тут, стало быть, незачем, а надо стараться устраиваться, как можно лучше (XXXIV тристих, LXXII).

в) Человек ведь предоставлен сам себе. По учению Эпикура, боги не вмешиваются в жизнь людей. Весь „Сатирикон“ пропитан религиозным скептицизмом. Самая центральная мысль романа—что потешный бог Приап направляет судьбы героя, есть уже насмешка над божественным промыслом. Над верой в руководящих людьми богов Петроний неоднократно издевается; он упоминает об их помощи при самых недостойных случаях: Квартилле вещий сон якобы повелевает искать у двух юношей своеобразного исцеления от лихорадки (XVII); Энколпий приписывает Меркурию весьма непристойную помощь (CXL). Петроний идет много дальше Эпикура, порою впадая в настоящее кощунство, когда, например, он издевается над множественностью богов (XVII: наша страна так полна покровительствующих божеств, что легче встретить бога, чем человека) или над священными животными (CXXXVII: вот.... 2 золотых: на них вы можете купить и богов, и гусей). Богов он, повидимому, признает только, как поэтическое украшение эпических поэм (354). Он насмехается над гаруспициями (481), над колдовством, над вещими снами (CIV); разные народные поверия он вкладывает в уста невежественных вольно-отпущенников (111, 205). Одним словом, мы имеем перед собой изящного вольнодумца, отрицающего в религии все то, что мешает жить.

г) Такое мировоззрение, разумеется, должно было сопровождаться не только нравственной, но и идейной терпимостью. В самом деле, Петроний, повидимому, имел мало общего со стоицизмом, все же он с восхищением отзывается о Хрисиппе (288).

д) Широкая терпимость оставляет весьма мало места для дидактики. Есть только одна область, которая настолько живо затрагивает Петрония, что он решается выступить в качестве учителя: это—область эстетики. В главе I он высказывает свои суждения по поводу красноречия, в главе V—по поводу литературного образования юношества, в главах LXXXIII и LXXXVIII он перечисляет образцовых художников, наконец, в предисловии к „Гражданской войне“ он в аподиктическом

тоне излагает принципы эпического творчества (354). Таким образом, дидактика Петрония, как и его сатира, обличают в нем, прежде всего, „арбитра изящества“ [1]).

§ 7. Сюжетная композиция.

а) „Сатирикон“ есть произведение повествовательное, т.-е. мотивы (образы в действии) расположены в нем во временной последовательности. Внутри этого повествования мотивы соединяются в отдельные, более или менее замкнутые группы, от чего повествование становится многовершинным. Группы соединяются в одно целое единством личности героя и связующим мотивом „преступления Энколпия, за которое Приап и преследует его, заставляя переживать все описанные приключения“. Так как весь ход действия изложен в прозе, то налицо все признаки, по которым мы можем назвать данное произведение романом [2]). Прибавим тут же, что центральный образ героя-авантюриста делает „Сатирикон“ первым дошедшим до нас образцом [3]) novela picaresca, жанра, который в новой литературе прославился благодаря „Ласарильо де-Тормес“, „Жиль-Блазу“, „Шельмуфскому“ и др. и к которому принадлежат, между прочим, и „Мертвые Души“.

б) Состав этого романа, как уже сказано, нам неизвестен и был гораздо обширнее, чем то, что дошло до нас. Все содержание делится на: 1) мотивы, связанные хронологической последовательностью, составляющие самое тело романа, и 2) вставные части в стихах и прозе. Это последнее обстоятельство придает роману характер так называемой сатуры. Так римляне называли произведение, допускавшее соединение различных жанров, стилей и метрических форм. Вставные части совершенно независимы друг от друга и в интересующем нас вопросе о сюжетной композиции должны рассматриваться отдельно от основных частей романа.

в) Деление сюжета „Сатирикона“ на отдельные части затрудняется тем, что мы не знаем ни начала, ни конца.

---

[1]) Только маленькое стихотворение, глава XVIII, носит характер нравственно-поучительный, призывая к мягкости по отношению к побежденному врагу.

[2]) Между романом, эпосом и эпической поэмой в широком смысле (героической, комической, идиллической) истинная разница покоится на одной только звуковой форме (проза и стихи). Правда, словоупотребление здесь еще далеко не установлено: говорят о „Евгении Онегине“ или о „Пане Тадеуше“ как о романе в стихах. В средневековой литературе слово „роман“ употребляется то для отличия прозаических повествований от поэтических, то для отделения бретонских и поздних (с XIII в.) французских поэм от Chansons de geste.

[3]) Зависимость Петрония от каких-то греческих романов, впредь до новых открытий, принадлежит к области метафизики.

А.—Из утерянных первых 14 книг мы по индициям сохранившихся глав можем установить только следующие мотивы: 1) любовная связь Энколпия с Аскилтом (IX); 2) любовь к Дориде (CXXVI); 3) преступления (по крайней мере два) Энколпия (IX, LXXXI, CXXXIII ст. 6—10), из которых одно, сексуального характера, навлекло на него гнев Приапа, а другое (убийство хозяина) совершено уже после; 4) бегство от суда и арены (IX, LXXXI); 5) знакомство с Гитоном (в тюрьме? LXXXI); 6) приключение Энколпия с Лихом и Гедилой, а Гитона с Трифэной (CIV,—CXIII); 7) ограбление виллы Ликурга (CXVII); 8) знакомство с Агамемноном.— В каком порядке шли эти части—нам абсолютно неизвестно.

В.—Дошедшая до нас часть тоже испещрена лакунами. Оглавление ее (с выпуском вставных частей) можно изобразить приблизительно так:

А. В греческом городе:

I. Аскилт и Гитон.
1) Разговор с Агамемноном (I—V).
2) Приключение в лупанаре (VI—VIII)
3) 1-я ссора с Аскилтом (IX—XI).
4) Краденый плащ (XII—XV).

II. Квартилла.
1) Визит Квартиллы в гостиницу (XVI—XIX).
2) Сладострастные пытки (XIX—XXIV).
3) „Свадьба“ Гитона (XXV).

III. Пир Трималхиона.
1) Трималхион в бане (XXVI—XXVII).
2) Прихожая Трималхиона (XXVIII—XXXI).
3) Закуска и появление Трималхиона (XXXI—XXXVI).
4) „Тейхоскопия“ Гермерота (XXXVII—XXXVIII).
5) Речи Трималхиона (Зодиак и др.) (XXXIX—XL):
6) Разговоры вольноотпущенников (XLI—XLVI).
а) о погоде (Дама);
б) о мертвом Хрисанфе и его брате (Селевк и Филерот);
в) политический пессимист (Ганимед);
г) политический оптимист (Эхион);
д) о зрелищах (он же);
е) о воспитании сына (он же).
7) Шутки и рассуждения Трималхиона (XLVII—LVII).
(Вставка: Анекдот (?) об искусном стекольщике и Цезаре (LI).
8) Инвектива Гермерота (LVII—LVIII).
9) Развлечения и дары (LIX—LX).

(Вставка: Сказки: α) Оборотень (Никерот), β) Ведьмы (Тр.).
10) Габинна (LXIV—LXX).
11) Завещание Трималхиона (LXXI—LXXII).
12) Баня и приключение с собакой (LXXII—LXXIII).
13) Ссора Трималхиона с женой (LXXIV—LXXV).
14) Биография Трималхиона (LXXV—LXXVII).
15) Игра в похороны (LXVIII).

IV. Евмолп.
1) Разрыв с Аскилтом (LXXIX—LXXXI).
2) Встреча с солдатом (LXXXII).
3) Встреча с Эвмолпом (LXXXIII—LXXXIV).
(Вставка: Новелла об уступчивом мальчике).
4) Рассуждение Эвмолпа о живописи (LXXXVIII).
(Вставка: Поэма о гибели Трои).

V. Эвмолп и Гитон.
1) Приключение в бане и возвращение Гитона (XC—XCII).
2) Ссора с Эвмолпом (XCIII—XCVI).
3) Обманутый Аскилт и примирение с Эвмолпом (XCVI—XCIX).

B. На море.

VI. Лих и Трифэна.
1) Неудачная хитрость (C—CIII).
2) Разоблачение и бой (CIV—CX).
(Вставка: Новелла о Матроне Эфесской).

VII. Крушение.
1) Пир (CXIII).
2) Буря и гибель Лиха (CXIV).
3) Труп Лиха (CXV).

C. В Кротоне.

VIII. Богатый старик.
1) Описание кротонских нравов (CXVI).
2) Хитрый план (CXVII).
(Вставка: Поэма о гражданской войне).
3) Разбогатевшие жулики (CXXIV—CXXV).

IX. Кирка.
1) Первое свидание (CXXV—CXXVIII).
2) Переписка (CXXIX—CXXX).
3) Второе свидание и его последствия (CXXX—CXXXII)
4) В храме Приапа (CXXXIII—CXXXVIII).
5) Хрисида (CXXXVIII—CXXXIX).

X. Кротоняне.
1) Филомела и ее дети (CXL).
2) Исцеление Энколпия (CXL).
3) Завещание Эвмолпа (CXLI).

Таким образом, рассказ доведен до исцеления Энколпия. При каких условиях оно произошло и какую роль играли в нем Приап и Меркурий, мы не знаем.

Г. Точно так же мы лишены средств определить, кончился ли на этом гнев Приапа, а с ним и злоключения Энколпия. Если далее следовали еще 4 (?) книги, т.-е. больше, чем дошло до нас, то вряд ли они были посвящены одной только счастливой развязке.

г) Связь между отдельными эпизодами не совсем ясна из-за значительного количества пробелов, но там, где их нет, роман являет признаки большого мастерства. Эпизоды, большею частью, соединены как бы цепью, так что какой-нибудь персонаж предыдущего эпизода действует в последующем. Особенно это ясно при переходе от приключений с Аскилтом к содружеству с Эвмолпом; они связаны сценой A, V, 3. В приключении с Лихом Эвмолп оказывается связующим звеном. Знакомство с Агамемноном (эп. A, I, 1) приводит друзей на пир Трималхиона (A, III). Вставки, напротив, вводятся более или менее искусственно, в особенности, обе эпические поэмы.

§ 8. Отношение к юмористической концепции.

Не имея возможности в кратком предисловии произвести сколько-нибудь полный иконологический анализ „Сатирикона“, мы остановимся только на том, насколько образы и мотивы выполняют основные задания нашего романа, и, в первую голову, на отношении их к комической концепции.

Смешным является то, что, нарушая какую-нибудь положительную норму, не вызывает при этом неприятного чувства [1]). Нарушение разных норм порождает разные виды комизма. Мы увидим, что Петроний довольно широко использовал открывавшиеся перед ним возможности.

---

[1]) Это определение смешного, может быть, не всех удовлетворит. Но для исследования литературных явлений оно достаточно, ибо в него лучше всего укладывается субъективный характер смешного. В самом деле: и нормы (справедливости, нравственности и т. д.) меняются по векам, странам и общественным слоям, и явления (грубости, жестокости и т. п.), которые вызывают более или менее мешающие комизму чувства (гадливости, жалости, страха, гнева) по разному воспринимаются отдельными лицами.

а) В мотивах (образы в действии). — 1) На нарушении нормы закономерности, т.-е. нормального хода действия, основан комизм неожиданностей, которым Петроний особенно широко пользуется на пиру Трималхиона при разных поварских трюках, неоднократно обманывающих ожидания Энколпия. — К комизму неожиданностей относятся и фиктивные опасности в роде самоубийства Гитона (XCIV). 2) Норма справедливости нарушается при удачных проделках жуликов (обычный комический прием), как напр. эпизод с плащом (XII—XV), или, напротив, незаслуженном наказании: напр. глава CXXXII или различное отношение публики терм к Эвмолпу и Аскилту (XCII). 3) Последний случай, впрочем, обладает двойным комизмом, ибо заключает в себе также преступление против нормы благопристойности, на чем основан весь комизм гривуазности, мастерски примененный в новелле об уступчивом мальчике (LXXXV——LXXXVII) и составляющий основу многих других глав. — 4) При выходе из нормы целесообразности возникает, между прочим, мотив неудач, в роде случая с собакой (LXXII) или встречи с солдатом (LXXXII); сюда же относится и рассказ об искусном стекольщике (LI), заключающий в себе также элементы 1-й группы.

б) Образы (в покое), т.-е. комизм в описании. — 5) Норма красоты оскорблена в смешных фигурах Трималхиона (XXXII), его любимца Креза (LXIV) и кинэда (XXIII). — 6) Отсутствие нормальной образованности смешит нас в мифологической и исторической экзегезе Трималхиона (221). — 7) Наконец, норма хорошего вкуса поминутно преступается во время пира в образах неподходящих блюд (96 и др.), безвкусных развлечений (гомеристы LIX и др.). Безвкусиц на пиру, вероятно, гораздо больше, чем мы можем обнаружить, ибо эта норма наиболее переменчива и представления I века о хорошем тоне нам далеко не достаточно известны.

При тщательном исследовании можно будет, вероятно, обнаружить в „Сатириконе“ и другие виды комизма, но и этого довольно, чтобы дать понятие о ширине юмористического диапазона.

§ 9. Отношение к реальному субстрату.

Образы и мотивы берутся из окружающей писателя реальной обстановки или из вторичного источника, из литературы. Над этим запасом творческая фантазия производит различные операции, из которых мы очертим некоторые в связи с „Сатириконом“.

а) Прежде всего мы коснемся вопроса о реализме, т.-е. о том, насколько Петроний выполняет задание, которое он ставит себе в стихотворении гл. CXXXII:

Нравы народа поет мой безмятежный язык.

Многочисленные параллели из других латинских авторов к реалиям Петрония указывают на то, что предметы неодушевленного мира он брал безусловно из действительного обихода.

Что касается человеческих типов, то тут, кроме параллелей (напр. 309), за реализм говорит и самый способ характеристики. Человеческие типы внутри романа нигде не идеализованы ни в хорошую, ни в дурную сторону: нет ни образцов добродетели, ни мелодраматических злодеев,—все живые люди с достоинствами и недостатками. Непревзойденный образец в этом отношении представляет описание Фортунаты, вложенное в уста Гермерота (XXXVII). Сам Гермерот груб, но честен и хороший семьянин (LVII—LVIII); впрочем, если его не раздражать, он способен употреблять и весьма вежливые обороты речи (XLI) Эвмолп сластолюбец, проказник и обманщик, рискует жизнью, защищая друзей (XCV—CVIII). Даже Аскилт, вечный изобретатель всяких пакостей, доступен добрым чувствам (XCVII). Словом — никто не плох окончательно. Но зато никто и не хорош до совершенства: Кирка, идеал красоты—капризна, вспыльчива, злопамятна; Гитон, прелестнейший и нежнейший из мальчиков—лжив, труслив и изменчив. Примерам реалистической характеристики с тончайшими нюансами нет конца: отсылаем еще к фигурам добродушного жулра Габинны и субретки Хрисиды.

Эвмолп в гл. LXXXV играет роль Тартюфа, но достаточно сравнить его с мольеровским злодеем, чтобы увидет разницу между живым человеком и воплощенным Лицемерием.

б) На ряду с характеристикой можно отметить и прием типизации, подчеркивания общих черт различных человеческих групп, как, напр., бахвальство вольноотпущенников (LVII, LXVII, LXXVII и др.), любовь матрон к рабам (XLV, LXIX, CXXVI), лицемерие эфебов (LXXXV, XCI), и др.

в) Яркости образов немало также способствует подробная их детализация, для которой свободная форма романа открывает широкое поле (XXXI—LXXVII) [Сл. также описание туалета (LXVII)]. Из вставных частей наилучшим примером служит стихотворение гл. CXXXV, описание помещения жрицы.

г) Идеализации и гиперболизму, как сказано, нет места в самом романе, но вставные части показывают, что Петроний владел и этим приемом, когда являлась необходимость. Так в поэме „О Гражданской Войне“ он сумел противопоставить лукановскому „абсолютному злодею“ своего Цезаря, „абсолютного героя“. Идеалистическое описание природы см. в стихотворениях гл. CXXVII и CXXXI.

д) Также и фантастические образы находят себе место только в символике поэтических вставок (особ., в „Гражданской Войне") и во вставных сказках (см. § 7).

III. СТИЛЬ

§ 10. Стилистическая композиция.

а) Произведение Петрония есть satura lanx, т. е. „винегрет" из различных литературных жанров; кроме того, ход действия поминутно переносит нас в другую среду, и следует удивляться, как умело Петроний приспособляет и лексикон, и фразеологию, разнообразя их по жанрам и по действующим лицам. Таким образом, стилистический диапазон „Сатирикона" огромен: от высокопарной эпической поэмы (294 сл.) до площадной брани (LVII), от юридического акта (340) до болтовни шустрой служанки (CXXVI). Каждый из этих разнообразных стилей имеет свою историю и свои особенности. Даже для краткой характеристики их у нас не хватит места. Хорошо еще, если нам в кратких чертах удастся выделить два-три главных пункта.

б) Кроме различения стилей, наблюдается, и даже очень часто, намеренное смешение стилей в целях пародии. Самый центральный мотив, гнев Приапа, преследующий героя, своею близостью к сюжету Одиссеи толкал автора на путь пародии; поэтому он очень любит в самых комических и скользких местах цитировать Виргилия (напр. 117, 344, 345).

в) Что касается отдельных вставных частей, то в них иногда замечается мастерская стилистическая композиция. — Примеры: (α) новелла об уступчивом мальчике чрезвычайно ловко разделена на две части при помощи эпифоры („молчи, или я скажу отцу"); (β) в виде сравнения построено стихотворение гл. CXXXIX; (γ) в виде преамбулы — стихотворение гл. CXXXIV; (δ) антитезу представляет поучение Агамемнона (гл. X): в холиямбах изложено то, чего не надо делать, в гексаметрах — то, что надо.

Этого рода построения сообщают вещицам стилистическую компактность.

§ 11. Фигурация (стиль фразы).

Ясно, что полный перечень и точный подсчет стилистических фигур не есть дело данного предисловия. Даже классификация их заняла бы слишком много места. Так пришлось бы совершенно выделить сложную фигурацию вставных поэм, которая входит в круг изобразительных средств всех подобных произведений и должна была бы рассматриваться в связи со стилем Энеиды и Фарсалии. Примечания дают некоторые индиции в этом отношении. Мы ограничимся указанием

нескольких характерных для Петрония приемов, сообщающих его роману оригинальный отпечаток. Конечно, речь идет, главным образом, о комических приемах.

а) Сюда относится, прежде всего, пародийный прием высокопарных сравнений из области мифологии или героического эпоса; прием заключается в сопоставлении великого с ничтожным (см. 270, 450). На этом построено и стихотворение гл. CXXXIX. Подобная конструкция стихотворения и самый прием пародийного сравнения очень распространены в приапической поэзии и, может быть, оттуда заимствованы. Близость Петрония к Приапеям, вообще, несомненна. Сл., напр., Приапею IX (изд. Бюх.):

Спросишь, зачем у меня непристойная часть не одета?
Разве какой-нибудь бог прячет оружье свое?
Взял себе молнию Зевс и держит ее он открыто.
Видеп у бога пучин грозный трезубец его.
Марс не скрывает меча, которым он грозен и мощен.
Разве Паллада копье прячет на теплой груди?... и т. д.
(сл. также Приап. XVI, XXXVI, XXXIX, LXVIII, LXXV).

б) Другой излюбленный у Петрония вид сравнения — это своего рода отрицательное сравнение, причем (в противоположность славянской поэзии) отрицается сравниваемое: „не человек, а перец", „не человек, а сказка" и т. п.

в) Игра слов встречается в самых различных видах: то она основана на полной омонимии (51), то на анноминации (313), то на разных тропах (201), довольно часто на игре значением собственных имен (130, 441 и др.).

г) Особенно много приемов для усиления эмоциональной окраски речи в разговорах вольноотпущенников: тут и эмфаза (106), и междометия (babae! babae!), и усилительное гаргменон (138: давным давно = olim oliorum), и мн. др.

Мы старались также передать в переводе необычайную краткость и сжатость фраз, хотя по-русски это не всегда возможно.

§ 12. Лексикон (стиль слова).

Нигде так не сказывается гибкость языка Петрония, как в подборе слов. Язык его, полный варваризмов и провинциализмов в речах вольноотпущенников, доходит до классической чистоты, когда он заставляет говорить людей литературно образованных, как Агамемнон или Эвмолп. Классикам этот факт хорошо известен, а для неклассиков это очень трудно иллюстрировать примерами. Мы передавали речи

вольноотпущенников и другие подобные места по возможности русскими простонародными выражениями, но в речах Энколпия, например, мы старались не упускать из внимания его начитанности и образования. Для примера можно предложить сравнение сетования Энколпия на Гитона (гл. XCI) и диатрибу Гермерота против того же Гитона (LVIII).

IV. МЕТРИКА

§ 13. Метрический состав.

Римская „сатура" характеризуется смешением не только стилистических, но, главным образом, метрических элементов; чередование стихов и прозы является для нее обязательным признаком, который передается по исторической филиации (независимо от содержания) от Варрона до Седулия Скотта (IX в.). То же мы видим и в „Сатириконе", заключающем в дошедшей до нас части 30 стихотворений или стихотворных отрывков (не считая отдельных спорных стихов).

Метрическое разнообразие этих вставок, если судить по фрагментам, приписываемым Петронию помимо „Сатирикона", было значительно больше, чем оно представляется нам теперь. В наличности же имеются следующие метры:

№ 1. Героические гексаметры. Этот стих обнимает большинство стихотворений.

— ⏔, — ⏔, — ⏔, — ⏔, — ◡◡, — ⏓

№ 2. Элегические дистихи = гексаметр + пентаметр.

— ⏔, — ⏔, — ⏔, — ⏔, — ◡◡, — ⏓
— ⏔, — ⏔, — | — ◡◡, — ◡◡ ⏓

В глл.: XIV, XVIII, LXXX, LXXXII (XI), CIX, CXXVI, CXXXII, CXXXVII.

№ 3. Элегические тристихи (см. 92) — глл. XXXIV, LV.

№ 4. Фалекии (или одиннадцатисложные) — глл. LXXIX, XV + XCIII, CIX

⏓ ⏓, — ◡◡, — ◡, — ◡, — ⏓

У Петрония 1-я стопа — всегда спондей (— —) (см. п. § 14).

№ 5. Ямбический сенарий — глл. LV, LXXXIX.
(Нормализованная схема) ◡ —, ◡ —, ◡ —, ◡ —, ◡ —, ◡ ⏓
Подробности — см. § 15.

№ 6. Сотадеи (ионические каталектические тетраметры) — глл. XXIII, CXXXII.
(Нормализов. схема, для Петрония): — — ◡ ◡, — — ◡ ◡, — ◡ — ◡, — ⏓

Подробности см. § 15.

№ 7. Холиамбы (или хромые триметры) — гл. V, (см. § 14).

⏓ —, ◡ —, ⏓ —, ⏓ —, — ⏓

[Для неклассиков считаем необходимым напомнить следующее. Все эти стихи суть метрические, т.-е. основаны на чередовании длительных (—) и кратких (◡). В принципе (но далеко не во всех случаях) всякий долгий слог может заменяться двумя краткими (◡ ◡) и наоборот: пиррихий (◡ ◡) может превращаться в (—). Тоже в принципе, всякий ямб (◡ —) и трохей (— ◡) может быть заменен спондеем (— —)].

Все, что в дальнейшем мы будем говорить о метрике, будет касаться не столько разбора Петрониевых метров, сколько вопроса о переводе их на русский язык.

Из всех изобразительных средств литературы метрика (как наиболее связанная со звуковой стороной языка) представляет наибольшие трудности при передаче на чужом языке. Здесь, стало быть, принцип, положенный в основу данного перевода — принцип наибольшего приближения к форме подлинника—требует особо тщательной разработки, ибо применен он может быть, как сейчас увидим, лишь с большими ограничениями.

§ 14. Стопы.

а) Мы усвоили уже издавна принятый в русской поэзии принцип передачи античной просодии путем замены долгого слога ударяемым, краткого—безударным. Этот принцип находит себе главное оправдание в том, что при спокойной (эмоционально слабо окрашенной) речи ударяемый слог в русском языке фактически несколько длительнее безударного.

Удовлетворительность такой передачи становится особливо явственной, если при чтении несколько подчеркивать это природное свойство русских ударных гласных, слегка их протягивая. Этот прием чтения вряд ли заключает в себе больше неестественности, чем обычное чтение тонико-силлабических русских стихов, при котором словораздел в цесуре и конце стиха подчеркивается значительно сильнее, чем в прозаической речи (Когда я в дальний Углич ||| на некое || был послан | послушанье).

5) Получающиеся таким образом тонические стопы, входя в состав русского стиха, подчиняются основному закону этого стиха, а именно всякий ударяемый слог (кроме подъема константы) может быть заменен безударным, не нарушая тонической схемы стиха. Избегать этих з амен, создавая так называемые „рубленые стихи"

мы считали нецелесообразным, ибо русское ухо вполне воспринимает как ямбические, стихи в роде следующих:

— Павли́н пасе́тся в кле́тке для пиро́в твоих.
— И чтоб жена́ в жемчу́жном ожере́лии.

в) Зато новые стопы вступают в резкий конфликт с узусом русского литературного (тонико-силлабического) стиха, по коему в нем не должны сталкиваться два (или более) ударяемых слога. Здесь, прежде всего, стоит на очереди вопрос о передаче спондея (— —)'

α) Там, где спондей сам заменяет другую стопу, вопрос разрешается очень просто: там, где он заменяет нисходящую стопу, трохей (— ◡) или дактиль (— ◡ ◡), его передают трохеем (размеры №№ 1, 2, 3), там, где он заменяет восходящую стопу, ямб (◡ —) или анапест (◡ ◡ —), — ямбом (№ 5).

β) Но иначе обстоит дело в тех стихах, где спондей обязателен или составляет отличительную особенность данного автора, как, например, в одиннадцатисложнике (№ 4) у латинских поэтов после Катулла, в том числе и у Петрония; в этом стихе первая стопа всегда спондаическая, так что по-русски должно получаться три ударяемых слога под ряд. Очень хотелось бы, конечно, передать эту особенность стиха, так как она является постоянной, в то время как у Катулла, в Приапеях и др. на том же месте может стоять трохей. В принципе, конечно, можно начинать стих с двух односложных ударяемых слов. Например, гл. LXXIX, ст. 4: Жа́р ду́ш на́ших смятенных. Но если бы даже можно было бы всем стихам придать столь однообразное начало, то фактически в огромном большинстве случаев одно из таких слов в синтактическом соединении будет слабее ударяться, чем другое, и цель не будет достигнута.

Другой способ передачи этих спондеев путем переменного ритма (то ямба, то трохея, то спондея) — способ, который был применен нами при переводе каролингских поэтов — здесь натолкнулся на препятствие, заключающееся в краткости всех подлежащих переводу стихотворений: раньше, чем переменный ритм успевает стать привычным для уха слушателя, стихотворение кончается, оставляя впечатление неприятного хаоса стоп. Поэтому пришлось отказаться от сохранения спондея и ввести (принципиально допустимый) трохей

Пти́ц люблю́ я из стра́н фази́йских Ко́лхов

со всеми заменами, допускаемыми русским стихом [см. в (б)], напр.

Что́ за но́чка, о, бо́ги и богини! и т. п.

г) Но есть случаи, когда избежать столкновения ударяемых абсолютно невозможно, напр. при передаче 6-й стопы холиамба № 7.

$\smile^1 — | \smile^2 — | \smile^3 — | \smile^4 — | \smile^5 — | — \asymp$

Если заменить предпоследний слог кратким, то холиамб превратится в ямбический сенарий (№ 5) и вся его „хромота" исчезнет. Вместе с тем исчезнет его фонологическое задание: протянутый (а, по-русски, перегруженный ударениями) конец служит дидактической цели стихотворения, долженствуя передавать тон человека, твердящего, вдалбливающего другому душеполезные истины.

Мы сохранили эту особенность, только, для удобства чтения, графически выделив трохаические концы стиха (см. гл. V).

д) На столкновении ударяемых основан перевод ионических стоп сотадея (— — ◡ ◡).

Эй! эй! соберём ма́льчиколюбцев изощренных.

Здесь большинство стихов обязательно должно начинаться с двусложного ударяемого слова, чтобы определить схему. Но раз акустическая тема дана, первый слог может подвергнуться замене по § 14 б. Остальные ударяемые слоги еще легче поддаются замене.

Ва́с дря́блых давно́ охолости́л делийский ма́стер.

§ 15. Стихи.

Каждый из перечисленных в § 13 типов стиха имеет свои особенности, передача коих по-русски не всегда одинаково проста.

а) Что касается № 1, № 2 (а стало быть, и № 3), то эти размеры так часто переводились на русский язык, что о них не стоит говорить более того, что уже сказано в § 14 в *α*.

б) Гораздо сложнее вопрос о передаче ямбических сенариев (№ 5). Затруднение заключается в том, что в обоих, имеющихся здесь, стихотворениях (LV и LXXXIX) ямбы заменены в различных стопах не только спондеями (§ 14 в *α*), но также иррациональными дактилями (— ◡ ◡) и анапестами (◡ ◡ —). При сохранении этих трехсложных стоп получается неравносложность стихов. При передаче античного гексаметра она уже усвоена русским стихосложением, но в ямбе еще является непривычной. Кроме того, при замене ямба дактилем в середине стопы, получается по-русски коллизия ударяемых (◡ —, — ◡ ◡).

α) При трактовке иррациональных трехсложных стоп мы исходили из следующих соображений. Неравносложность в русском гексаметре нас не шокирует. Мы одинаково воспринимаем, как дактилические гексаметры, следующие два стиха:

Муза воспой, о богиня, Пелеева сына, Ахилла . . . 17 сл.
Тот, кто дриадой любим, над этой любовью смеялся . 16 сл.

Это происходит от создавшегося навыка, благодаря чтению большого количества таких стихов. Таким образом, усвоение стиха № 5, как ямбического, тоже зависит для русского читателя от количества преподносимых ему неравносложных стихов (сл. § 14 в β).

Это обстоятельство заставило нас по-разному отнестись к обоим стихотворениям, к маленькому (16 ст.) подражанию Публилию (гл. LV) и к большой (65 ст.) поэме „О гибели Трои" (LXXXIX).

Первое мы просто нормализовали, доведя все стихи до чистого ямба, боясь, что иначе они будут восприниматься, как проза.

β) Во втором случае („Гибель Трои") мы были свободны от этой боязни, но перед нами вставало другое затруднение относительно дактилей (см. в.). Поэтому мы обратились к метрическому подсчету и получили следующие результаты на 65 стихов:

без трехсложных замен . . . . 19 ст. = 30%
с трехсложными стопами . . . . 46 ст. = 70%
из них:
с анапестической заменой . . . . . . 33 ст. = 50%
с дактилической „ . . . . . . 10 ст. = 15%
с двоякой „ . . . . . . 3 ст. = 5%

Из этого подсчета сделаем следующие выводы:

1) Уравнить все стихи путем полного устранения трехсложных стоп значило бы ввести в норму ненормальное (30%), притом без необходимости (как в гл. LV).

2) Дактилических стоп всего 13 (= 4% всех подвижных стоп), т.-е. слишком мало, чтобы сохранение их и происходящая от этого коллизия ударяемых не производили впечатления диссонанса и какофонии. Их, стало быть, без опасения можно устранить.

3) Этого нельзя сделать с 43 анапестами, занимающими 55% стихов. Поэтому их нужно сохранить, равно как и стихи без трехсложных замен (30%).

4) При вопросе о распределении анапестов мы приблизительно держались соотношений подлинника:

1-я стопа	8 анапестов.
2-я „	7 „
3-я „	2 „
4-я „	11 „
5-я „	15 „

Итак, излюбленным типом является последний:

Уже фригийцы жатву вйдят десйтую.

Остальные освободившиеся от дактилей места пошли на усиление предпоследнего типа и чисто-ямбических стихов. Сохранили мы также стихи с двумя анапестами.

γ) Отметим еще одну подробность. Два ямбических стихотворения сильно отличаются друг от друга в отношении конечного словораздела.

Стихотворение, гл. LV: на двухсложные слова кончаются два стиха (12,5%),
на пропарокситонон — 14 ст. (87,5%).
„ гл. LXXXIX: на двухсложные слова кончаются 57 ст.
на пропарокситонон — 8 ст. (12%).

Это соотношение, более важное для русского стиха, чем для латинского, мы приблизительно сохранили.

в) Нормализации подверглись в нашем переводе также и сотадеи в двух маленьких (4 и 9 ст.) стихотворениях гл. XXIII, CXXXII.

α) Прежде всего, 1-я стопа, нисходящий ионик (— — ◡ ◡), может разлагаться на ◡ ◡ — ◡ ◡:

ita non potui supplicio caput operire.

О передаче этой замены не может быть и речи: ионики и так с трудом усваиваются, как стих; а, при малом количестве стихов, замены совершенно спутают ритмическую схему. Мы сохранили ионики (см. § 14 д.).

β) 3-я стопа сотадея способна принимать различные виды. Но из вышеприведенных соображений мы усвоили преобладающий тип, с так называемой „анакласой", т.-е. заменой ионика чистым (не разложенным) дитрохеем (— ◡ — ◡). Из имеющихся у нас 13 сотадеев 8 (т.-е. 61%) имеют дитрохей в 3-й стопе.

Так я и не смог осуще | ствйть желáнной | казни.

§ 16. Созвучия.

Из многочисленных созвучий, там и сям разбросанных по стихам Петрония, следует отметить только часто встречающуюся аллитерацию, между прочим проведенную с достаточной последовательностью в якобы принадлежащем Публилию стихотворении гл. LV.

Разрушит скоро роскошь стены римские,
Павлин пасется в клетке для пиров твоих, и т. д.

Стихи эти, повидимому, в самом деле сделаны в подражание таким стихам Публилия, как:

V. 18 Virtutis vultus partem habet victoriae
I. 4 Imprudens peccat quem peccati poenitet
M. 10 Modo in consilio feminae vincunt viros.

Но и помимо этого стихотворения, аллитерация у Петрония нередкая гостья. Например, гл. XIV:

Ipsi qui Cynica traducunt tempora pera
non numquam nummis vendere vera solent.
Даже и те, что всегда довольны кинической кухней,
Часто готовы за мзду голос пристрастный продать.

В русских стихах, где аллитерация слышится слабее, чем в латинских, приходилось иногда утрировать ее.

В конце этого предисловия считаю долгом выразить сердечную благодарность моему другу, Ф. А. Петровскому, за любезную помощь советами и книгами.

Б. И. Ярхо

ГЛАВНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

а) Издания.

Petronii Saturae, ed. Buecheler. Berl. 1862 (большое комментированное издание).

Petronii Satirae, ed. Buecheler. Weidmann, Berlin (непрерывно переиздавалось). (Бюх.).

Petrone, ed. De Guerle. Paris. Panckoucke (с французским переводом). (Д.-Г.).

Petronii Coena Trimalchionis, ed. Friedländer. Leipz. 1906 (с немецким переводом. (Ф.).

б) Переводы

См. а).—Русские переводы, см. Вступление.

Heseltine. (Английский перевод с текстом). Лондон. 1922.

Schlüter. Halle. 1796. (Полный перевод). Ш.

в) Доступные пособия.

Collignon: Etudes sur Petrone. P. 1892.

Thomas: L'envers de la société romaine d'après Petrone. Paris. 1892.

Ribbeck: Geschichte der römischen Dichtung. B. III.

Schanz: Geschichte der römischen Litteratur (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, B. VIII, Abteilung 2, 2-e Hälfte). (Там перечень всей специальной литературы).

ПЕТРОНИЙ АРБИТР

САТИРИКОН

I. [Уже давно я обещал рассказать вам мои приключения; я хочу исполнить обещанное. В самом деле, собрались мы сюда не для ученой беседы, а весело поболтать, позабавиться смешными рассказами. Фабриций Вейентон только что очень остроумно рассказал вам о религиозных заблуждениях, описав, как нахальные обманщики-жрецы хитро выдают за пророчества часто им самим непонятную галиматью]. [1])

Но разве не тем же безумием одержимы декламаторы, вопящие: „Эти раны я получил за свободу отечества, ради вас я потерял этот глаз. Дайте мне вожатого, да отведет он меня к чадам моим, ибо не держат изувеченные стопы тела моего“ [2]).

Впрочем, все это еще было бы терпимо, если бы действительно открывало путь к красноречию. Но пока эти надутые речи, эти кричащие выражения ведут лишь к тому, что пришедшему на форум кажется, будто он попал в другую часть света [3]).

---

[1]) Первые строки романа до слов „Но разве не тем же безумием“ не принадлежат Петронию. Это позднейшая интерполяция, измышленная, чтобы дать роману хоть сколько-нибудь гладкое начало. Отсюда искусственная историческая ссылка на Фабриция Вейентона, вольнодумца и памфлетиста эпохи Нерона (Тацит, Летопись, XIV, 50).

Эта вставка Нодо—самая неудачная из всех. Нодо хочет представить дальнейшие речи Энколпия, как начало рассказа в кругу друзей, в то время как из III гл. определенно явствует, что мы находимся в самой гуще приключений нашего героя в греческом городке. Энколпий разглагольствует в портике перед учениками ритора Агамемнона.

В настоящем, как и во всех последующих случаях, текст, не принадлежащий Петронию, заключен в скобки [ ].

[2]) Изувеченные стопы (succisi poplites). Указание на варварский обычай подрезывать пленным ножные сухожилия, чтобы они не могли убежать. Сл. Vergilii Aen. IX, 762 и Ovidii Metam. VIII, 363.

[3]) Имеется в виду так называемый „азианский“ стиль красноречия, впервые введенный в греческую риторику Горгием (V в. до Р. Х.) по образцу азиатов и державшийся с переменным успехом вплоть до падения античного мира. Стиль этот отличается короткими синтаксическими отрезками, вычурной расстановкой слов, конечными созвучиями, обилием фигур, в особенности противоположений (см. Norden. Antike Kunstprosa, passim).

Именно потому, я думаю, и выходят дети из школ дураки дураками, что ничего жизненного, обычного они там не видят и не слышат, а только и узнают что росказни про пиратов, торчащих с цепями на морском берегу, про тиранов, подписывающих указы с повелением детям обезглавливать собственных отцов, да про дев, приносимых в жертву, целыми тройками, а то и больше, по слову оракула, во избавление от чумы [4]), да еще всяческие округленные, медоточивые словоизвержения, в которых и слова, и дела как будто посыпаны маком и кунжутом.

II. Питаясь подобными вещами, так же трудно развить тонкий вкус, как хорошо пахнуть, живя на кухне. О, риторы и схоласты, не во гнев вам будет сказано, именно вы то и погубили красноречие! Пустословием, игрою в двусмысленность и бессодержательную звонкость, вы сделали его предметом насмешек, вы обессилили, омертвили и привели в полный упадок его прекрасное тело. Юноши не упражнялись в „декламациях“ в те времена, когда Софокл и Эврипид находили нужные слова. Кабинетный буквоед еще не губил дарований во дни, когда даже Пиндар и девять лириков не дерзали писать гомеровым стихом [5]). Да, наконец, оставляя в стороне поэтов, уж, конечно, ни Платон, ни Демосфен [6]) не предавались такого рода упражнениям.

[4]) Речь идет о темах „декламаций“ и „контроверсий“, т.-е. дебатов, которые старшие ученики риторских школ должны были вести по указанию учителя. Энколпий негодует на то, что там трактовались далекие от жизни фантастические темы, каких много, напр.. в „Контроверсиях“ Сенеки. Темы о тиранах, однако, держались еще долго; о них с досадой упоминает Ювенал (118—121 г.) Сат. VIII, 151 (см. пер. Адольфа).

[5]) Место очень спорное Мы следуем Бюхелеру и Де-Чезарео, которые читали текст „Homericis versibus canere timuerunt“ („не дерзали“)— тогда как французские переводчики (De Guerle в знаменитой коллекции классиков Панкука), следуя Гейнсию (Heinsius, 1620—1681), читают наоборот „дерзали“ — „non timuerunt“. Де-Чезарео справедливо считает эти строки стрелою против современной Петронию моды на декадентскую эпику поэтов Александрийской школы, в особенности Аполлония Родосского — жалких и холодных подражателей формам гомеровской поэзии, никогда не могших уловить ее духа.

[6]) Демосфен считался образцом благородного стиля в противоположность „азианскому“.

Истинно возвышенное и, так сказать, девственное красноречие заключается в естественности, а не в вычурностях и напыщенности. Это надутое, пустое многоглаголание прокралось в Афины из Азии. Словно чумоносная звезда, возобладало оно над настроением молодежи, стремящейся к познанию возвышенного, и с тех пор, как основные законы красноречия стали вверх дном, само оно замерло в застое и онемело. Кто из позднейших достиг совершенства Фукидида, кто приблизился к славе Гиперида? [7]) (В наши дни) не появляется ни одного здравого произведения. Все они точно вскормлены одной и той же пищей: ни одно не доживает до седых волос. Живописи суждена та же участь, после того как наглость египтян до-нельзя упростила [8]) это высокое искусство [9]).

III. Агамемнон не мог потерпеть, чтобы я дольше разглагольствовал под портиком, чем он потел в школе.

— Юноша,—сказал он,—речь твоя идет в разрез со вкусом большинства и полна здравого смысла, что теперь особенно редко встречается. Поэтому я не скрою от тебя тайн нашего искусства. Менее всего виноваты в этом деле учителя, которым поневоле приходится бесноваться среди бесноватых [10]). Ибо, начни учителя преподавать не то, что нравится мальчишкам,— „они остались бы в школах одни-одинешеньки“, как сказал Цицерон. В этом случае они поступают совершенно как льстецы-притворщики, желающие попасть на обед к богачу: только о том и заботятся, как бы сказать что-либо, по их мнению, приятное, ибо без ловушек лести им никогда не добиться своего. Вот так

[7]) Фукидид—греческий историк († 403 до Р. Х.), Гиперид—греческий оратор, современник и друг Демосфена (IV в. до Р. Х.).

[8]) Трудно сказать, что Петроний подразумевает здесь под „упрощением“ (compendiaria) искусства и почему он обвиняет в этом александрийцев. Плиний (XXXV, 10) приписывает изобретение „упрощенных картин“ (picturae compendiariae) Филоксену из Эретрии (на Эвбее), ученику Никомаха (V в. до Р. Х.) и творцу картины „Битва Александра Великого с Дарием“.

[9]) Здесь мы опускаем излишнюю вставку Нодо.

[10]) „С волками жить, по-волчьи выть“.

и учитель красноречия. Если, подобно рыбаку, не вденет на крючок заведомо привлекательной для рыбешек приманки, то и останется сидеть на скале, без надежды на улов.

IV. Что же следует из этого? Порицания достойны родители, не желающие воспитывать своих детей в строгих правилах. Прежде всего, они строят свои надежды, как и все прочее, на честолюбии. Затем, торопясь скорее достичь желаемого, гонят недоучек на форум, и красноречие, которое, по их собственному признанию, стоит выше всего на свете, отдается в руки молокососов [11]. Совсем другое было бы, если бы они допустили, чтобы преподавание велось последовательно и постепенно, чтобы учащиеся юноши приучались читать внимательно и усваивать всей душой правила мудрости, чтобы исчезло с их языка ужасное пустословие убийственного стиля, чтобы они внимательно изучали образцы, назначенные им к подражанию: вот верный путь к тому, чтобы доказать, что нет ровно ничего прекрасного в напыщенности, ныне чарующей юнцов. Тогда бы то возвышенное красноречие, (о котором ты говорил), возымело бы действие, достойное его величия. Теперь же мальчишки дурачатся в школах, а над юношами смеются на форуме, и хуже всего то, что кто смолоду плохо обучен, тот до старости в этом не сознается. Но дабы ты не думал, что я не одобряю непритязательных импровизаций, в духе Люцилия [12], я изложу свою мысль в стихах.

---

[11]) Вероятно, намек на обычай именитых граждан заносить в списки декурионов своих сыновей, еще не достигших совершеннолетия (25 л.), и заставлять их присутствовать в заседаниях курии и, вообще, принимать участие в гражданских делах. В некоторых городах такие недоросли назывались praetextati.

[12]) Люцилий род. в 609 г. римской эры (148 до Р. Х.) — один из величайших римских писателей; истинный отец римской сатиры, первый внесший в римскую литературу резкую публицистическую струю. „Люцилий является нам первым римским публицистом, литературная деятельность которого, направляясь непосредственно к современным вопросам общественной жизни, затрагивает все стороны этой последней, начиная от литературного языка до важнейших политических событий. Литературной формой его сочинений была исключительно сатира, тот свободный вид литературных произведений, который, как письмо, не стеснялся ника-

V. Науки строгой кто желает плод видеть,
Пускай к высоким мыслям обратит ум свой,
Суровым воздержаньем закалит нравы:
Тщеславно пусть не ищет он палат гордых
К пирам обжор не льнет, как блюдолиз жалкий
Пусть пред подмостками он не сидит днями,
С венком в кудрях, рукоплеща игре мимов.

Если же мил ему град Тритонии оруженосной [13]),
Или по сердцу пришлось поселение лакедемонян [14]),
Или постройка Сирен [15])—пусть отдаст он поэзии юность,
Чтобы с веселой душой вкушать от струи Мэонийской [16]).
После, бразды повернув, перекинется к пастве Сократа,
Будет свободно бряцать Демосфеновым мощным оружьем.

ким определенным содержанием и предоставлял себе полную свободу задевать все, что попадалось на глаза остроумному наблюдателю. Литература, политика, мораль, предрассудки, религиозные суеверия, атеизм, нравы и обычаи, сословия, трибы, отдельные лица, — все это проходило через сатиру Люцилия, который имел особое чутье (emunctae naris) подмечать все комическое в жизни и не щадил никого и ничего, который всегда был готов, по словам Горация (Сат. II. 1, 64), „содрать шкуру со всякого, кто, щеголяя ею, разгуливал на народе, будучи негодяем внутри“ (В. И. Модестов. Лекции по ист. рим. лит., 158).

Стих Люцилия—грубый, спешный, лишен обработки. Гораций объясняет эту необработанность стиха торопливостью, говоря, что Люцилий писал в час по двести стихов, стоя на одной ноге (Сат. 1, 4, 9).

„Вот в чем его был порок: он считал за великое дело
Двести стихов просказать, на одной ноге простоявши“-

Истинный стих торопливого импровизатора, для которого „что“ важнее чем „как“. К сожалению, из 43 книг, которые приписывали Люцилию, сохранились только ничтожные отрывки.

Агамемнон хочет доказать Энколпию, что он не отстал от века. Уже тогда, значит, появилось течение, призывавшее вернуться к старейшим образцам до-августовской поэзии, — течение, над которым в 90-х годах 1-го века смеялся Марциал.

Эпигр. XI, 90 (пер. Фета): Ты не хвалишь стихов, что гладкою мчатся дорогой
А лишь те, что со скал да по ухабам бегут;
И превыше тебе Мэонийской кажется песни
„Луцеилейский вот здесь столб погребен Метрофан“.
(Стих Люцилия).

[13]) Дочь Тритона, т.-е. моря, — Паллада-Афина. Город ее—Афины.

[14]) Спартанская колония — Тарент.

[15]) Неаполь, по преданию построенный сиреною Парфенопой. Эти три города славились преподаванием греческой грамматики (чтение классиков) и философии.

[16]) Т.-е. гомеровской. Мэония в Лидии—мифическая родина Гомера.

Далее римлян толпа пусть обступит его и, изгнавши
Греческий звук из речей, их дух незаметно изменит.
Форум покинув, порой он заполнит страницу стихами,
Лира его пропоет, оживленная быстрой рукою.
Чуть горделивая песнь о пирах и сраженьях расскажет,
Непобедим загремит возвышенный слог Цицерона.
Вот чем тебе надлежит напоить свою грудь, чтоб широким,
Вольным потоком речей изливать пиэрийскую [17]) душу.

VI. Я так заслушался этих речей, что не заметил исчезновения Асскилта. Пока я раздумывал над сказанным, портик наполнился огромной толпой молодежи, возвращавшейся, как мне кажется, с импровизированной речи какого-то неизвестного, возражавшего на „суазорию“ Агамемнона [18]). Пока эти молодые люди, осуждая строй речи, насмехались над ее содержанием, я потихоньку ушел, желая разыскать Аскилта. Но, к несчастью, я ни дороги точно не знал, ни местоположения (нашей) гостиницы не помнил. В какую бы сторону я ни направлялся—все приходил на прежнее место. Наконец, утомленный беготней и весь обливаясь потом, я обратился к какой-то старушонке, торговавшей овощами.

VII.—Матушка,—сказал я,—не знаешь ли часом, где я живу?

— Как не знать! —отвечала она, рассмеявшись столь глупой остроте [19]). Встала и пошла впереди (показывая мне дорогу). Я решил в душе, что она ясновидящая. Вскоре, однако, старуха, заведя меня в глухой переулок, распахнула лоскутную завесу и сказала:

— Вот где ты должен жить.

Пока я уверял ее, что не знаю этого дома, я увидел внутри какие-то надписи и голых потаскушек, пугливо разгуливавших (под

---

[17]) Т.-е. преданную музам. Пиэрия — страна Муз.

[18]) Суазория — классная задача, заключавшаяся в том, чтобы от имени какого-либо исторического лица изложить и мотивировать какое-либо его намерение или решение.

[19]) Urbanitas у Петрония всегда — „острота“.

ними) [20]). Слишком поздно я понял, что попал в трущобу. Проклиная вероломную старуху, я, закрыв плащом голову, бегом бросился через весь лупанар в другой конец. Как вдруг, уже у самого выхода, меня нагнал Аскилт, тоже полумертвый от устали. Можно было подумать, что его привела сюда та же старушонка. Я ответил ему насмешливый поклон и осведомился, что, собственно, он делает в столь постыдном учреждении?

VIII. Он вытер руками пот и сказал:

— Если бы ты только знал, что со мною случилось!

— Почем мне знать,—отвечал я. Он же в изнеможении рассказал следующее:

— Я долго бродил по всему городу и никак не мог найти нашего местожительства. Вдруг ко мне подходит некий почтенный муж и любезно предлагает проводить меня. Какими-то темными закоулками он провел меня сюда и, вытащив кошелек, стал делать мне гнусные предложения. Хозяйка уже получила плату за комнату, он уже вцепился в меня... и, не будь я сильней его, мне пришлось бы плохо.

[Только что кончил Аскилт свой рассказ, как явился собственной персоной почтенный старец в сопровождении довольно хорошенькой женщины. Обратившись к Аскилту, он стал уговаривать его войти в дом, клятвенно уверяя, что ему нечего опасаться; если ему не хочется быть лицом страдательным, пусть возьмет на себя активную роль. Со своей стороны, женщина всячески уговаривала меня последовать за ней. В конце концов мы сдались, и нас повели во внутрь лупанара. В расположенных по обеим сторонам комнатках мы заметили много народу. Все они предавались сладострастию столь усердно], словно сатирио-

---

[20]) Мы читаем, как De Guerle: video quosdam intus titulos. Если принять версию подлинника quosdam inter titulos, то перевод будет гласить: „увидел среди надписей каких-то людей и нагих проституток, робко разгуливавших вместе“.

Tituli—надписи, содержавшие имя, особенности и цены предлагаемых женщин.

ном[21]) опились. [Как только они нас заметили, сейчас же стали делать нам знаки, пытаясь вовлечь нас в свои безобразия. Один из них, совсем растерзанный неряха, неожиданно набросился на Аскилта и пытался учинить над ним насилие. Я кинулся на помощь моему злополучному другу] и соединенными силами мы отбились от докучного безобразника. [Аскилт вырвался вон и пустился бежать, оставив меня в жертву их сладострастию. Но, превосходя нахала силой и храбростью, я заставил его отступить].

IX. [Обегав чуть ли не весь город], я, наконец, как в тумане завидел Гитона, стоявшего на приступке переулка, и бросился туда. Когда я обратился к нему с вопросом, приготовил ли нам братец что-нибудь на обед, мальчик сел на кровать и стал большим пальцем вытирать обильные слезы. Взволнованный (растроенным) видом братца[22]), я спросил, что случилось. Он ответил нехотя и нескоро, лишь после того как к моим просьбам примешалось раздражение.

— Этот вот, твой брат или товарищ[23]), прибежал незадолго до тебя и принялся склонять меня на стыдное дело. Когда же я закричал, он обнажил меч, говоря:

---

[21]) De Guerle цитирует из Плиния: „Сатирион—сильно возбуждающее средство. Греки думают, что этот корень возбуждает любовные желания, если держать его в руке, и еще более сильные, если растворить его в вине. . Жар, возбужденный сатирионом, охлаждают, выпив медовой воды с латукой“... Сл. также: Овидий (Ars. am. II):

455: Сатириона настой и прочие вредные травы
Пить нам иные велят; я ж их считаю за яд.
Или же перец толкут они с семенем едкой крапивы,
Или гулявицы сок в старом разводят вине.
Но не терпит таких побуждений к восторгам богиня,
Что на тенистом холме в дальнем Эриксе живет.
(Венера имела храм в Эриксе на Сицилии).

[22]) Брат, братец (frater) обозначает здесь не родство и не фамильярно-ласкательное обращение. Братом и сестрою (frater, soror) в Риме звали друг друга нежничающие любовники, что сохранилось до сих пор в некоторых наречиях итальянского языка, в испанском и в уличном жаргоне Парижа и Марселя. Этот смысл имеет и frater, обращенный Энколпием к прекрасному отроку Гитону.

[23]) Из этого места как будто явствует, что Энколпий лишь незадолго перед тем познакомил Аскилта с Гитоном.

— Если ты Лукреция, то я твой Тарквиний[24]).

Услыхав это, я едва не выцарапал глаза Аскилту.

— Что скажешь ты, женоподобная шкура, чье самое дыхание нечисто?—кричал я.

Аскилт же, притворяясь страшно разгневанным и размахивая руками, заорал еще пуще меня:

— Замолчишь ли ты, гладиатор поганый [убийца своего хозяина], отброс арены! Замолчишь ли, ночной грабитель, никогда не преломивший копья с порядочной женщиной, даже в те времена, когда ты был еще способен к этому! Ведь я точно так же был твоим братцем в цветнике, как этот мальчишка—в гостинице.

— Ты удрал во время моего разговора с наставником!— упрекнул его я.

X. А что мне оставалось делать, дурак ты этакий? Я умирал с голоду. Неужто же я должен был выслушивать ваши рассуждения о битой посуде[25]) и цитаты из сонника[26]). Поистине, ты поступил много гнуснее меня, когда расхваливал поэта, чтобы пообедать в гостях...

Таким образом наша безобразная ссора разошлась смехом, и мы мирно перешли на другие темы...[27])

Снова вспомнив обиды, я сказал:

— Аскилт, я чувствую, что у нас с тобой не будет ладу. Поэтому разделим наши общие животишки, разойдемся и будем бороться с бедностью каждый порознь. И ты сведущ в науках[28]), и я. Но, чтобы тебе не мешать, я изберу другой род занятий.

---

[24]) Т.-е. „Если ты строишь из себя Лукрецию (исторический образец неприступной добродетели), то во мне ты нашел своего Тарквиния“ (из-за которого Л. погибла). Конечно, метафора не точна, ибо Л. пала не от руки Тарквиния.

[25]) Т.-е. о выеденном яйце.

[26]) Сонников столь ранней эпохи до нас не дошло. Но Артемидор Далдийский (кон. II в.) в своей книге о сновидениях утверждает, что он пользовался обширной литературой, скупая все сонники, попадавшиеся ему под руку.

[27]) Пропущена часть разговора.

[28]) Literas scis. Имеется в виду знание поэтов и ораторов.

В противном случае нам придется на каждом шагу сталкиваться, и мы скоро станем притчей во языцех.

Аскилт согласился.

— Сегодня,—сказал он,—мы в качестве схоластов приглашены на пир. Не будем попусту терять ночь. Завтра же, если угодно, я подыщу себе и другого товарища, и другое жилище.

— Глупо откладывать до завтра то, что хочешь сделать сегодня,—возразил я [29]).

(Дело в том, что) страсть торопила меня к скорейшему разрыву. Уже давно жаждал я избавиться от этого несносного стража, чтобы возобновить старые отношения с моим Гитоном.

[Аскилт промолчал и удалился в сердцах, с трудом скрывая обиду. Это был дурной знак. Мне хорошо было известно, как дурно владеет Аскилт собою в душевных движениях, а также как он неистов в любви. Я побежал за ним, с целью выведать его планы и помешать их осуществлению, но он скрылся из глаз моих. Я искал его долго, но тщетно].

XI. Обыскав чуть не весь город, я вернулся в комнату и, всласть нацеловавшись с мальчиком, заключил его в тесные объятия, назависть счастливый в своих начинаниях. Но еще не все было кончено, когда тайком подкравшийся к двери Аскилт с силой рванул замок и накрыл меня в самый разгар игры с братцем. Хлопая в ладоши, он огласил комнату громким смехом и, сорвав с меня одеяло, воскликнул:

— Что ты делаешь, свят муж? Так вот зачем ты выжил меня с квартиры!

Затем, не довольствуясь насмешками, отвязал от сумки ремень и принялся, не шутя, стегать меня, приговаривая: „Так-то ты делишься с братом?“ [30])

---

[29]) Otto 114: Tardum est... differre quod placet (букв.: глупо откладывать желанное. Der Satz kann sprichwörtlich sein). Если tardus здесь в смысле „ленивый“, то это отчасти соответствует нашей поговорке: „Завтра, завтра, не сегодня—все ленивцы говорят“.

[30]) Какого дележа хотел Аскилт, видно из гл. LXXX.

После этих слов начинается большая интерполяция Нодо, отчасти объясняющая некоторые намеки в дальнейшем тексте, но, как подражание Петронию, ни в каком отношении не соответствующая своему заданию

[Ошеломленный внезапным нападением, я молча сносил удары и насмешки, притворяясь, будто принимаю их за шутку. Это было благоразумно, так как, в противном случае, мне пришлось бы драться с серьезным соперником. Моя притворная веселость смягчила Аскилта. Он засмеялся и сказал: — Энколпий, ты за баловством забыл, что деньги у нас на исходе, и та малость, которая у нас еще остается, худого курса. По летнему времени с города теперь много не возьмешь. Отправимся лучше в деревню,—давай, попытаем там счастья у друзей.

Нужда заставила меня подавить досаду и согласиться с Аскилтовым советом. Поручив Гитону нести вещи, мы вышли из города и направились в усадьбу Ликурга, римского всадника. Некогда Ликург был „братом“ Аскилта и поэтому встретил нас прекрасно, а собравшееся в усадьбе общество еще усилило наше удовольствие. Прежде всего там была Трифэна, очень красивая женщина, приехавшая вместе с Лихом, судовладельцем и хозяином поместья, расположенного по соседству, на морском берегу. Хотя стол Ликурга был очень скуден, но зато не достанет слов, чтобы дать понятие о наслаждениях, которые мы обрели в этом прекраснейшем местечке. Достаточно сказать вам, что мы—милостью Венеры—с того и начали, что все переплелись парочками. Я приударил за красивой Трифэной. Она выслушивала мои клятвы весьма благосклонно. Но не успели мы с ней толком поладить, как Лих делает мне притворную сцену, обвиняя меня, будто я сманил у него любовницу, а коли так, то не угодно ли будет мне заменить ее? Дело в том, что она успела уже понадоесть

(сл. 31). Особенно неудачно то, что Нодо заставляет наших героев переменить арену действия, в то время как все последующее несомненно происходит в том же городе, где и гл. I. — Кроме того, если судить по словам гл. XXVI: „настал третий день“..., между разговором с Агамемноном в гл. I и пиром Тримальхиона, вероятнее всего, прошли только эти три дня, на которые, между прочим, падает приключение с Квартиллой. Итак, приключение Энколпия и Гитона с Лихом и Трифэной (в чем бы оно ни заключалось) могло произойти только в одной из предыдущих утерянных книг нашего романа, вероятно, еще до появления Аскилта, ибо впоследствии ни Лих, ни Трифэна о нем не упоминают (сл. 23).

ему, и он схватился за удобный случай променять ее с таким барышом. С влюбленностью своей приставал он ко мне неотступно. Но я не слушал Лиха, так как сердце мое было отдано Трифэне. От моего отказа он окончательно одурел, стал волочиться за мной по пятам и даже однажды ночью вломился в мою комнату. Когда я послал его к чорту, он пустил было в ход силу, но я завопил так громко, что поднял на ноги весь дом, и прибежавший Ликург избавил меня от нахала. Смекнув, что дом Ликурга неудобное место для его затей, Лих стал усиленно звать меня приехать погостить к нему. Когда же я отказался, он настроил против меня владычицу мою, Трифэну, а ей это было тем более на руку, что дома она рассчитывала разойтись свободнее, чем в гостях. Подчиняюсь велению любви. Но теперь Ликург взбунтовался против отъезда Аскилта, так как они успели вспомнить старинку. Поэтому решено было, что Аскилт останется у Ликурга, а мы поедем к Лиху. Сверх того примечание к договору: что, при случае, кто из нас уворует, то, чур, делить поровну.

Принятием приглашения привели мы Лиха в невероятную радость. Он заторопил нас с отъездом, и, наскоро простившись с друзьями, мы в тот же день прибыли в дом его. Хитрый Лих сумел так устроить, что всю дорогу он сидел рядом со мною, а Трифэна — с Гитоном. Хорошо зная непостоянство этой женщины, он не ошибся в расчете. Я скоро заметил, что она успела уже влюбиться в мальчишку. Лих тоже, конечно, не замедлил мне подмигнуть на это: уж тут, мол, дело верное! В результате я стал с ним несколько ласковее, чем привел его в восторг. Он, конечно, рассчитывал, что, оскорбленный изменой милой, я отплачу ей презрением и, обозлившись на Трифэну, стану любезнее к нему. Итак, положение в дому Лиха было следующее:

Трифэна без памяти врезалась в Гитона.

Мальчишка отвечает ей от всего сердца.

Мне и то, и другое в высшей степени неприятно.

А Лих, желая очаровать меня, придумывает, что ни день, новые удовольствия, чему много способствует его хорошенькая жена Дорида.

Изяществом своим она быстро вытеснила Трифэну из моего сердца. Стали мы делать друг другу нежные глазки; я скромно потупленными очами объяснился в любви, она ласковым взглядом, лучше всяких слов, выразила свою горячую ко мне склонность.

Мы были очень, очень осторожны, потому что, во-первых, я прекрасно знал необузданную ревность Лиха, а кроме того, и пылкая страсть мужа ко мне была хорошо ведома жене. Как только для нас явилась возможность поговорить по душам, Дорида сказала мне, что очень боится, как бы нас не накрыл Лих, а я ей откровенно поведал, какое суровое сопротивление встречали с моей стороны до сих пор его притязания. Но благоразумнейшая из женщин — и до сих пор я преклоняюсь перед ее умом — дала мне совет, следствием коего явилось и соединение с мужем, и обладание женою.

Между тем, пока Гитон восстановлял свои упавшие силы, Трифэна попыталась вернуться ко мне. С презрением отвергнутая, она, вместо любви, запылала горячей ненавистью. Разъяренная, она принялась за мной шпионить и скоро открыла мои амуры с обоими супругами. Страстью мужа ко мне она пренебрегла, так как он был ей совершенно безразличен. Но, разозлившись на мою тайную связь с Доридой, она все рассказала Лиху. У последнего ревность оказалась сильнее любви, и он поклялся отомстить. Но Дорида, во-время предупрежденная одной из рабынь Трифэны, чтобы отвратить собиравшуюся над нами бурю, временно прекратила наши тайные свидания. Когда я узнал о вероломстве Трифэны, то, искренне возмущенный неблагодарной душой Лиха, решил удрать по добру-по здорову. Фортуна мне благоприятствовала: накануне у соседних берегов сел на мель обильно нагруженный корабль, посвященный Изиде. Я посоветовался с Гитоном, который тем охотнее поддержал мой

план, что Трифэна, исчерпав все его силы, стала относиться к нему с презрением.

Итак, рано утром мы пошли к морю и легко проникли на корабль, ибо сторожа — слуги Лиха — нас хорошо знали. Но так как они все время чтили нас своим присутствием и поэтому нам не выпадало случая поживиться, то, оставив с ними Гитона, я, не мешкая, взобрался на корму, где стоял истукан Изиды, с которого я стащил дорогую мантию и серебряный систр. Подтибрив заодно всякий скарб и деньги рулевого, я тайком, замеченный только Гитоном, спустился по веревке вниз. Гитон сейчас же отослал сторожей и украдкой последовал за мною. Увидев его, я показал ему добычу, и мы решили как можно скорее отправиться в путь к Аскилту, так как достичь дома Ликурга могли лишь на другой день. Свидевшись с Аскилтом, я ему в кратких словах рассказал про грабеж и про наши утехи любовные. Он посоветовал постараться склонить на нашу сторону Ликурга, убедив его, что причиной нашего потайного и внезапного бегства были новые глупости Лиха; услыхав это, Ликург поклялся, что он будет нам защитой против всех неприятелей наших.

Бегство оставалось тайным до тех пор, пока Трифэна и Дорида не соблаговолили проснуться: ибо мы, как и подобало светским молодым людям, всегда присутствовали при их утреннем туалете [31]. Когда нас, против обыкновения, не оказалось, Лих разослал во все стороны гонцов, нас разыскивать. На берегу моря он узнал, что мы приходили на корабль, но не о грабеже. Последний,

[31]) Присутствовать при lever какой-нибудь дамы в XVII в. было делом настолько обычным, что Нодо сам не заметил, как совершил варварский анахронизм, перенесши этот обычай в римский мир. Если бы юношу времен Петрония хоть один раз застали в спальне полуодетой матроны, то вряд ли он мог бы прийти туда вторично. Даже мягкая (по сравнению с прежними законами) lex Julia de adulterio (17 г. до Р. Х.) не запрещала оскорбленному мужу убить прелюбодея, если он застал его в своем доме. В лучшем случае, его присуждали к лишению $1/2$ имущества и ссылке на отдаленный остров, а даму к потере $1/3$ имущества, $1/2$ приданого и ссылке. Мы отметили для примера только одну из множества несообразностей.

по понятным причинам, оставался неизвестным: корма была обращена в море, а рулевой еще не вернулся на судно. Но, наконец, наше бегство обнаружилось, и Лих, узнав о нем, свирепо обрушился на Дориду, считая ее главной виновницей всей истории. Я умолчу о ругательствах и даже ударах, которыми он осыпал бедную женщину, ибо толком не знаю, как все произошло: скажу только, что Трифэна, главная виновница всей кутерьмы, убедила Лиха, чтобы он поискал беглецов в вероятном нашем убежище, у Ликурга, и сама пожелала сопутствовать ему, дабы обрушить на наши головы заслуженное поношение. На другой день они пустились в путь и приехали в усадьбу (Ликурга). Но нас там не было: Ликург повез нас в соседний городок на праздник Геркулеса.

Узнав об этом, они помчались за нами следом и нагнали нас уже под портиком храма. При виде их, мы порядком струхнули; Лих громко и сердито пожаловался Ликургу на наше бегство. Но заметив, что Ликург слушает эти жалобы с недовольным лицом, строго нахмурив брови, я расхрабрился и громким голосом, во всеуслышание, бросил прямо в лицо Лиху позорное и тяжкое обвинение, открыв его любострастные на меня нападения, имевшие место и в его собственном доме, и в поместье Ликурга. Трифэне тоже попало по заслугам: я рассказал собравшейся на крик толпе об ее гнусном поведении и, как доказательство своих слов, привел Гитона и самого себя, истощенных, совершенно высосанных неистовым сладострастием этой блудницы. Осыпанные насмешками толпы, наши враги стушевались и уехали несолоно-хлебавши, злые, жаждущие мести. Видя, что Ликург стоит за нас, они решили подождать его в усадьбе и выяснить ему его ошибку. Так как празднество кончилось очень поздно, мы не смогли попасть (в ту же ночь) в усадьбу, и Ликург отвез нас на другую свою виллу, расположенную как-раз посредине пути. На следующий день он оставил нас еще почивающими, ибо важные дела настоятельно требовали его присутствия в замке. Там он застал поджидавших его Трифэну и Лиха, которые сумели так к нему

подлизаться, что он обещал им выдать нас. Изменник своему честному слову, по натуре человек крайне жестокий, Ликург, обдумав план предательства, убедил Лиха поехать за подмогой, а он тем временем задержит нас под стражей на вилле. Явившись туда, он отнесся к нам не лучше, чем раньше относился к Лиху: скрестив на груди руки, он выругал нас за то, что мы оклеветали его лучшего друга, и приказал нас, за исключением Аскилта, запереть в комнате, где мы ночевали. Затем, поручив нас сторожам до своего возвращения, уехал в усадьбу, захватив с собою Аскилта, речи которого в нашу пользу не захотел даже и слушать. По пути Аскилт тщетно старался смягчить сердце Ликурга, — ни просьбы, ни слезы, ни ласки, ничто не помогло. Тогда Аскилт придумал другой способ вызволить нас из беды: разозленный отказом Ликурга, он отказался с ним спать и, благодаря этому, легко мог выполнить задуманное. Когда весь дом погрузился в сон, Аскилт, взвалив на плечи наши пожитки и выбравшись на волю через заранее проделанную дыру в стене, к рассвету достиг виллы, никем не замеченный. Он прокрался во внутрь, до предусмотрительно запертых сторожами дверей нашей спальни. Открыть их ничего не стоило: замок был деревянный, и, чтобы взломать его, достаточно было всунуть в него железку. Звук падающего засова разбудил нас: мы спали чутко, ежеминутно ожидая новых неприятностей. Одни мы слышали шум: стража спала крепким сном. Аскилт, войдя, коротко рассказал историю нашего освобождения: некогда было распространяться. Пока мы одевались, я придумал убить сторожей и ограбить виллу. Я сообщил о своем намерении Аскилту; ему понравилась мысль ограбить виллу, но пролития крови он не одобрил. Прекрасно зная все входы и выходы, он провел нас в потайную сокровищницу. Забрав все, что было там ценного, мы вышли из дому, — уже совсем рассвело, — и, избегая больших дорог, шли без отдыха, пока не сочли себя в полной безопасности. Тогда Аскилт, переведя дух, стал распространяться на ту тему, с какой радостью он ограбил виллу Ликурга — величайшего скупердяя

в мире. Жаловаться на эту алчность оснований у Аскилта было достаточно, ибо он не получал никакой платы за проведенные с Ликургом ночи, а стол его был скуден и невкусен. Ликург был так скуп, что, несмотря на свои несметные богатства, отказывал себе в самом необходимом].

В озере стоя, не пьет и нависших плодов не срывает
Царь злополучный, Тантал [32]), вечным желаньем томим.
Точно таков же богач, что, благом несметным владея,
Сам в сухомятку сидит, голод в желудке варя [33]).

[Аскилт сегодня же хотел объявиться в Неаполе.

— Но, — сказал я, — совсем неосторожно показываться там, где нас, как легко догадаться, усиленно ищут. Обождем немного, пока о нас позабудут. Тогда все сойдет отлично.

Совет мой был одобрен, и мы направились в небольшую деревеньку, всю состоявшую из прелестных дач, в которых немало наших друзей пользовалось благами летнего времени. Но не прошли мы и полпути, как внезапно разразившийся ливень заставил нас удрать в ближайшую деревушку. Войдя на постоялый двор, мы застали там множество пережидавшего непогоду народа. Из-за многолюдства, на нас никто не обратил внимания, и тем легче могли мы в толпе тащить, что ни попало. Аскилт незаметно поднял с земли кошелек, который оказался наполненным золотыми монетами. Это было недурно для начала, но, опасаясь, как бы кража не обнаружилась, мы потихоньку, через заднее крыльцо, выбрались из гостиницы. На дворе мы увидели раба, седлавшего лошадей. Позабыв что-то, он ушел в дом, оставив лошадей без охраны. В его отсутствие, я, развязав ремни, стащил с чепрака великолепнейший плащ. Затем, крадучись

---

[32]) Тантал, сын Зевса и Плуто, царь Сипила, разгласивший тайны богов, был в наказание за это помещен в прохладное озеро, над которым низко свисали нагруженные плодами ветви; но когда он наклонялся, чтобы напиться, вода уходила в землю, а когда он протягивал руку к плодам, ветер высоко поднимал ветки.

[33]) Эта эпиграмма перенесена сюда из гл. LXXXII. Мы сохранили перестановку, так как и в гл. LXXX стишки стоят вне всякой связи с текстом (сл. 272).

вдоль стен, мы добрались до ближайшего леса. Забравшись в чащу, мы долго гадали, куда бы получше припрятать денежки: мы и воров побаивались, и того, как бы нас самих за таковых не приняли: наконец, решили зашить наше сокровище в лохмотья старой туники, которую я и вздел на рамена свои. Плащ же был дан Аскилту, и укромными тропинками мы отправились в город. Но, выйдя на опушку, мы неожиданно услыхали страшные слова:

— Теперь не удерут — в лесу спрятались. Давайте-ка, пойдем в разные стороны — легче тогда поймаем.

Нас охватил столь безумный ужас, что Аскилт с Гитоном, прячась в терновнике, помчались к городу; я тоже побежал во все лопатки и, впопыхах, не заметил, как свалилась с моих плеч драгоценная туника; наконец, от изнеможения, не будучи в состоянии сделать ни шагу, я свалился в дремучей чаще и тут-то впервые заметил потерю туники. Несчастие восстановило мои силы; я, вскочив, ринулся на поиски нашего сокровища и долго рыскал тщетно и напрасно, пока, совершенно обессиленный горем и трудом, не забрался в самую чащобу, где и просидел часа четыре, стараясь отыскать выход из грустного положения. В это время я увидел какого-то проходившего мимо крестъянина. Я почувствовал, что должен собрать все мое мужество, и не раскаялся: смело подойдя к нему, я попросил его проводить меня в город и не дать мне долее без толку блуждать по лесу. Одежда моя была в грязи, и сам я был бледнее смерти, — он сжалился надо мною и спросил — неужели же я никого не встретил в лесу.

— Никого,—сказал я.

Тогда сострадательный мужик вывел меня на большую дорогу, где его поджидали два товарища, заявившие, что они вдоль и поперек обошли весь лес и ничего не нашли, кроме туники, которую держат в руках.

Хотя я гораздо лучше их знал, сколько стоит эта вещь, у меня не хватило мужества признать ее своею: тем сильнее

принялся я печаловаться, что сокровище наше попало в лапы ничего не смыслящих в нем мужланов. Окончательно разбитый, я подвигался очень медленно и лишь поздно ночью пришел в город. Явившись в гостиницу, я застал Аскилта, полумертвого от усталости, валяющимся на кровати. Я упал на другое ложе и не мог выговорить ни слова. Аскилт, не видя доверенной мне туники, заволновался и испуганным голосом осведомился о ней. Я печальными взорами пытался ему объяснить все, ибо голоса у меня не хватало; наконец, немного собравшись с силами, я сообщил Аскилту о несчастии. Он подумал, что я шучу; и хотя градом лившиеся из моих глаз слезы свидетельствовали правоту моих слов, он упорствовал в своих подозрениях, думая, что я хочу прикарманить денежки. Гитон, присутствовавший при этой сцене, был огорчен не менее меня, и горе мальчика еще усугубляло мою печаль; еще тяжелее была мне мысль о грозившем нам преследовании; но когда я поведал о своих тревогах Аскилту, он отнесся к ним крайне легкомысленно, объявив, что мы счастливо выкарабкались из беды. Он был убежден, что мы в полной безопасности, так как никто нас здесь не знает и никогда нас не видел. Однако, чтобы подольше не выходить из комнаты, мы решили притвориться больными. Но недостаток денег заставил нас выйти наружу раньше срока, так как надобно было продать что-нибудь из добычи].

XII. Уже смеркалось, когда мы пришли на форум, где увидели целые груды недорогих товаров, сомнительную доброкачественность которых, однако, удачно скрывали сумерки. По той же причине и мы притащили с собой украденный плащ. Мы решили воспользоваться удобным случаем и, став на углу, стали потрясать его полами, в расчете на то, что роскошная одежда привлечет покупателя. Вскоре к нам подошел знакомый мне по виду поселянин, в сопровождении какой-то бабенки, и принялся внимательно рассматривать плащ. Аскилт в свою очередь взглянул на плечи мужика-покупателя и от изумления остолбенел. Я тоже не без волнения посматривал на молодца: мне показалось, что это тот

самый, что нашел за городом мою тунику. Но Аскилт боялся верить глазам своим. Чтоб не действовать опрометчиво, он, под предлогом, будто желает купить у мужика тунику, стащил ее с его плеч и крепко держал ее.

XIII. О, удивительная игра Судьбы! Мужик до сих пор не полюбопытствовал ощупать швы туники и продавал ее как бы нехотя, точно нищенские лохмотья. Аскилт, убедившись, что сокровище неприкосновенно и что продавец — неважная птица, отвел меня в сторонку и сказал:

— Знаешь, братец, к нам вернулось сокровище, о котором я сокрушался. Это та самая милая туника, видимо, еще полная нетронутых золотых. Но, что делать? На каком основании получить обратно нашу вещь?

Я, обрадованный не столько возвращением добычи, сколько тем, что фортуна сняла с меня позорное обвинение (в краже), отверг всяческие увертки и посоветовал действовать на основании гражданского права, а именно: если мужик откажется вернуть чужую собственность законным владельцам, то притянуть его к суду.

XIV. Аскилт же, напротив, законов боялся:

— Кто нас здесь знает? — говорил он.—Кто поверит нашим словам? Пусть мы доподлинно уверены,что эта вещь — наша, но все же, мне больше улыбается купить (плащ) и вернуть сокровище за небольшую плату, чем впутаться в ненадежный процесс.

Что нам поможет закон, где правят лишь деньги да деньги,
Там, где бедняк никого не одолеет в суде?
Даже и те, что всегда довольны кинической кухней [84]),
Часто готовы за мзду голос пристрастный продать.

[84]) Киники — нищенствующие философы, проповедывавшие презрение к благам земным и ограничение потребностей. Школа киников, считавшая своими родоначальниками Диогена и Антисфена, появляется в Италии в I в. по Р. Х. — Фридлендер (III, 691) из этого места заключает, что уже Петроний обвиняет киников в лицемерии, которым они славились во II веке. На самом же деле, здесь кинической названа только скромная трапеза притворщиков - магистратов. (Сл. 283).

Стало быть, наш трибунал есть попросту купля - продажа:
Всадник присяжный в суде [85]) платный выносит ответ.

Но в наличности у нас не было ничего, кроме одного дупондия [86]), на который мы собирались купит гороха и волчьих бобов. Поэтому, чтобы добыча от нас не ускользнула, мы решили сбавить цену с плаща и выгодной сделкой возместить небольшую потерю. Когда мы объявили нашу цену, женщина с покрытой головой, стоявшая рядом с крестьянином и пристально присматривавшаяся к рисунку плаща, вдруг обеими руками вцепилась в подол и заголосила во все горло: „Держи воров“.

Мы же, с большого перепугу, ничего лучше не придумали, как в свою очередь ухватиться за грязную, рваную тунику и во всеуслышание объявить, что, дескать, эти люди завладели нашей одеждой. Но положения были слишком неравные, и сбежавшиеся на крик торгаши [37]) принялись заслуженно издеваться над нашей жадностью; ибо с одной стороны требовали драгоценную одежду, с другой — лохмотья, которые и на лоскутки не годились. Но Аскилт живо унял смех и, когда молчание воцарилось, сказал:

XV. Как видно, каждому дорого свое: поэтому пусть берут свой плащ, а нам отдадут нашу тунику.

Предложение понравилось и крестьянину, и женщине, но какие-то крючкотворы, а вернее сказать — жулики [37]), захотевшие поживиться плащом, громко потребовали, чтобы до завтра, когда судья разберет дело, обе вещи были переданы им на хранение. Дело, по их мнению, было далеко не так просто, как казалось, а гораздо сложнее, ибо на обеих сторонах тяготело подозрение в воровстве.

[85]) Со времени Августа декурии присяжных заседателей пополнялись почти исключительно из сословия всадников.

[36]) Мелкая монета = 2 асса.

[37]) Мы здесь и в дальнейшем читаем вместе с Бюх.: cociones (торгаши), вм. conciones (толпы).

Напротив, в advocati iam poenae nocturni—мы читаем вместе с рукописью iam pene и переводим: „вернее сказать, жулики“, в то время как Heseltine переводит по Бюх.: „призванные для нашего наказания полицейские“. Nocturnus неоднократно употребляется в составе ругательств и отдельно, в субстантивированной форме.

Толпа одобрила посредников, и один из торгашей, лысый и прыщеватый, который при случае вел тяжбы, заграбастал плащ, уверяя, что вернет его на следующий день. Впрочем, затея этих мошенников была ясна: просто они хотели присвоить попавший им в руки плащ, думая, что тяжущиеся стороны, боясь обвинения в воровстве, на суд не явятся. Точно того же хотели и мы. Таким образом случай был выгоден для обеих сторон. Мы потребовали, чтобы мужик предъявил нашу тунику, и он, в возмущении, швырнул ее в лицо Аскилту. Избавившись таким образом от иска, он велел нам сдать посреднику плащ, который теперь уже являлся единственным предметом спора. Будучи в полной уверенности, что наше сокровище снова у нас в руках, мы поспешно вернулись в гостиницу и, заперев двери, вдоволь нахохотались над догадливостью торгашей и кляузников, которые от большого ума отдали нам столько денег [38]).

[Распоров тунику, мы достали деньги, но вдруг услышали, как кто-то спрашивает хозяина, что за люди сейчас вошли в гостиницу. Испуганный этой неожиданностью, я, после ухода незнакомца, вышел к хозяину — узнать в чем дело. Мне сообщили, что ликтор претора, на обязанности которого лежит заносить вновь прибывших в городские списки, увидев двух еще не прописанных чужестранцев, входивших в гостиницу, осведомился, откуда они родом и чем занимаются.

Сообщение хозяина возбудило во мне подозрение в нашей безопасности. Дабы не попасть в просак, мы решили удалиться и только ночью вернуться домой. Уходя, мы поручили Гитону позаботиться об ужине. Так как нам было по душе избегать людных улиц, то мы шатались по окраинам города и к вечеру, в глухом переулке, повстречали двух закутанных в столы женщин, за которыми шли следом, пока они не скрылись в небольшом

[38]) Здесь в подлинном тексте следуют стихи:

Не люблю доходить до цели сразу,
Немила мне победа без препятствий,

которые Нодо поставил в начале стихотворения главы XCIII.

храме. Оттуда до наших ушей донесся страшный вопль пронзительно визжавших голосов. Подстрекаемые любопытством, мы вошли в храм и увидели женщин, бесновавшихся, как вакханки, при чем каждая держала в руке изображение Приапа. Больше ничего разглядеть нам не удалось, потому что, когда мы были обнаружены, поднялся невообразимый гвалт, от которого задрожали стены храма, и женщины бросились, пытаясь схватить нас. Но мы успели удрать в гостиницу].

XVI. Едва принялись мы за изготовленный стараниями Гитона ужин, как раздался в достаточной мере решительный стук в дверь.

— Кто там? — спросили мы, побледнев от (испуга).

— Открой, — был ответ, — и узнаешь.

Пока мы переговаривались, соскользнувший засов сам по себе упал, и настежь распахнувшиеся двери пропустили гостью.

Это была женщина под покрывалом, без сомнения, та самая, что несколько времени тому назад стояла рядом с мужиком (на рынке).

— Смеяться, что ли, вы надо мною вздумали? — сказала она. — Я рабыня Квартиллы, чье таинство вы осквернили у входа в пещеру [39]). Она сама пришла в гостиницу и просит разреше-

[39]) Комментаторы полагают, что речь идет о таинствах Доброй Богини. За это говорит: а) то, что мужчины самым своим присутствием осквернили радение, так как мужчинам даже было запрещено называть ее по имени, и б) то, что радение происходит в пещере: храм Доброй Богини в Риме помещался в гроте на склоне Авентинского холма. Но празднество Доброй Богини происходило 1-го мая, а наше действие, как кажется, происходит за три дня до пира Трималхиона (см. гл. XXVI), а в этом последнем есть указание на зимнее время. Кроме того, в гл. XVII прямо указано, что дело было в святилище Приапа. Добрая Богиня (или Фавна) была чисто женским божеством. Культ ее первоначально отличался целомудрием и трезвостью. Но в императорскую эпоху дело обстояло совсем иначе. Послушаем Ювенала:

Сат. VI, 314:

Таинства Доброй Богини известны, где флейтою страсти
Лишь возбуждаются, где под рожок и вином вдохновившись,
Носятся, волосы треплют и воют Менады Приапа.
О, как горячим желаньем любви их мысли пылают,
Как тогда голос звучит у пляшущей страсти! Какие
Старого реки вина по ляжкам увлажненным льются.

ния побеседовать с вами; вы не смущайтесь: она не осуждает, не винит вас за эту неосторожность, она только удивляется, какой бог занес в наши края столь изысканных юношей.

XVII. Пока мы молчали, не зная, на что решиться, в комнату вошла сама (госпожа) в сопровождении девочки и, рассевшись на моем ложе, принялась плакать. Мы не могли вымолвить ни слова и, остолбенев, глядели на эти слезы, вызванные, должно быть, очень сильным горем. Когда же сей страшный ливень, наконец, перестал свирепствовать, она обратилась к нам, сорвав с горделивой головы покрывало и так сжав руки, что суставы хрустнули:

— Откуда вы набрались такой дерзости? Где научились ломать комедию; и даже жульничать? [40]) Ей богу [41]), мне жаль вас, но еще никто безнаказанно не видел того, чего видеть не следует. Наша округа полным полна богов-покровителей, так что бога здесь легче встретить, чем человека. Но не подумайте, что я для мести сюда явилась: я движима более состраданием к вашей юности, нежели обидой. Думается мне, лишь по легкомыслию совершили вы сей неискупаемый проступок. Я прому-

---

Нет там притворства и шуток ни в чем, а все происходит
Вправду, на деле и так, что уже охладевший с годами
Лаомедонтов сын и Нестор могли б возгореться.
Страсть тут уж медлить не может, женщина тут неподдельна,
И одновременно в целой пещере крик раздается:
„Можно уже, впускайте мужчин"...

(Пер. Адольфа).

Повидимому, ко времени Петрония культ Приапа заключал в себе какое-то женское таинство, заимствованное из ритуала Фавны; на некоторую связь между обоими культами как будто указывают и стихи Ювенала. Квартилла, как кажется, была главным действующим лицом при выполнении таинственного обряда, в роде главной жрицы (damiatrix) Доброй Богини.

[40]) Fabulas etiam antecessura latrocinia didicistis, т.-е. „играть комедию (или рассказывать сказки?) и даже примечать подготовительные приемы жуликов". Может быть Квартилла намекает на историю с плащом, свидетельницей которой была рабыня Психея.

[41]) Мы не нашли более правильного способа передать выражения „mediusfidius" и „mehercules". Буквально они означают „(защити) меня, Геркулес": 1-е—из me Dios filius (= me Hercules). Уже по самому искажению видно, что говорящий не думал о Геркулесе, а потому буквальный перевод был бы неуместен.

чилась всю сегодняшнюю ночь, ибо меня охватил опасный озноб, и я испугалась — не приступ ли это третичной лихорадки. Я искала исцеления во сне, и было мне знамение — обратиться к вам и сломить недуг средством, которое вы мне укажете. Но не только об исцелении хлопочу я: бóльшее горе запало мне в сердце и непременно сведет меня в могилу, — как бы вы, по юношескому легкомыслию, не разболтали о виденном вами в святилище Приапа и не открыли черни божественных тайн. Посему простираю к коленам вашим молитвенно обращенные длани, прошу и умоляю: не смейтесь, не издевайтесь над ночными богослужениями, не открывайте встречному-поперечному вековых тайн, о которых даже не все посвященные знают.

XVIII. После этой мольбы она снова залилась слезами и, горько рыдая, прижалась лицом и грудью к моей кровати.

Я, движимый одновременно жалостью и страхом, попросил ее ободриться и не сомневаться в исполнении обоих ее желаний: о таинстве никто не разгласит, и мы готовы, если божество укажет ей еще какое-либо средство против лихорадки, прийти на помощь небесному промыслу, хотя бы с опасностью для жизни. После такого обещания женщина сразу повеселела и, улыбаясь сквозь слезы, стала целовать меня частыми поцелуями и рукою, как гребнем, зачесывать мне волосы, спадавшие на уши.

— Итак, — мир! — сказала она. — Я отказываюсь от иска. Но если бы вы не захотели дать мне требуемое лекарство, то на завтра уже была бы готова целая толпа мстителей за мою обиду и поруганное достоинство.

Стыдно отвергнутой быть; но быть самовластной — прекрасно.
Больше всего я люблю путь свой сама избирать.
Благоразумный мудрец презреньем казнит за обиду.
Тот, кто врага не добьет, — тот победитель вдвойне [42]).

---

[42]) Это стихотворение полно сентенций в духе Публилия, хотя и очень далеко от него по форме. Как пример идейного сходства, цитируем:
Для ст. 4): Sent. S. 44:

Satis est superare inimicum nimium est perdere.
Разбить врага—довольно, слишком зло—убить.

Затем, захлопав в ладоши, она вдруг принялась так хохотать, что нам страшно стало. Смеялась и девчонка, ее сопровождавшая, смеялась и служанка, прежде вошедшая.

XIX. Все они заливались чисто скоморошеским гоготом: мы же, не понимая причины столь быстрой перемены настроения, (выпуча глаза), смотрели то на женщин, то друг на друга.

— [Ну,— сказала Квартилла], — я запретила кого бы то ни было из смертных пускать сегодня в эту гостиницу затем, чтобы, без долгих проволочек, получить от вас лекарство против лихорадки.

При этих словах Квартиллы Аскилт несколько опешил; я сделался холоднее галльского снега и не мог проронить ни слова. Только малочисленность ее свиты немного меня успокаивала. Если бы они захотели на нас покуситься, то против нас, каких ни-на-есть мужчин, были бы все-таки три слабые бабенки. Мы, несомненно, были боеспособнее, и я уже составил мысленно, на случай, если бы пришлось драться, следующее распределение поединков: я справлюсь с Квартиллой, Аскилт — с рабыней, Гитон же — с девочкой.

[Пока я обмозговывал все это, Квартилла потребовала, чтобы ее лихорадка была излечена. Обманувшись в своих надеждах, она вышла в страшном гневе, но через несколько минут вернулась вместе с некоими незнакомцами, которым приказала схватить нас и отнести в какой-то великолепный дворец].

Тут из нас, онемевших от ужаса, окончательно испарилось всякое мужество, и предстала взору неминучая гибель.

XX. — Умоляю тебя, госпожа,— сказал я,— если ты задумала что недоброе, кончай скорее: не так уж велик наш проступок, чтобы за него погибать под пытками.

Служанка, которую звали Психеей, между тем, постлала на полу ковер[и] стала возбуждать мой член, семью смертями умерший. Закрыл Аскилт плащом голову, узнав по опыту, что опасно подсматривать чужие секреты. [Между тем] рабыня вытащила из-за пазухи две тесьмы, коими связала нам руки и ноги.

[Попав в эти оковы, я заметил:

— Этак твоя хозяйка не сможет получить желаемого.

— Пусть так,— ответила рабыня,— но у меня под рукой есть другие средства и притом самые разнообразные.

В самом деле, она принесла вазу с сатирионом и веселыми прибаутками так развлекла меня, что я выпил почти весь напиток. Опивки она, незаметно, выплеснула на спину с презрением отвергавшего ее ласки Аскилта].

— Как же так? Значит, я недостоин сатириона? — спросил Аскилт, воспользовавшись минутой, когда болтовня несколько стихла.

Мой смех выдал каверзу служанки.

— Ну и юноша, — вскричала она, всплеснув руками, — один выдул столько сатириона! [43])

— Вот как? — спросила Квартилла. — Энколпий выпил весь запас сатириона?

...Рассмеялась приятным смехом..., и даже Гитон не мог удержаться от хохота, в особенности, когда девочка бросилась ему на шею и, не встречая сопротивления, осыпала его бесчисленными поцелуями.

XXI. Мы попробовали было позвать на помощь, но никто нас выручать не явился, да, кроме того, Психея, каждый раз, когда я собирался закричать „караул“, начинала головной шпилькой колоть мне щеки; девчонка же, обмакивая кисточку в сатирион, мазала ею Аскилта. Напоследок явился кинэд [44]) в байковой зеленой одежде, подпоясанный кушаком. Он то терся об нас раздвинутыми бедрами, то пятнал нас вонючими поцелуями. Наконец, Квартилла, подняв хлыст из китового уса и высоко подпоясав платье, приказала дать нам, несчастным, передышку.

---

[43]) Эта фраза в тексте сильно попорчена. Смысл ее передан здесь приблизительно. Вообще, весь эпизод дошел до нас в сильно разрушенном состоянии, так что логическую связь между событиями установить почти невозможно.

[44]) Продажный содомит.

Оба мы поклялись священнейшей клятвой, что эта ужасная тайна умрет с нами.

Затем пришли палэстриты [45]) и, по всем правилам своего искусства, умастили нас. Забыв про усталость, мы надели пиршественные одежды [46]) и были отведены в соседний покой, где стояло три ложа и вся обстановка отличалась роскошью и изяществом Нас пригласили возлечь, угостили великолепной закуской, просто залили фалерном. После нескольких перемен нас стало клонить ко сну.

— Это что такое? — спросила Квартилла. — Вы собираетесь спать, хотя прекрасно знаете, что подобает бодрствовать в честь гения Приапа? [47])

XXII. Когда утомленного столькими бедами Аскилта окончательно сморило, отвергнутая с позором рабыня взяла и намазала ему, сонному, все лицо углем, а плечи и щеки расписала непристойными изображениями [48]). Я, страшно усталый от всех неприятностей, тоже, хоть не надолго, отдался сладостям сна. Равно

---

[45]) Собственно борцы, упражняющиеся в палэстре (гимнастическая и спортивная школа); но здесь, вероятно, слуги при палэстре.

[46]) Точнее „обеденные“ (coenatoria): длинные, обычно богато расшитые легкие туники.

[47]) Итак, Квартилла имеет несомненное отношение к культу Приапа, который, повидимому, играл важную роль в композиции романа.

Приап — бог рождающей силы, а потому покровитель всех отраслей сельского хозяйства. Античная теогония расходится в определении происхождения Приапа. Вот различные версии: Приап—сын: а) Диониса и Афродиты, б) Диониса и наяды или Хиопы, в) Адониса и Афродиты, г) Гермеса, д) длинноухого отца (Макроб. Сат. VI, 5). У древнейших греческих авторов он не упоминается. Культ его, повидимому, не очень древний. Главное капище — в Лампсаке на Геллеспонте, где бог по преданию родился. Приап обладал даром пророчества и исцеления. Статуи Приапа стояли в садах, виноградниках и на дорогах, где они часто указывали путь огромным фаллусом, отличительным атрибутом этого бога. Статуи были обычно выкрашены в красный цвет. За пазухой у Приапа были плоды, в руках серп или рог изобилия. Изображения часто были снабжены стихотворными надписями (так наз. „Приапеи“, которые до нас дошли (см. образцы, 446, 458).

[48]) В тексте sopitionibus (Д-Г.: sopitis titionibus = обгорелой головешкой). Наш перевод основан на чтении sopionibus и толковании проф. А. И. Сонни (Филолог. Обозр. IX, 2, 1895, стр. 165).

и вся челядь и в комнате, и за дверями (принялась клевать носом): одни валялись вперемежку у ног возлежавших (на ложах), другие дремали, прислонившись к стенам, третьи примостились на пороге — голова к голове. Выгоревшие светильники бросали свет тусклый и слабый. В это время два сирийца прокрались в триклиний с намерением стащить флягу (с вином), но, подравшись из жадности на уставленном серебряной утварью столе, они разбили украденную флягу. Стол с серебром опрокинулся, и упавший с высоты кубок стукнул по голове рабыню, валявшуюся на ложе. Она громко завизжала от боли, так что крик ее и воров выдал, и часть пьяных разбудил. Воры-сирийцы, поняв, что их сейчас поймают, тоже растянулись вдоль ложа, словно они давно уже тут, и принялись храпеть, притворяясь спящими. Триклиниарх [49]) подлил масла в полупотухшие лампы, мальчики, протерев глаза, вернулись к своей службе, и, наконец, вошедшая музыкантша, ударив в кимвал, пробудила всех.

XXIII. Пир возобновился, и Квартилла снова призвала всех к усиленному пьянству. Кимвалистка много способствовала веселью пирующих. Снова объявился и кинэд, пошлейший из людей, великолепно подходящий к этому дому. Хлопнув в ладоши, он разразился следующей песней:

Эй! Эй! Соберем мальчиколюбцев изощренных!
Все мчитесь сюда быстрой ногой, пятою легкой,
Люд с наглой рукой, с ловким бедром, с вертлявой ляжкой!
Вас, дряблых, давно охолостил делийский мастер [50]).

Он заплевал меня своими грязными поцелуями; после он и на ложе взгромоздился и, несмотря на отчаянное сопротивление, разоблачил меня. Долго и тщетно возился он с моим членом. По потному лбу ручьями стекала краска, а на морщинистых

---

[49]) В роде метр д'отеля. О триклинии см. 81.

[50]) По приказанию Цицерона и Варрона, делийцы отличались умением выкармливать каплунов и пулярд; поэтому они должны были быть искусными кастраторами.

щеках было столько белил, что казалось, будто дождь струится по растрескавшейся стене.

XXIV. Я не мог долее удерживаться от слез и, доведенный до полного отчаяния, обратился к Квартилле:

— Прошу тебя, госпожа, ведь ты повелела дать мне братину [51]).

Она всплеснула руками:

— О умнейший из людей и источник доморощенного остроумия! И ты не догадался, что кинэд и есть женский род от брата [51])?

Тут я пожелал, чтобы и другу моему пришлось так же сладко, как и мне.

— Клянусь вашей честью, Аскилт, один единственный во всем триклинии празднует лентяя, — воскликнул я.

— Правильно! — сказала Квартилла. — Пусть и Аскилту дадут братца.

Сказано—сделано: кинэд переменил коня и, перейдя к моему товарищу, измучил его игрою ляжек и поцелуями. Гитон стоял тут же и чуть не вывихнул челюстей от смеха. (Тут только) Квартилла обратила на него внимание и спросила с любопытством:

— Чей это мальчик?

Я сказал, что это мой братец.

— Почему же, в таком случае, — осведомилась она, — он меня не поцеловал?

И, подозвав его к себе, подарила поцелуем.

Затем, засунув ему руку за пазуху и найдя на ощупь неиспользованный еще сосуд, сказала:

---

[51]) Это оказалось единственным способом передать имеющуюся в тексте игру слов, до сих пор, кажется, не отмеченную комментаторами:
а) *ἐμβασίκοιτας*=сосуд для питья, братина,
б) *ἐμβασίκοιτας*=всходящий на ложе, каковым является кинэд, всеобщий „братец".

Можно думать, что Энколпий просил пить, и Квартилла велела подать ему „братину" (embasicoetan iusseras dari), которая оказалась „братцем".

Д-Г. думает, что кинэда звали Эмбасикоитом, так что получалась острота в роде гл. XXXVI („Режь!").

— Это завтра послужит прекрасной закуской [52]) к нашим наслаждениям. Сегодня же „после разносолов не хочу харчей" [53]).

XXV. При этих словах Психея со смехом подошла к ней и что-то неслышно шепнула.

— Вот, вот, — ответила Квартилла, — ты прекрасно надумала: почему бы нам сейчас не лишить девства нашу Паннихис, благо случай выходит?

Немедленно привели девочку, довольно хорошенькую, на вид лет семи, не более; ту самую, что приходила к нам в комнату вместе с Квартиллой. При всеобщих рукоплесканиях, по требованию публики, стали справлять свадьбу. В полном изумлении я принялся уверять, что, во-первых, Гитон, стыдливейший отрок, не подходит для такого безобразия, да и лета девочки не те, чтобы она могла вынести закон женского подчинения.

— Да? — сказала Квартилла. — Она, должно быть, сейчас моложе, чем я была в то время, когда впервые отдалась мужчине? Да прогневается на меня моя Юнона [54]), если я хоть

---

[52]) In promulside.—Большая трапеза (coena) делилась на: а) promulsis (или gustatio)=закуска (в русском смысле, т.-е. предварительная еда, б) самая coena, в) commissatio=ночной пир, продолжение обеда.

[53]) Post asellum diarium non sumo. Otto, стр. 40. Asellus=вкусная морская рыба. Итак: „После дорогой рыбы я не ем ежедневного пайка". Пословица, видимо, очень грубая (солдатская?), и мы перед ем ее соответственно.

Странно, что Квартилла сочла возможным применить эту пословицу к данному случаю. Показывает ли это, что Энколпий или еще не оскорбил Приапа, или еще не был наказан бессилием?

(Между прочим считаем нужным указать на параллель из Луцилия IV, 4, которой нет у Отто, хотя при фрагментарности текста, конечно, нельзя сказать, имеем ли мы дело с поговоркой:

⏑ — Thynno capto corvum excludunt foras
Тунца поймавши, умбрицу швыряют вон).

[54]) Юнона считалась покровительницей матрон. Рабыни заклинали госпожу: „ради твоей Юноны", т.-е. „покровительствующей тебе", как еще и теперь у южных славян: „тако ти бога твога". Впрочем, можно предполагать и другой оттенок религиозного чувства: „моя", „твоя" и т. д. Юноны могли восприниматься, как гении (духи-хранители) — эманации единой Юноны.

когда-нибудь помню себя девушкой. В детстве я путалась с ровесниками, потом пошли юноши постарше, и так до сей поры. Отсюда, вероятно, и пошла пословица: „Кто снесет теленка, снесет и быка“.

Боясь, как бы без меня с братцем не обошлись еще хуже, я присоединился к свадьбе.

XXVI. Уже Психея окутала голову девочки венчальной фатой; уже кинэд нес впереди факел; пьяные женщины, рукоплеща, составили процессию и постлали ложе покрывалом [55]). Возбужденная этой сладострастной игрой, сама Квартилла встала и, схватив Гитона, потащила его в спальню. Без сомнения, мальчик не сопротивлялся, да и девчонка вовсе не была испугана словом „свадьба“. Пока они лежали за запертыми дверьми, мы уселись на пороге спальни, впереди всех Квартилла, со сладострастным любопытством следившая через бесстыдно проделанную щелку за ребячьей забавой. Дабы и я мог полюбоваться тем же зрелищем, она осторожно привлекла меня к себе, обняв за шею, а так как в этом положении щеки наши почти соприкасались, то она, время от времени, поворачивала ко мне голову и как бы украдкой целовала меня.

[Я был до того измучен невероятной страстностью Квартиллы, что только и мечтал, как бы скрыться. Аскилт — я ему сообщил о своем намерении — всецело мне сочувствовал: он жаждал избавления от объятий Психеи; не будь Гитон заключен в спальне, мы бы смогли легко удрать: но мы хотели его вызволить и избавить от диких шалостей этих блудниц. Пока мы потихоньку сговаривались, Паннихис свалилась с кровати, увлекая за собой Гитона. При падении девочка сильно ударилась головой и с перепугу заорала благим матом; Квартилла в ужасе бросилась к ней на помощь и тем открыла нам путь к отступлению; мы не мешкали: сломя голову мы полетели в гостиницу] и остальную часть ночи спокойно проспали в своих кроватях.

---

[55]) Мы приняли исправления Д.-Г. ingesta veste вм. incesta.

[Выйдя на другой день, мы наткнулись на двух субъектов из шайки вчерашних разбойников. Увидя их, Аскилт отважно набросился на одного и, одолев и даже ранив его, кинулся помогать мне, дравшемуся тем временем с другим. Но этот молодчик отбивался так отчаянно, что ему удалось, ранив, правда легко, нас обоих, удрать от наших кулаков].

Настал третий день, день долгожданного свободного [56]) пира [у Трималхиона] [57]); но нам, раненым, измученным, более улыбалось бегство, чем покойное житье. [Спозаранку, вернувшись в гостиницу, мы слегли в постель и лечились вином и елеем. Пораженный нами разбойник валялся, между тем, на земле, и, не зная, что с ним сталось, мы трепетали за свою участь].

Итак, мы мрачно раздумывали, как бы нам отвратить надвигавшуюся грозу, как вдруг один из рабов Агамемнона [58]) испугал нас окриком:

— Как, — говорил он, — разве вы не знаете, у кого сегодня пируют? У Трималхиона, изящнейшего из смертных; в триклинии у него стоят часы, и (к ним) приставлен особый трубач, возвещающий, сколько мгновений жизни он потерял.

Мы, позабыв все невзгоды, тщательно оделись и велели Гитону, охотно согласившемуся выдать себя за нашего раба, следовать за нами в бани.

XXVII. Мы принялись одетые разгуливать по баням просто так, для своего удовольствия, и подходить к кружкам играющих, как вдруг увидели лысого старика в красной тунике, игравшего

---

[56]) Ф. думает, что Энколпий здесь иронически говорит о „предсмертной трапезе“ (libera coena), которой угощали гладиаторов накануне боя, намекая на грозящую беду (?).

[57]) Trimalchio. Malchio (Corp. Gloss. II 126—7) = ἀηδής = „противный“. Тогда: tri — malchio = „трижды противный“, как trifurcifer = „тройной мерзавец“. (Ф.).

Марциал III, 82 тоже называет своего мерзкого амфитриона Malchio 32:

Мы терпим чванство Малхиона подлого.

(Сл. 62, 78).

[58]) Агамемнон — тот самый ритор, за разговором с коим мы застали Энколпия в гл. I. Это показывает, что действие происходит все в том же городе; таким образом вставки Нодо являются еще более неудачными.

в мяч с кудрявыми мальчиками [59]). Нас привлекли к этому зрелищу не столько мальчики, — хотя и у них было на что посмотреть,—сколько сам почтенный муж, игравший в сандалиях зелеными мячами: мяч, коснувшийся земли, в игре более не употреблялся, а свой запас игроки пополняли из корзины, которую держал раб. Мы приметили одно нововведение. По обеим сторонам круга стояли два евнуха: один из них держал серебряный горшок [60]), другой считал мячи, но не те, которыми во время игры перебрасывались из рук в руки, а те, что падали наземь. Пока мы удивлялись этим роскошествам, к нам подбежал Менелай [61]).

— Вот тот, в чьем доме сегодня предстоит нам возлежать за обедом! Это как бы прелюдия пира.

Во время речи Менелая, Трималхион прищелкнул пальцами. Один из евнухов по сему знаку подал ему горшок [62]). Удовлетворив свою надобность, Трималхион потребовал воды на руки и свои слегка обрызганные пальцы вытер о волосы одного из мальчиков.

XXVIII. Долго было бы рассказывать все подробности. Словом, мы отправились в баню и, вспотев, поскорее перешли в холодное отделение. Там умащали Трималхиона, при чем терли его не полотном, но лоскутком мягчайшей шерсти Три массажиста [63]) пили в его присутствии фалерн: когда они, поссорившись, пролили много вина, Трималхион назвал это свиной здравицей [64]). Затем, надев ярко-алую байковую тунику, он возлег на носилки и (двинулся в путь), предшествуемый четырьмя медно-украшенными [65]) скороходами и ручной тележкой, в которой ехал его любимчик: старообразный, подслеповатый [66]) мальчик, еще более уродливый, чем его хозяин - Трималхион. Пока его несли, над его головой, словно желая что-то шепнуть на ушко, все время склонялся музыкант, всю дорогу игравший на крошечной флейте... Мы, весьма удивленные виденным, следовали за ним и вместе с Агамемноном пришли к дверям, на которых висело объявление, гласившее:

ЕСЛИ РАБ БЕЗ ПРИКАЗАНИЯ ГОСПОДСКОГО ВЫЙДЕТ ЗА ВОРОТА, ТО ПОЛУЧИТ СТО УДАРОВ.

У самого входа стоял привратник в зеленом платье, подпоясанный (ярко) вишневым поясом, и чистил на серебряном блюде горох. Над порогом висела золотая клетка, из коей пестрая сорока приветствовала входящих [67]).

XXIX. (Об этот порог) я, впрочем, чуть не переломал себе ноги, пока, задрав голову, рассматривал все (диковинки). По левую руку, недалеко от каморки привратника, была нарисована на стене огромная цепная собака, а над нею большими квадратными буквами написано:

Берегись собаки.

Товарищи меня обхохотали. Я же, оправившись от падения, не поленился пройти вдоль всей стены. На ней был нарисован

---

59) Кудрявые, т.-е. несовершеннолетние, носившие длинные волосы (Ф).

60) Ночной сосуд из серебра упомянут у Ульпиана (Digg. XXXIV, 2. 27), украшенный работой известного скульптора у Марциала (Ф): Марц. X, 11:

> Пить из алмазов тебе, о Сарданапал, подобает,
> Раз для блудницы твоей Ментор изваял горшок.

61) Помощник Агамемнона, см. 271.

62) Также и Малхион у Марциала (сл. 57, 78).

> Чуть щелкнет пальцем, знает этот знак скопец
> И побуждает господина пьяного
> Рукою нежной к моченспусканию.

63) Трималхион брал их с собой для лечебной гимнастики. Гигиенические упражнения, введенные впервые в Греции учеником Гиппократа, Продиком, получили наибольшее распространение при Нероне (Фридл. Sittengesch. Roms, 11, 486).

64) Suum propinasse = своей (ср. р, от suus) или свиной (род. мн. от sus)? Мы предпочли второе, как более осмысленное и подходящее для любителя тривиальных шуток Трималхиона.

65) Phalerae — медные щитки (ладонки), украшавшие грудь лошадей, солдат, скороходов.

66) Точнее, с гноящимися глазами.

67) Марц. XIV, 86:

> Громко приветствую я господина, болтунья-сорока,
> Не увидавши, меня птицею ты не сочтешь.

Сороки, говорящие отчетливее попугаев, упоминаются также у Плиния (Nat. hist. X, 118) (Ф).

невольничий рынок с вывесками [68]), и сам Тримальхион, еще кудрявый [69]), с кадуцеем [70]) в руках, ведомый Минервой [71]), (торжественно) вступал в Рим. Все передал своей кистью добросовестный художник и объяснил надписями: и как Тримальхион учился счетоводству, и как сделался рабом-казначеем. В конце портика, Меркурий, подняв Тримальхиона за подбородок, возносил его на высокую эстраду. Тут же была и Фортуна с рогом изобилия, и три Парки, прядущие золотую нить [72]). Заметил я в портике и целый отряд скороходов, обучающихся под наблюдением наставника. Кроме того, увидел я в углу большой шкаф, в нише которого стояли серебряные Лары [73]), мраморное изображение Венеры и довольно большая, засмоленная золотая шкатулка, где, как говорили, хранилась первая борода [74]) самого хозяина. Я расспросил привратника, что изображает живопись внутри дома.

— Илиаду и Одиссею, — ответил он, — и бой гладиаторов, устроенный Лэнатом.

XXX. Но некогда было все разглядывать. Мы уже достигли триклиния, в передней половине которого домоуправитель проверял отчетность. Но что особенно поразило меня в этом

[68]) Дощечки, висевшие на груди у продаваемых рабов, на которых значилась цена и специальность раба.

[69]) Сл. 59, 87.

[70]) Атрибутом Меркурия, которого Тримальхион, как видно из гл. LXVII и LXXVII, считал особенно к себе расположенным (Ф).

[71]) Т.-е. богиней ума. Это должно символизировать, что Тримальхион преуспел благодаря личным достоинствам, как он сам хвастается в гл. LXXV (265).

[72]) Золотые нити обозначают великую будущность. Ф. цитирует весьма интересную параллель из „Видения“ Сенеки (4), где парка Лахесис ткет судьбу Нерона:

Из белоснежных клубков она светлую шерсть извлекает,
Водит счастливой рукой, и, в том движении, нити
В новый окрасились цвет, и сестры дивятся работе.
Сразу убогая шерсть превратилась в металл драгоценный,
И золотые года текут лучезарною нитью.

[73]) Лары (гении-покровители) обычно изображаются вдвоем в виде прекрасных юношей, держащих рога (эмблема изобилия) (сл. 223).

[74]) Первую бороду римлянин посвящал богам, обычно, своему личному гению.

триклинии — так это пригвожденные к дверям ликторские связки с топорами, оканчивавшиеся внизу бронзовыми подобиями корабельного носа; а на носу была надпись:

Г. ПОМПЕЮ [75]) ТРИМАЛХИОНУ — СЕВИРУ АВГУСТАЛОВ [76]) — КИННАМ — КАЗНАЧЕЙ.

Надпись освещалась спускавшимся с потолка двурогим светильником, а по бокам ее были прибиты две дощечки: на одной из них, помнится, имелась нижеследующая надпись:

III ЯНВАРСКИХ КАЛЕНД И НАКАНУНЕ
НАШ ГАЙ [77]) ОБЕДАЕТ ВНЕ ДОМА.

На другой же были изображены фазы луны и ход семи светил, и, разным образом, показывалось, посредством разноцветных шариков, какие дни счастливые и какие несчастные. Достаточно налюбовавшись этим великолепием, мы хотели войти в триклиний, как вдруг мальчик, специально назначенный для этого, крикнул нам:

— Правой ногой!

Мы, конечно, несколько смутились, опасаясь, как бы кто-нибудь из нас не нарушил обычая. Наконец, когда, все разом, мы занесли правую ногу над порогом, неожиданно бросился к ногам нашим уже раздетый для бичевания раб и стал умолять избавить его от казни: не велика вина, за которую его преследуют; он забыл в бане одежду домоуправителя, стоящую не больше десяти сестерциев. Мы отнесли правые ноги обратно за порог и стали просить домоуправителя, пересчитывавшего в триклинии червонцы, простить раба. Он гордо приосанился и сказал:

[75]) Помпеем вольноотпущенник Тримальхион называется по своему хозяину, как и у нас бывшие крепостные: Шувалов, Шереметевский и т. под.

[76]) Т.-е. одному из 6-ти старшин (se—viri) коллегии культа Августа (гения императора). В эту коллегию могли входить и вольноотпущенники, не допускавшиеся к занятию государственных и жреческих должностей.

[77]) Почтительное обращение рабов к господину (см. 175).

— Не потеря меня рассердила, но ротозейство этого негодного холопа. Он потерял пиршественную одежду, подаренную мне в день моего рождения одним из клиентов. Была она, конечно, тирийского пурпура, но уже однажды мытая. Все равно! ради вас прощаю.

XXXI. Едва мы, побежденные таким великодушием, вошли в триклиний, раб, за которого мы просили, подбежал к нам и осыпал нас, просто не знавших куда деваться от конфуза, целым градом поцелуев, благодаря за милосердие.

— О, — говорил он, — вы скоро узнаете, кого облагодетельствовали. Господское вино — признательность раба... [78])

Когда, наконец, мы возлегли, александрийские мальчики [79]) облили нам руки ледяной водой [80]); за ними последовали другие,

---

[78]) Слова эти, по мнению Бюхелера, составляют шестистопный ямб и являются поговоркой.

„Господское" - то, которое подается самому господину и почетным гостям, в то время как гости поплоше и клиенты довольствуются второсортным (Ф.). (Сл. 109, 10 в.).

Таков Марциалов Малхион (см. в. 57, 62).

22. Пока подносят нам вино с Лигурских скал
И прокопченный винный сок Массилии,
Олимпианский нектар в честь шутов своих
Он пьет из чаш хрустальных и фаянсовых (?) (murrinis).

Но к нашему Трималхиону эта пословица вряд ли применима: мы увидим его сторонником равенства (см. 88).

[79]) Д.-Г. и Ф.: „александрийские р а б ы" (pueri). Мы даем pueri в первоначальном значении, так как, если верить Марц. IV, 42, в особенности ценились египетские мальчики.

Если бы кто ненароком взялся мою просьбу исполнить,
Вот бы какого, о Флакк, мальчика я попросил.
Прежде всего, чтобы был рожден на прибрежии Нила
(По развращенности ты худшей страны не найдешь).
Снега пусть будет белей, потому что ведь в смуглом Египте
Этого рода краса так же мила, как редка.
Очи пусть с звездами спорят, и мягкой волною спадают
Кудри до плеч: не люблю, друг мой, курчавых волос.
Лоб невысок и малы слегка закругленные ноздри,
Цветом румяным манят губы, соперницы роз.
То побуждая к любви, то глухой к сладострастным моленьям,
Пусть он свободней порой будет, чем сам господин, и т. д.

[80]) Снежная вода (т.-е. прокипяченный снег, после снова опущенный в снег), согласно Плинию (XXXI, 3), будто бы впервые введена в обращение Нероном (Д.-Г.).

Сенека считал охлаждение напитков в снегу необузданной роскошью.

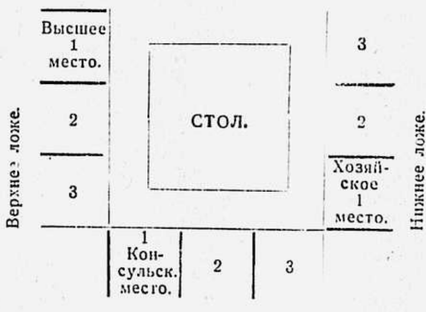
омывшие наши ноги и старательно остригшие ногти. При чем каждый занимался своим делом не молча, но распевая громкие песни. Я пожелал испробовать, вся ли челядь состоит из поющих? Попросил пить: услужливый мальчик исполнил мою просьбу с тем же завыванием, и так — все, что бы у кого ни попросили.

Пантомима с хорами какая-то, а не триклиний [81]) почтенного дома!

Между тем подали совсем невредную закуску: все возлегли на ложа, исключая только самого Трималхиона, которому, по новой моде, оставили высшее место за столом [81]). Посередине закусочного стола находился ослик коринфской бронзы с тюками

---

[81]) Столовая называлась так по имени большого стола (triclinium) за которым гости возлежали с трех сторон. (Рисунок заимствован нами у Marquardt'a: Privatleben der Römer).

Гости всходили на ложе с задней стороны и ложились лицом к столу, облокотившись на локоть, откуда выражение „наслонить локоть у когонибудь" = „пообедать у него в доме". Открытая сторона триклиния давала слугам доступ к столу. Из рисунка видно, где должен был сидеть хозяин и где фактически сидел Трималхион. На консульском месте (высшем на среднем ложе) возляжет Габинна (см. гл. LXV); но в колонии, где не было консулов, оно называлось „преторским". Еще одно отступление: кроме большого стола, перед каждым стоял маленький столик. Нижним на нижнем ложе лежал Г. Помпей Диоген (гл. XXXVIII). Но где помещалось место вольноотпущенника, на котором возлежал Г. Юлий Прокул? Кроме того за столом помещались Дама, Селевк, Филерот, Ганимед, Эхион, Гермерот; далее Агамемнон с Энколпием и Аскилтом и две дамы, Фортуната и Сцинтилла; затем Плоком и Никерот,—всего 17 человек.

на спине, в которых лежали с одной стороны черные, с другой — белые оливки. Над ослом возвышались два серебряных блюда, по краям которых были выгравированы имя Трималхиона и вес серебра, а на припаянных к ним перекладинах лежали (жареные) сони [82]), обрызганные маком и медом. Были тут также и кипящие колбаски на серебряной жаровне, а под сковородкой — сирийские сливы и гранатовые зерна.

XXXII. Мы наслаждались этими прелестями, когда появление Трималхиона, которого внесли на малюсеньких подушечках, под звуки музыки, вызвало с нашей стороны несколько неосторожный смех. Его скобленая голова высовывалась из ярко-красного плаща, а шею он обмотал шарфом с пурпуровой оторочкой и свисающей там и сям бахромой. На мизинце левой руки красовалось огромное позолоченное кольцо; на последнем же суставе безымянного, как мне показалось, настоящее золотое с припаянными к нему железными звездочками [83]). Но, чтобы выставить напоказ и другие драгоценности, он обнажил до самого плеча правую руку, украшенную золотым запястьем, прикрепленным сверкающей бляхой к браслету из слоновой кости.

XXXIII. — Друзья, — сказал он, — ковыряя в зубах серебряной зубочисткой, — не было еще моего желания выходить в триклиний, но, чтобы не задерживать вас дольше, я пренебрег всеми удовольствиями. Но позвольте мне окончить игру.

Следовавший за ним мальчик принес столик терпентинового дерева и хрустальные кости; я заметил нечто весьма (изящное и) утонченное: вместо белых и черных камешков здесь были золотые и серебряные денарии. Пока он за игрой исчерпал все рыночные прибаутки [84]), нам, еще во время закуски [52]), подали первое блюдо с корзиной, в которой, расставив крылья, как наседка на яйцах, сидела деревянная курица. Сейчас же подбе-

---

[82]) Маленький зверек из породы грызунов (glis nitela)

[83]) Чисто-золотое кольцо мог носить только всадник или патриций, а севир августалов лишь при исполнении обязанностей (Ф).

[84]) Букв. „поговорки всех ткачей“ (textorum).

жали два раба и, под звуки неизменной музыки, принялись шарить в соломе; вытащив оттуда павлиньи яйца, они роздали их пирующим. Тут Трималхион обратил внимание на это зрелище и сказал:

— Друзья, я велел подложить под курицу павлиньи яйца. И, ей-богу, боюсь, что в них уже цыплята вывелись. Попробуемте-ка, съедобны ли они.

Мы взяли по ложке, весившей не менее селибра [85]) каждая, и вытащили яйца, сработанные из крутого теста. Я едва не бросил своего яйца, заметив в нем нечто в роде цыпленка. Но затем я услыхал, как какой-то старый сотрапезник крикнул:

— Э, да тут что-то вкусное!

И я вытащил из скорлупы жирного винноягодника, приготовленного под соусом из перца и яичного желтка.

XXXIV. Трималхион, кончив игру, потребовал себе всего, что перед тем ели мы, и громким голосом дал разрешение всем, кто хочет, требовать еще медового вина. В это время, по данному знаку, грянула музыка, и поющий хор убрал подносы с закусками. В суматохе (со стола) упало большое (серебряное) блюдо; один из отроков его поднял, но заметивший это Трималхион велел надавать рабу затрещин, а блюдо бросить обратно на пол. Явившийся раб [86]) стал выметать серебро вместе с прочим сором за дверь. Затем пришли два молодых эфиопа [87]), оба с маленькими бурдюками в роде тех, из которых рассыпают песок в амфитеатрах, и омыли нам руки вином. Воды никому не подали. Восхваляемый за такую утонченность, хозяин сказал:

---

[85]) = 163,73 грамма (Ф). Речь идет о маленьких ложечках для яиц, так назыв. cochlearia. Вообще же, разумеется, ели руками.

[86]) В тексте lecticarius = „носильщик“. Уже в старых изданиях (1654) supellecticarius = заведывающий посудой, по-нашему „буфетный мужик“.

[87]) В тексте „кудрявых“, т.-е. имеются в виду мальчики (см. в. 59). Таким образом, может быть, устраняется предположение Ф., что „кудрявые“ эфиопы были „поддельными“.

— Марс любит равенство [88]). Потому я велел поставить каждому особый столик [81]).

— Таким образом, нам не будет так жарко от множества вонючих рабов [89]).

В это время принесли старательно засмоленые стеклянные амфоры, на горлышках коих имелись ярлыки с надписью:

ОПИМИАНСКИЙ ФАЛЕРН. СТОЛЕТНИЙ [90]).

Когда надпись была прочтена, Трималхион всплеснул руками и воскликнул:

— Увы! Увы, нам! Так, значит, вино живет дольше, чем людишки. Посему давайте пить [91]), ибо в вине жизнь. Я вас угощаю настоящим Опимианским; вчера я не такое хорошее выставил, а обедали люди много почище.

Мы пили и удивлялись столь изысканной роскоши. В это время раб притащил серебряный скелет, так устроенный, что его сгибы и позвонки свободно двигались во все стороны. Когда его несколько раз бросили на стол и он, благодаря подвижному сцеплению, принимал разнообразные позы, Трималхион воскликнул:

---

[88]) Aequum Mars amat,—т.-е. „все равны перед богом“ (?). Смысл пословицы, впрочем, не совсем ясен. Отто не отметил этой пословицы. В словах Virg. Aen. VI, 129: quos aequus amavit Juppiter (Отто, стр. 5), aequus—в другом смысле (= „справедливый“), который к нашему тексту вряд ли подходит. Здесь, вероятно, говорится о „равенстве“ между гостями и хозяином (см. 78).

[89]) Которые, в противном случае, толпились бы между ложами и большим столом, непрерывно подавая каждому требуемые куски.

[90]) Т.-е. закупоренное при консуле Опимии (в 121 г. до Р. Х.); этому вину было бы, значит, гораздо больше ста лет (по крайней мере 175, если действие происходит при Нероне); итак, это черта обычного для Трималхиона фарфаронства. — Во времена Опимия еще не отмечали на ярлыках родины вина.—Фалерн впервые упоминается у Катулла († ок. 54 г. до Р. Х.). (Ф).

[91]) Tangomenas faciamus. Непонятное и, может быть, искаженное слово производят от греч. τέγγω = „орошаю“ (?). Смысл может быть только таков или приблизительно таков, как мы предлагаем.

— Горе нам беднякам! О, сколь человечишко жалок!
Станем мы все таковы, едва только Орк нас похитит,
Будем же жить хорошо, други, покуда живем [92]).

XXXV. Возгласы одобрения были прерваны появлением блюда, по величине не совсем оправдавшего наши ожидания. Однако его необычность обратила к нему взоры всех. На круглом блюде были изображены кольцом 12 знаков Зодиака, причем на каждом кухонный архитектор разместил соответствующие яства. Над Овном — овечий горох, над Тельцом — говядину кусочками, над Близнецами — почки и тестикулы, над Раком — венок, над Львом—африканские фиги, над Девой—матку неопоросившейся свиньи, над Весами — настоящие весы с горячей лепешкой на одной чаше и пирогом на другой, над Скорпионом — морскую рыбку, над Стрельцом — лупоглаза [93]), над Козерогом — морского рака, над Водолеем — гуся, над Рыбами — двух краснобородок. Посередке, на дернине с подстриженной травой, возвышался медовый сот. Египетский мальчик обнес нас хлебом на серебряном противне, при чем паскуднейшим голосом выл что-то из мима „Ласерпиция“ [94]).

(Видя), что мы довольно кисло приняли эти убогие кушанья, Трималхион сказал: „Прошу приступить к обеду. (Это — начало) [95]).

---

[92]) Такие стихи (2 гексаметра + 1 пентаметр) не встречаются в изящной литературе, а только в надписях людей низших сословий. (O. Ribbeck: Geschichte d. röm. Dichtung III, 166). Сл. ниже гл. LV. Это очень тонко подмеченный Петронием бытовой штрих. Что касается идеи стишков, то она, начиная с Анакреона, то и дело встречается в античной поэзии. (Сл. знаменитое Горациево: „Лови день“). Между прочим и у Публилия: „Человек не подарен жизни, а взаймы ей дан“.

[93]) Oclopectus — неизвестное морское животное, ракообразное или рыба (?), с выпученными глазами,—соответствует целящемуся стрельцу.

[94]) Мимами назывались комические пьесы, большею частью носившие буффонадный характер и изображавшие в смехотворном виде лиц разных сословий и национальностей.

[95]) Мы принимаем текст Ф. Hoc est in (itium) coenae (т.-е. „до сих пор была закуска“), вм. Бюх.: Hoc est jus coenae, т.-е. „это правило пиршества“ (т.-е. это скудное блюдо есть часть церемонии, не придавайте ему гастрономического значения“) или „это — сок пиршества“ (? мы бы сказали: „гвоздь“).

XXXVI. При этих словах четыре раба, приплясывая под музыку, подбежали и сняли с блюда его крышку. И мы увидели другой прибор, и на нем птиц и свиное вымя[96]), а посредине зайца, всего в перьях, как бы в виде Пегаса. На четырех углах блюда мы заметили четырех Марсиев[97]), из мехов которых вытекала обильно поперченная подливка прямо на рыб, плававших точно в канале[98]). Мы разразились рукоплесканиями, начало коим положила фамилия, и весело принялись за изысканные кушанья.

— Режь! (Carpe!) — воскликнул Трималхион, не менее всех восхищенный удачной штукой.

Сейчас же выступил вперед резник и принялся в такт музыки резать кушанье с таким грозным видом, что казалось, будто эсседарий[99]) сражается под звуки органа[100]). Между тем Трималхион все время разнеженным голосом повторял:

- Режь! Режь! (Carpe! Carpe!).

Заподозрев, что в этом бесконечном повторении заключается какая-нибудь острота, я не постеснялся спросить о том соседа, возлежавшего выше меня.

Тот, часто видавший подобные шутки, ответил:

— Видишь раба, который режет кушанье? Его зовут Режь (Carpus). Итак, восклицая: „Режь!“ (Carpe!), (Трималхион) одновременно и зовет, и приказывает.

---

96) Alatilia et sumina leporemque. Hirschfeld (Rhein Mus. 51, 470) приводит параллель из Лукиана, который, говоря о „пире“ „нового богача“, тоже упоминает под ряд „птицу, свинину и зайца“, так что заимствование из Петрония становится весьма вероятным.

(Но не менее интересным кажется нам указать на стихи Луцилия из „пира П. Галлония“, высмеиваемого автором (изд. Carpet) IV, 3:

Illum sumina ducebant atque alatilium lanx.

Этого вымя свиное прельщало и с птицами блюдо.

Здесь та же комбинация блюд и те же слова, так что фраза Лукиана, может быть, имеет не только отца, но и деда).

97) Т.-е. четыре изображения сатира Марсия, побежденного Аполлоном в игре на свирели (откуда „меха“).

98) Канал шел, видимо, вдоль стен блюда, а остальные яства стояли посредине.

99) Эсседарий — британский боец, сражавшийся на колеснице (сл. 160).

100) Светоний (Нерон, гл. 41) считает, что гидравлические органы были новостью во времена Нерона (Ф).

XXXVII. Наевшись до отвалу, я обратился к своему соседу, чтобы как можно больше разузнать. Начав издалека, я осведомился, что за женщина мечется взад и вперед по триклинию?

- Жена Трималхиона, — ответил сосед, — по имени Фортуната. Ковшами деньги считает[101]).

— А чем она была раньше?

— С твоего позволения[102]), ты бы не захотел из ее рук куска хлеба взять. А теперь, ни с того, ни с сего, вознесена до небес. Все и вся — у Трималхиона! Скажи она ему в самый полдень, что сейчас тьма ночная — поверит! Сам он толком не знает, сколько чего у него имеется. Такой богатей! А эта волчица все видит (насквозь), где и не ждешь. Трезвее трезвого. Совет подать — золото[103]), но зла на язык: на перине — сорока[104]). Кого полюбит — так полюбит, кого не взлюбит — так уж не взлюбит![105]) Земли у Трималхиона — соколу не облететь, денег — тьма тьмущая: здесь в каморке привратника больше серебра валяется, чем у иного за душой есть. А рабов-то, рабов-то сколько![106]) Честное слово, едва ли десятая часть знает

---

101) Букв. „модиями“. Модий (= 16 секстариев) — мера сыпучих тел.

102) Букв. „Да простит мне твой гений“. У всякого народа, человека, зверя—имелся свой гений, дух-хранитель, который давался ему от рождения (deus genitalis). Гении людей изображались в виде крылатых юношей с патерой или рогом изобилия. Гений места — в виде змеи, едящей плоды. Культ гениев, кажется, этрусского происхождения; жертвы и возлияния личному гению приносились обычно в день рождения. Молились ему во всех случаях жизни.

103) Est sicca, sobria, bonorum consiliorum—tantum auri vides. В высшей степени красочное, но трудно передаваемое по-русски выражение, в особенности, если tantum auri vides относится не только к bonorum consiliorum, но и к sicca, sobria. Смысл, приблизительно, таков: „Трезвая, толковая: сколько ты видишь от этой женщины, столько ты видишь золота“, или же „сколько слышишь от нее советов, столько видишь золота“, т.-е. „скажет — рублем подарит“.

104) „Перинная сорока“, вероятно, потому, что злословит наедине с мужем.

105) Сл. „Изречения“ Публилия: „Женщина любит или ненавидит: третьего нет у нее“ (т.-е. середины она не знает).

106) Familia vero — babae! babae! Не совсем понятное восклицание, м. б., выражающее (как и современное провансальское „bobai“) удивление количеству рабов. Мы так и перевели. Но можно, кажется, понимать и так: „Зато челядь — ох, ох,! (Все под ряд дураки) никто хозяина в лицо не знает“ (?).

хозяина (в лицо). В общем, он любого из здешних балбесов[107]) в рутовый лист свернет.

XXXVIII. Нет того, чтобы он что-нибудь покупал на стороне: шерсть, померанцы, перец—все дома растет; куриного молока захочется — и то найдешь. Показалось ему, что домашняя шерсть не достаточно добротна, он пустил в стадо баранов, купленных в Таренте. Чтобы производить дома аттический мед[108]), велел привезти из Афин пчел,—кстати и доморощенные пчелки станут лучше благодаря гречанкам,—на-днях еще он написал в Индию, чтобы ему прислали груздёвых[109]) семян. Нет у него ни единого мула, рожденного не от онагра. Видишь, сколько подушек? Ведь все до единой набиты пурпурной или багряной шерстью. Душа радуется! Но и его товарищей-вольноотпущенников остерегись презирать[110]). И они не без сока. Видишь вон того, ниже всех возлежащего?[81]) Теперь у него 800.000 сестерциев, а ведь вырос из ничего: недавно еще бревна на спине таскал. Но говорят,—не знаю, правду ли, а только слышал,—что он стащил у Инкубона шапку и клад нашел[111]). Если кому что бог пошлет — я никогда не завидую.

107) Istis (этих или здешних?) babaecalis (т.-е. таких, которые ни „бэ“ ни „мэ“ не знают). Ф. остроумно предполагает, что речь идет о местных („здешних“) молодых людях из декурионских семейств. Но, может быть, Гермерот говорит о присутствующих („этих“) купцах, любого из которых Трималхион заткнет за пояс.

108) Марциал (XIII, 104) тоже упоминает аттический мед среди деликатесов.

109) Марц. XIII, 48:

Очень легко подарить серебро, или плащ, или тогу,
Иль даже злато. Трудней грузди в подарок принесть.

Грузди (boleti) считались большим деликатесом. Император Клавдий умер, поевши этих грибов, о которых, впрочем, ходил слух, что они были отравлены Агриппиной.

Ювенал, Сат. V, 146:

Бедным друзьям подаются грибы, но неважного сорта,
Грузди ж—хозяину. Клавдий обычно такие же кушал
Перед груздями жены: после них ничего он не кушал.

110) Т.-е. „голыми руками не бери“.

111) Поверие, что карлики-инкубы обладают чудесной шапкой (неизвестно, идет ли здесь речь о шапке-невидимке), очень распространено в средние века. Это место (единственное) подтверждает его распространенность и в древности.

Но он хвастун[112]) и себе не враг. На этих днях он вывесил следующее объявление:

Г. ПОМПЕЙ ДИОГЕН СДАЕТ КВАРТИРУ В ЯНВАРСКИЕ КАЛЕНДЫ ПО СЛУЧАЮ ПОКУПКИ СОБСТВЕННОГО ДОМА.

А тот, что возлежит на месте вольноотпущенников! Как здорово пожил! Я его не осуждаю. Он уже видел в глаза собственный миллион,—но свихнулся. Не знаю, есть ли у него хоть единый свободный от долгов волос! Но, честное слово, вина́ не его, потому что он сам превосходнейший малый. Все это от подлецов вольноотпущенников, которые все на себя перевели[113]). Сам знаешь: „артельный котел плохо кипит“[114]), и „где дело пошатнулось, там друзья — за дверь“. А каким почтенным делом занимался он, прежде чем дошел до теперешнего состояния! Он был устроителем похорон[115]). Обедал, словно царь: цельные кабаны[116]), птица, сласти, повара, пекаря....., вина́ под стол проливали больше, чем у иного в погребе имеется. Не человек, а сказка! Когда же дела его пошатнулись, он, боясь, что кредиторы сочтут его несостоятельным, выпустил следующее объявление:

[Г.] ЮЛИЙ ПРОКУЛ УСТРАИВАЕТ АУКЦИОН ИЗЛИШНИХ ВЕЩЕЙ.

XXXIX. Трималхион перебил эти приятные речи. Когда была убрана вторая перемена и повеселевшие гости принялись за вино, а разговор стал общим, Трималхион, облокотившись на локоть, сказал:

112) Subalapo — значение не совсем ясно (от alapari—хвастаться).

113) Богатые люди, в особенности сенаторы, зачастую вели торговлю через подставных лиц, своих вольноотпущенников, которые нередко злоупотребляли доверием и разоряли господина.

114) Т.-е. „у семи нянек дитя без глаза“.

115) Это занятие в Риме считалось нечистым (из-за религиозного представления о нечистоте трупа) и само по себе преграждало доступ к гражданским должностям, подобно другим позорным профессиям. (Сл. 312).

116) Собственно „кабаны в мундире“ (с кожей).

— Это вино вы должны скрасить (вашим приятным обществом). Рыба по суху не ходит. Спрашиваю вас, как вы думаете, доволен ли я тем кушанием, что вы видите на крышке блюда? „Таким ли вы знали Улисса“ [117])? Что же это значит? А вот что! И за едой надо быть любомудром. Да почиет в мире прах моего патрона! Это он захотел сделать меня человеком среди людей. Для меня нет ничего неизвестного, как показывает это блюдо. Небо, в котором обитают 12 богов, попеременно принимает 12 видов и прежде всего становится Овном. Кто под этим знаком родится, у тех будет много скота, много шерсти. Голова у них крепчайшая, лоб бесстыдный, рога острые. Под этим знаком родится много схоластов и барашков.

Мы рассыпались в похвалах остроумию (новоявленного) астронома. Он продолжал:

— Затем все небо вступает под знак Тельца. Тогда рождаются такие, что лягнуть могут, и волопасы, и те, что сами себя пасут. Под Близнецами рождаются парные кони, быки и тестикулы [118]), и те, что две стены сразу мажут [119]). Под Раком родился я: поэтому на многих ногах стою, и на суше и на море многим владею. Ибо рак и тут, и там уместен; поэтому я давно уже ничего на него не кладу, дабы не отягощать своей судьбы [120]). Подо Львом рождаются обжоры и властолюбцы. Под Девой — женщины, беглые рабы и колодники. Под Весами — мясники, парфюмеры и те, кто что-нибудь отвешивает. Под Скорпионом — отравители и убийцы. Под Стрельцом—косоглазые, что на овощи зарятся, а сало хватают [121]). Под Козерогом — те, у которых от

[117]) Из речи Лаокоона в Энеиде, II, 43:
Мыслите вы, что уплыли враги и что нету подвоха
В этих Данайских дарах? Таким ли вы знали Улисса?

[118]) Colei — тестикулы. В настоящее время Coglione, по-итальянски значит „дурак“.

[119]) Т.-е. „двух маток сосут“.

[120]) Вспомним, что на Раке лежал только венок (гл. XXXV). Букв. „своего рождения“ (nativitatem). Судьба человека определялась, по римскому верованию, его гением, который приставлялся к нему при рождении (deus genitalis).

[121]) Т.-е. „метят в ворону, а попадают в корову“.

многих бед рога вырастают. Под Водолеем — трактирщики и тыквенные головы. Под Рыбами — повара и риторы. Так и вертится круг, подобно жернову, и каждый миг приносит какую-нибудь пакость, ибо каждый миг кто-нибудь или рождается, или помирает. А то, что посредине вы видите дернину и на ней медовый сот — так и это не без причины сделано. Мать земля посредине, кругла как яйцо, и заключает в себе всяческое благо, так же как и сот.

XL. — „Премудрость!“ [122]) — воскликнули мы все в один голос [123]) и, воздев руки к потолку, поклялись, что ни Гиппарх, ни Арат [124]) не могли бы равняться с ним; но тут появились рабы, которые постлали перед ложами ковры. На них со всеми подробностями была изображена охота: были тут и охотники с рогатинами, и сети. Мы просто не знали, что и подумать, как вдруг вне триклиния раздался невероятный шум, и вот — лаконские собаки забегали вокруг стола. Вслед затем было внесено огромное блюдо, на котором лежал изрядной величины вепрь, с шапкой на голове, державший в зубах две корзиночки из пальмовых веток: одну с сирийскими, другую с фиванскими финиками. Вокруг вепря лежали поросята из пирожного теста, будто присосавшись к вымени, что должно было изображать супорось; поросята предназначались в подарок нам [125]). Рассечь вепря взялся не Карп, резавший ранее птицу, а огромный бородач в тиковом охотничьем плаще, с повязками на ногах. Вытащив охотничий нож, он с силой ударил вепря в бок, и из разреза выле-

[122]) Соответствует нашему „браво“.

[123]) „Sophos“! universi clamamus — Сл. Марц. VI, 48: „Sophos“! tibi turba togata (Hirschfeld, Rhein. Mus. 51, 470). Вся эпиграмма звучит так:
Если римлян толпа кричит тебе громко: „Премудрость“, —
Знай, о Помпоний, не ты, ужин твой красноречив.
В виду сходства не только выражений, но и темы, нельзя не согласиться с Гиршфельдом, что эта эпиграмма возникла под влиянием Петрония.

[124]) Гиппарх (160 — 125 до Р. Х.) — основатель научной астрономии. Арат (ок. 270 г. до Р. Х.)—составитель наиболее распространенного в древности астрономического учебника. (Ф).

[125]) Подарки гостям — обычное явление на больших пирах (сл. н. гл. LVI)

тела стая дроздов. Птицеловы, стоявшие наготове с сетями, скоро переловили разлетевшихся по триклинию птиц. Тогда Трималхион приказал дать каждому гостю по дрозду и сказал:

— Видите, какие отличные жолуди сожрала эта дикая [126]) свинья?

Между тем рабы взяли из зубов зверя корзиночки и разделили финики поровну между пирующими.

XLI. Между тем я, лежа на покойном месте, долго ломал голову, стараясь понять, зачем кабана подали в колпаке? Исчерпав все догадки [127]), я обратился к моему прежнему собеседнику за разъяснением мучившего меня вопроса.

— Твой покорный слуга легко объяснит тебе, — ответил он, — никакой загадки тут нет; дело ясное. Вчера этого кабана подали на последнее блюдо, и пирующие его отпустили на волю: итак, сегодня он вернулся на стол уже вольноотпущенником [128]).

Я проклял свою глупость и решил больше его не расспрашивать, дабы не казалось, что я никогда с порядочными людьми не обедал. Пока мы так разговаривали, прекрасный юноша, увенчанный виноградными лозами, обносил нас корзинкой с виноградом и, именуя себя то Бромием, то Лиэем, то Эвием [129]), тонким, пронзительным голосом пел стихи своего хозяина. При этих звуках Трималхион обернулся к нему:

— Дионис, — вскричал он, — будь свободным! [130])

---

[126]) Кажется, здесь silvaticus в смысле sauvage (?).

[127]) Bacalusias — смысл не совсем ясен (может быть „съевши все лакомства“).

[128]) При отпущении раба на волю, он надевал шляпу, знак свободы. (См. ниже).

[129]) Различные имена Диониса: Вакх — „шумный“; Бромий или „от грома происходящий“ (Зевс явился матери Вакха, Семеле, в виде грома), или „воспитанник нимфы Бромы“; Лиэй — „освобождающий (от забот)“; то же значение, согласно Сенеке („О спок. души“), имеет латинское Либер. Эвий — „тот, кому кричат: „эвоэ!“

[130]) Игра слов: Liber — Вакх и liber — свободный. Еще сложнее второй каламбур:

Me habere Liberum — Patrem — а) что я имею (у себя в доме) Отца — Вакха
liberum patrem — б) что я имею (рожден от) свободного отца.

Юноша стащил с кабаньей головы колпак и надел его.

— Теперь вы не станете отрицать, — сказал Трималхион, — что в доме у меня живет Вакх-Отец [130]).

Мы похвалили удачное словцо Трималхиона и расцеловали обошедшего триклиний мальчика.

После этого блюда Трималхион удалился в уборную [131]). Мы же, освобожденные от присутствия тирана, стали вызывать сотрапезников на разговор. Дама первый потребовал большую братину и заговорил:

— Что такое день? Ничто. Не успеешь оглянуться, — уже ночь. Поэтому ничего нет лучше, как из спальни прямо переходить в триклиний. Ну и холод же нынче; еле в бане согрелся. Но „глоток горячего (вина) — лучшая шуба“ [132]). Я клюкнул и совсем осовел.... (Все) вино в голову пошло.

XLII. Селевк уловил отрывок разговора и сказал:

— Я не каждый день моюсь; банщик подобен валяльщику; у воды есть зубы, и жизнь наша ежедневно подтачивается. Но, опрокинув стаканчик медового вина, я плюю на холод. К тому же я и не мог вымыться: я сегодня был на похоронах. Хрисанф, красавец мужчина, (притом) прекрасный малый, испустил дух: так еще недавно окликнул он меня на улице; кажется мне, что я только что с ним разговаривал. Ох, ох! все мы ходим точно раздутые бурдюки; мы меньше мухи: потому что и у мухи есть свои добродетели, — мы же просто-напросто мыльные пузыри. А что было бы, если бы он не был воздержен? Целых пять дней ни крошки хлеба, ни капли воды в рот не взял и все-таки отправился к праотцам. Врачи его погубили, а, вернее, злой Рок. Врач ведь не что иное, как самоутешение. Похоронили его прекрасно: чудные ковры, великолепное ложе, причитания отличнейшие, — ведь он многих отпустил на волю; зато жена отвратительно мало плакала. (А что бы

---

[131]) И здесь Трималхион деликатнее Малхиона, который не считает нужным встать из-за стола (см. 62).

[132]) Букв. „лучший гардеробщик“.

еще было), если бы он с ней не обращался так хорошо? Но женщина есть женщина: коршуново племя. Никому не надо делать добра: все едино — что в колодец бросить. Но старая любовь цепка, как рак...

XLIII. Он (всем) надоел, и Филерот вскричал:

— Поговорим о живых! Этот свое получил; с почетом жил, с почетом помер. На что ему жаловаться? Начал он с одного асса и готов был из навоза зубами деньги вытаскивать. И так рос, пока не вырос словно сот медовый. Клянусь богами, я уверен, что он оставил тысяч сто, и все деньгами. Однако скажу вам о нем всю правду, потому в этом деле я собаку съел[133]). Был он груб на язык, злоязычен — свара, а не человек. Куда лучше был его брат: друзьям друг, хлебосол, щедрая рука. По началу ему не повезло[134]), но первый же сбор винограда выправил ему ребра; продавал вино, почем хотел; а что окончательно заставило его поднять голову, так это наследство, из которого он больше украл, чем ему было завещано. А эта дубина[135]), обозлившись на брата, оставил по завещанию всю вотчину какому-то курицыну сыну[136]). Далеко бежит, кто бежит от своих![137]) Но были у него слуги - наушники, которые его погубили. Легковерие никогда до добра не доводит, особливо торгового человека. Однако верно, что он сумел попользоваться жизнью... Не важно, кому назначалось; важно, кому досталось. Легко тому, у кого все идет гладко. А как вы думаете, сколько лет унес он с собою в могилу? Семьдесят слишком. А ведь был крепкий, точно роговой, здорово сохранился, черен, как воронье крыло. Знал я его давным давно[138]). И до последних дней

---

[133]) Букв. „съел собачий язык“.

[134]) Malam parram pilavit — „ощипал скверную цигалицу“ (зловещую птицу).

[135]) Т.-е. покойный Хрисанф.

[136]) По-латыни: „сыну земли“.

[137]) Т.-е. „пропадет тот, кто от родных отрекается“.

[138]) Olim oliorum.

был распутником ей богу! даже собаки в доме не оставлял в покое. И к тому же преизрядный мальчишечник — вообще на все руки мастер[139]). Я его не осуждаю: это единственное, что он унес с собой в гроб.

XLIV. Так разглагольствовал Филерот, а вот так Ганимед:

— Говорите вы все ни к селу, ни к городу[140]); почему никто не побеспокоится, что ныне хлеб кусаться стал? Честное слово, я сегодня хлеба найти не мог. А засуха-то все попрежнему! Целый год голодаем. Эдилы,—чтоб им пусто было!— с пекарями стакнулись. Да, „ты — мне, я — тебе“. А бедный народ страдает, а этим обжорам всякий день сатурналии[141]). Эх, если бы у нас были еще те львы, которых я застал, когда только что приехал из Азии! Вот это была жизнь!.. [142]) Так били этих кикимор, что они узнали, как Юпитер сердится[143]). Но я помню Сафиния! Жил он (я еще мальчишкой был) вот тут, у старых ворот: перец, а не человек! Когда шел, земля под ним горела! но прямой! но надежный! друзьям друг! с таким можно впотьмах в морру играть[144]). А посмотрели бы вы его в курии![145]) Иного, бывало, так отбреет! А говорил без вывертов, напрямик. Когда вел дело на форуме[146]), голос его гремел, как труба, никогда притом не потел и не плевался. Думаю, что это ему от богов дано было[147]). А как любезно отвечал на поклон! Всех по именам звал, ну, словно один из

---

[139]) Totius Minervae homo—человек всяческого искусства.

[140]) Букв. „что ни к небу, ни к земле не относится“.

[141]) Мы бы сказали: „всякий день масленица“.

[142]) Испорченное место (similia sicilia interiores et) оставлено без перевода.

[143]) Т.-е. „что им небо с овчинку казалось“.

[144]) Морра — игра, при которой один быстро разжимает несколько пальцев руки, а другой должен тотчас же угадать, сколько пальцев; ясно, что в такой игре даже при свете возможно плутовство.

[145]) Т.-е. в заседании совета декурионов (в городской думе).

[146]) Т.-е. в народном собрании.

[147]) Puto eum nescio quid Asiadis habuisse.

а) Переведено по остроумной догадке Бурманна: quid assi a dis, т.-е., что он от богов получил какой-то дар (в роде неразменного рубля), что он у бога теленка съел, и т. п.

нас[148]). В те поры хлеб не дороже грязи был. Купишь его на асс — вдвоем не съесть; теперь же он не больше бычьего глаза. Увы! увы! с каждым днем все хуже; наша колония, словно телячий хвост, назад растет! А кто нам виноват, что у нас эдил трехгрошевый[149]), которому асс дороже нашей жизни. Он втихомолку над нами подсмеивается. А в день получает больше, чем иной по отцовскому завещанию. Уж я-то знаю, за что он перехватил тысячу золотых; о, если бы мы были настоящими мужчинами[150]), ему бы не так привольно жилось. Нынче народ: дома — львы, на люлях — лисицы. Что же касается до меня, то я проел все свои животы, и, если голод продолжится, придется и домишко продать. Что же это будет, если ни боги, ни люди не сжалятся над нашей колонией[151])? Чтобы мне не видеть радости от семьи, если я не думаю, что беда ниспослана нам небожителями. Никто небо за небо не считает, никто постов не блюдет[152]), никто Юпитера в грош не ставит. В прежнее время выходили именитые госпожи[153]) босые, с распущенными волосами, на холм и с чистым сердцем вымаливали воды у Юпитера; и немедленно лил дождь, как из

б) Heräus цитирует Варрона: „Персы... достигают такой сухости тела, что не плюются и не сморкаются".—Тогда смысл таков „Думаю, что в нем было что-то азиатское".

в) Ф. относит Asiadis к азианскому красноречию. Это абсолютно невозможно, ибо красноречие Сафиния было прямо противоположно азианскому.

[148]) Говорит вольноотпущенник, которому очень льстит демократизм декуриона.

[149]) Эдил — выборная должность, соответствующая, приблизительно, полицмейстеру. Эдилов было два; они следили за порядком, за общественными зданиями, за правильностью мер и весов.

[150]) Si nos coleos haberemus. — Образное выражение — „если бы у нас были тестикулы".

[151]) Колонии, как и муниципии, суть города, автономные во внутреннем управлении. По общегосударственным правам обывателей, колонии делились на: а) колонии римских (т.-е. полноправных) граждан и б) латинские колонии (с ограниченными правами).—Первые, большей частью, были расположены у моря. Поэтому, а также по словам Гермерота в гл. 57 (см. 206), можно заключить, что наша колония принадлежала к первой категории.

[152]) Главный пост — в честь Цереры 4 октября. (Ф).

[153]) Stolatae—одетые в столы, длинная парадная одежда, на которую женщины из простонародья не имели права.

ведра. Тогда или никогда. И все возвращались, мокрые, как мыши; но такие вещи ныне не в обычае. А теперь у богов ватные ноги[154]) из-за нашего неверия. Поля заброшены...

XLV. — Пожалуйста, — сказал Эхион-лоскутник[155]), — выражайся приличнее. „Раз—так, раз — этак", как сказал мужик, потеряв пегую свинью. Чего нет сегодня, то будет завтра: в том вся жизнь проходит. Ничего лучше нашей родины нельзя было бы найти, если бы люди поумней были. Но не она одна страдает в нынешнее время. Нечего привередничать: все под одним небом живем. Попади только на чужбину, так начнешь уверять, что у нас свиньи жареные разгуливают. Вот, например, угостят нас на праздниках, в течение трех дней, превосходными гладиаторскими играми; выступит не какая-нибудь труппа ланистов[156]), а несколько настоящих вольноотпущенников. И Тит наш—натура широкая и горячая голова: так или этак — а ублажить сумеет: уж я знаю, потому что я в его доме принят. Половинчатости он не терпит: гладиаторам будет дано первостатейное оружие; удирать—ни-ни; сражайся посередке[157]), чтобы всему амфитеатру видно было; средств у него хватит: 30.000.000 сестерциев ему досталось, как отец его помер. Если он и 400.000 выбросит, состояние его даже и не почувствует, а он увековечит свое имя[158]). У него уже есть несколько парней[159]),

---

[154]) Т.-е. они стали тяжелы на подъем.

[155]) Точнее: „торговец лоскутными завесами и одеялами".

[156]) Ланисты—торговцы гладиаторами и антрепренеры боев. Частью оседлы (в Риме), частью странствуют по провинциям. Иногда они сдают свои труппы напрокат знатным устроителям боев, иногда устраивают зрелище на свой риск. Ремесло это считалось позорным (Фридл. Sg. II, 376). Наемники ланистов ценились ниже добровольных бойцов-спортсменов.

[157]) Carnarium in medio—„бойня на середине (арены)". Ф. понимает иначе: вместо того, чтобы убивать негодных гладиаторов в вестиарии цирка, их прикончат на глазах у публики.

[158]) О нем всегда будут вспоминать, ему могут даже поставить статую, что считалось довольно обычным отличием.

[159]) В тексте: „несколько Маниев". — Маний — собственное имя. Употребляется для обозначения неизвестного лица, как у нас: „какой-нибудь Иван Петрович", „какие-то Гапки" и т. п.

и женщина-эсседария [160]), и казначей Гликона, которого накрыли когда он забавлял свою госпожу. Увидишь, как народ разделится между ревнивцем и любезником. Ну и Гликон! Грошевый человечишко! Отдает зверям казначея. Это значит выставить себя на посмешище. Разве раб виноват? Делает, что ему велят. Скорей бы следовало посадить быку на рога эту ночную вазу. Но так всегда: кто не может по ослу, тот бьет по седлу. И как мог Гликон вообразить, что из Гермогенова отродья выйдет что-нибудь путное? Тот мог бы коршуну налету когти подстричь. От змеи не родится канат [161]). Гликон, один Гликон в накладе: на всю жизнь пятно на нем останется, и разве смерть его смоет! Но всякий сам себе грешен. Да вот еще: есть у меня предчувствие, что Маммеа нам скоро пир задаст,—там-то уж и мне, и моим по два динария (достанется) [162]). Если он сделает это, то отнимет у Норбана все народное расположение: вот увидите, что он теперь победит его на всех парусах. Да и вообще, что хорошего сделал нам Норбан? Дал гладиаторов дешевых, полудохлых,—дунешь на них, и повалятся; и бестиариев [163]) видывал я получше; всадников, которых он дал убить, можно было счесть за человечков с ламповой крышки—сущие цыплята: один—увалень, другой — кривоногий; а тертиарий-то! [164])—мертвец за мертвеца, с подрезанными жилами. Пожалуй, еще фракиец был ничего себе: дрался по правилам. Словом, всех после секли; а вся публика кричала: „наддай!“

---

160) Эсседария (см. 99)—женщина, сражающаяся на колеснице.

161) Т.-е. „яблочко от яблони недалеко падает“.

162) Мне и моим . .
- а) цеху лоскутников (? Бюх.).
- б) мне и другим клиентам Маммеи (Ф.)
- в) августалам (Schmidt. De seviris augustalibus, 109), которым часто давали по 2 динария.

163) Преступники, отданные зверям, т.-е. люди без всякой гладиаторской подготовки (Ф).

164) Когда один гладиатор падал, победитель еще должен был победить его заместителя, который назывался tertiarius, „секундант“ в его первоначальном смысле.

Настоящие зайцы! Он скажет: „я вам устроил игры“, а я ему: „а мы тебе хлопаем“. Посчитай и увидишь, что я тебе больше даю, чем от тебя получаю. Рука руку моет.

XLVI. — Мне кажется, Агамемнон, что ты хочешь сказать: „Чего тараторит этот надоеда?“ Но почему же ты, наш записной оратор, ничего не говоришь? Ты не из наших и потому смеешься над речами бедных людей. Мы знаем, что ты от большой учености свихнулся [165]). Но что же из того? Уж когда-нибудь я тебя уговорю приехать ко мне на виллу, посмотреть наш домишко; найдется чем перекусить: яички, курочка. Хорошо будет, хоть в этом году погода и испортила весь урожай. А все-таки разыщем, чем червячка заморить. Потом и ученик тебе растет— мой парнишка. Он уже арифметику знает. Вырастет, к твоим услугам будет [166]). И теперь все свободное время не поднимает головы от таблиц; умненький он у меня и поведения хорошего, только очень уж птицами увлекается. Я уже трем щеглам головы свернул и сказал, что их ласка съела. Но он нашел другие забавы и охотно рисует. Кроме того начал он уже греческий учить, да и за латынь принялся неплохо, хотя учитель его слишком уж стал самодоволен, не сидит на одном месте. Приходит и просит дать книгу, а сам работать не желает. Есть у него и другой учитель, не из очень ученых, да зато старательный, который учит большему, чем сам знает. Он каждый праздник обыкновенно приходит к нам и доволен всем, что ему ни дай. Недавно я купил сыночку несколько книг с красными строками [167]), потому что хочу, чтобы он отведал немного права для ведения домашних дел. Занятие это хлебное. В литературе он уже достаточно испачкался. Если право ему не понравится, я его какому-нибудь ремеслу обучу: отдам, например, в цырюльники, в глашатаи или, скажем, в стряпчие.

---

165) Т.-е. „у тебя ум за разум зашел“. А, м. б., „возгордился“ (??).

166) Букв. „будет тебе рабом“. Вежливое самоуничижение (?).

167) Libra rubricata (вм. libros rubricatos): в юридических книгах абзацы отмечались красной краской (rubrica), откуда и теперь выражения „рубрика“ и „красная строка“.

Это у него одна смерть отнять может. Каждый день я ему твержу: „Помни, первенец: все, что учишь, для себя учишь. Посмотри на Филерона, стряпчего: если бы он не учился — давно бы с голоду подох [168]). Не так еще давно кули на спине таскал, теперь против самого Норбана вытянуть может. Наука — это клад, и искусный человек никогда не пропадет“.

XLVII. В таком роде шла болтовня, пока не вернулся Трималхион. Он вытер пот с лица, вымыл в душистой воде руки и сказал после недолгого молчания:

— Извините, друзья, но у меня уже несколько дней нелады с желудком, — врачи теряются (в догадках). Облегчили меня гранатовая корка и хвойные шишки в уксусе. Надеюсь, теперь мой желудок опять за ум возьмется. А то — как забурчит у меня в животе, подумаешь, бык заревел. Если и из вас кто надобность имеет, так пусть не стесняется. Никто из нас не родился запечатанным. Я лично считаю, что нет большей муки, чем удерживаться. Этого одного сам Юпитер запретить не может. Ты смеешься, Фортуната? А кто мне ночью спать не дает? Никому в этом триклинии я не хочу мешать облегчаться; да и врачи запрещают удерживаться, а если кому потребуется что-нибудь посерьезнее, то за дверьми все готово: сосуды, вода и прочие подробности. Поверьте мне, ветры попадают в спинной мозг и производят смятение во всем теле. Я знавал многих, которые умерли от того, что не решались в этом деле правду говорить.

Мы благодарили его за снисходительность и любезность и усиленной выпивкой старались скрыть (душивший нас) смех. Но мы не подозревали, что еще не прошли, как говорится, и полпути до вершины всех здешних роскошеств. Когда со стола, под звук музыки, убрали посуду, в триклиний привели трех белых свиней, в намордниках и с колокольчиками на шее. Номенклатор объявил, что это — двухлетка, трехлетка и шестилетка.

[168]) Букв. „голода от губ не отгонял“.

Я вообразил, что пришли фокусники, и свиньи, как это бывает в цирках [169]), станут выделывать какие-нибудь штуки. Но Трималхион рассеял недоумение:

— Которую из них вы хотите сейчас увидеть на столе? — спросил он, — потому что петухов, пентеево рагу [170]) и прочую дребедень и мужики изготовят; мои же повара привыкли целого быка зараз на вертеле жарить.

Далее он велел позвать повара и, не ожидая нашего выбора, приказал заколоть самую старшую.

— Ты из которой декурии? [171]) — повысив голос, спросил он.

— Из сороковой, — отвечал повар.

— Тебя купили или же ты родился в доме?

— Ни то, ни другое, — отвечал повар, — я достался тебе по завещанию Пансы.

— Смотри же, хорошо приготовь ее. А не то я тебя в декурию вестовых разжалую.

Повар, познавший таким образом могущество своего господина, повел (свою) жертву на кухню.

XLVIII. Трималхион же, любезно обратившись к нам, сказал:

— Если вино вам не нравится, я скажу, чтобы переменили; прошу вас, сделайте ему честь. По милости богов, я ничего не покупаю, а все, от чего слюнки текут, произрастает в одном моем подгородном поместье, которого я даже еще и не видел. Говорят, оно граничит с Террациной и Тарентом. Теперь я хочу соединить свою землицу с Сицилией, чтобы, если мне вздумается в Африку проехаться, все время по своим водам плавать. Но расскажи нам, Агамемнон, какую такую речь ты сегодня произнес? Я хотя лично дел и не веду, тем не менее для

[169]) Вероятно, здесь имеются в виду не цирки, а уличное представление для собравшихся в кружок (circulus) прохожих. (Ф).

[170]) Пентей был растерзан мэнадами на мелкие куски, отчего рагу и стало называться „пентеевым блюдом“ (penthiacum). (Ф).

[171]) Трималхион хочет показать, какая масса у него рабов: они делятся по цехам.

домашнего употребления красноречию все же обучался: не думай, пожалуйста, что я пренебрегаю учением. Теперь—у меня две библиотеки: одна греческая, другая латинская. Скажи поэтому, если любишь меня, сущность твоей речи.

— Богатый и бедняк были врагами,—начал Агамемнон [172]).

— Бедняк? Что это такое?—(перебил его Тримальхион).

— Остроумно,—похвалил его Агамемнон и изложил затем содержание не помню какой контроверсии.

— Если это уже случилось,—тотчас же заметил Тримальхион,—то об этом нечего и спорить. Если же этого не было—тогда и подавно.

Это и многое другое было встречено всеобщим одобрением.

— Дражайший Агамемнон,—продолжал между тем Тримальхион,—прошу тебя, расскажи нам лучше о странствованиях Улисса, как ему Полифем палец щипцами вырвал [173]), или о двенадцати подвигах Геркулеса. Я еще в детстве об этом читал у Гомера. А то еще видал я Кумскую Сивиллу в бутылке. Дети ее спрашивали: *Σίβυλλα τί θέλεις*? („Сивилла, чего ты хочешь?“) а она в ответ: *ἀποθανεῖν θέλω* („Хочу умереть“) [174]).

XLIX. Тримальхион все еще разглагольствовал, когда подали блюдо с огромной свиньей, занявшее весь стол. Мы были поражены быстротой и поклялись, что даже куренка в такой небольшой промежуток вряд ли приготовить можно, тем более, что эта свинья нам показалась по величине превосходившей даже съеденного незадолго перед тем вепря. Но Тримальхион со все возраставшим вниманием присматривался к ней:

---

[172]) Богатый и бедный (состоящие во вражде или в дружбе)—обычные герои контроверсий. Напр., у Квинтилиана (Declam. XIII) пчелы бедняка повадились в сад богатого; тот отравляет цветы и убивает пчел. (Фридл. Sg III, 392).

[173]) Ничего подобного об Улиссе не рассказывается. Тримальхион здесь, как и в других местах, обнаруживает свое невежество.

[174]) Ф. предполагает, что это ссохшаяся от старости мумия Сивиллы, каковые часто показывались в древности. Из этого места, однако, видно, что эти фигурки выдавали не за мумии, а за живых сивилл, заставляя их (путем чревовещания?) отвечать на вопросы.

— Как? как?—вскричал он,—свинья не выпотрошена? Честное слово, не выпотрошена! Позвать, позвать сюда повара!

К столу подошел опечаленный повар и заявил, что он забыл выпотрошить свинью.

— Как это так забыл?—заорал Тримальхион.—Подумаешь, что он забыл подсыпать перцу или тмину! Раздевайся.

Без промедления повара раздели, и он с печальным видом стал между двух истязателей. Все стали просить за него, говоря:

— Это бывает. Пожалуйста, прости его; если он еще раз сделает, никто из нас не станет за него просить.

Один я только поддался порыву неумолимой жестокости и шепнул на ухо Агамемнону:

— Этот раб, вероятно, большой негодяй! Как это забыть выпотрошить свинью? Я бы не простил, если бы он даже с рыбой что-нибудь подобное сделал.

Но Тримальхион рассмеялся и сказал:

— Ну, если ты такой беспамятный, вычисти-ка эту свинью сейчас, на наших глазах.

Повар снова надел тунику и, вооружившись ножом, дрожащей рукой полоснул свинью по брюху крест накрест. И сейчас же из прореза, поддаваясь своей тяжести, градом посыпались кровяные и жареные колбасы.

L. Вся челядь громкими рукоплесканиями приветствовала эту штуку и единогласно возопила:—На здоровье Гайю! [175])—повара же почтили стаканчиком вина, а также поднесли ему серебряный венок и кубок на блюде коринфской бронзы. (Заметив), что Агамемнон внимательно рассматривает это блюдо, Тримальхион сказал:

— Только у меня одного и есть настоящая коринфская бронза.

Я ожидал, что он, по своему обыкновению, из хвастовства скажет, что ему привозят сосуды прямо из Коринфа. Но вышло еще лучше.

---

[175]) Рабы почтительно называли господина по предимени, каковое полагалось иметь только свободным людям.

— Вы, возможно, спросите, как это так я один владею коринфской бронзой, — сказал он. — Очень просто: медника, у которого я покупаю, зовут Коринфом, что же еще может быть более коринфского, чем то, что делает Коринф? Но не думайте, что я—невежда необразованный: не знаю, откуда эта самая бронза получилась. Когда Илион был взят, Ганнибал [173]), большой плут и мошенник, свалил в кучу все статуи—и золотые, и серебряные, и медные—и кучу эту поджег. Получился сплав. Ювелиры теперь пользуются им и делают чаши, фигурки и блюда. Так, из многого — одно, и образовалась коринфская бронза — ни то, ни се. Простите меня, но я лично предпочитаю стекло. Оно, по крайности, не пахнет [176]). Но по мне, оно было бы лучше золота, если бы не билось: в теперешнем же виде оно, впрочем, никуда не годится [177]).

LI.—Однако, был такой стекольщик, который сделал небьющийся стеклянный фиал. Он был допущен с даром к Цезарю и, попросив фиал обратно, перед глазами Цезаря бросил его на мраморный пол. Цезарь страшно перепугался. Но стекольщик поднимает фиал, погнувшийся словно медная ваза, вытаскивает из-за пояса молоток и, преспокойно исправляет фиал. Сделав это, он вообразил, что ему уже принадлежат все блага Юпитерова неба, в особенности, когда император спросил его: „Знает ли еще кто-нибудь способ изготовления такого стекла?“ Стекольщик, видите ли, и говорит, что нет; а Цезарь велел ему отрубить голову; потому что, если бы это искусство стало всем известно, золото ценилось бы не дороже грязи.

LII.—Я теперь большой любитель серебра. У меня одних ведерных сосудов [178]) штук около ста. На них вычеканено, как

---

[176]) Коринфская бронза имела особый запах. (Ф).
Марц. IX, 59. Нос вопрошает он свой, не пахнет ли бронза Коринфом.

[177]) Должно ли предпочтение хрусталя бронзе тоже демонстрировать дурной вкус Трималхиона? Параллельных мест нет. Вероятно, безвкусие Трималхиона сказывается в его утилитаризме, когда он считает хрупкость стекла недостатком, в то время как знатоки именно ее и ценили. Сл. Сенека (De Benef. VII, 9). „Вижу я здесь хрустальные сосуды, которым хрупкость прибавляет цену“.

[178]) Букв.: „вмещающих 1 урну“ = 13,13 литра, т.-е. около ведра.

Кассандра своих сыновей убивает; детки мертвенькие—просто, как живые, лежат [179]). Потом есть у меня целая тысяча жертвенных чаш, оставленных моему патрону Муммием: на них—Дедал Ниобею прячет в Троянского коня [173]). Имеется у меня на бокалах и бой Петраита с Гермеротом [180]): и все они претяжелые. Но своего понимания в таких вещах я ни за какие деньги не продам.

Пока он все это рассказывал, один из рабов уронил чашу.

— Живо, — крикнул Трималхион, обернувшись, — наказывай сам себя, ибо ты ротозей.

Раб уже разинул рот, чтобы умолять о пощаде, но Трималхион перебил его:

— О чем ты меня просишь? Словно я тебя трогаю? Советую тебе попросить самого себя не быть ротозеем.

Наконец, уступая нашим просьбам, он простил раба. Освобожденный от наказания стал обходить вокруг стола.

— Воду за двери, вино на стол!—крикнул (Трималхион).

Мы громко одобрили остроумную шутку, и пуще всех Агамемнон, знавший, как надо держать себя, чтобы удостоиться приглашения и на следующий пир. Довольный нашими восхвалениями, Трималхион стал пить веселей. Скоро он был уже в пол-пьяна.

— А что, — сказал он, — никто не просит Фортунату поплясать? Поверьте, лучше нее никто кордакса [181]) не станцует.

Тут сам он, подняв руки над головой, принялся изображать сирийского скомороха [182]), при чем ему подпевала вся челядь:

---

[179]) Он, повидимому, путает Кассандру с Медеей.

[180]) Имя известного гладиатора Петраита встречается на старых сосудах довольно часто (Фр. II, 522); может быть, и Гермерот гладиатор, но, вернее, что он приплетен сюда ни к селу, ни к городу или что соединение его с Петраитом является анахронизмом (сл. 173, 179).

[181]) Непристойный танец.

[182]) Syrum histrionem. Ф.: „пантомимного плясуна Сира“. Но сам думает, что это мог быть сириец Номий, известный плясун. Однако странно, что Трималхион вздумал подражать Номию, жившему около 20 г. до Р. Х., так что Трималхион вряд ли мог его видеть.

madeia, perimadeia[183]). Я думаю, и на середину бы он выбрался, если бы Фортуната не шепнула ему что-то на ухо: должно быть, она сказала, что не подобают его достоинству такие низкие забавы. Никогда еще я не видал подобной нерешительности; он то боялся Фортунаты, то поддавался своей природе.

LIII. Он уже совсем хотел пуститься в пляс, когда его забава была прервана писцом, возгласившим, словно он столичные ведомости выкрикивал[184]).

— В седьмой день календ секстилия[185]), в поместье Тримальхиона, что близ Кум, родилось мальчиков тридцать, девочек — сорок. Свезено на гумно модиев пшеницы — пятьсот тысяч, быков пригнано — пятьсот. В тот же день прибит на крест раб Митридат за непочтительное слово о Гении нашего Гая. В тот же день отосланы в кассу десять миллионов сестерций, которых некуда было деть. В тот же день в Помпейских садах был пожар, начавшийся во владении Насты, бурмистра.

— Как?—сказал Трималхион, — да когда же купили для меня Помпейские сады?[186])

— В прошлом году,—ответил писец, — и поэтому они еще не внесены в списки.

— Если в течение шести месяцев, — вспылил Трималхион,— я ничего не знаю о поместьях, которые мне покупают, — я раз навсегда запрещаю вносить их в опись.

Затем были прочтены распоряжения эдилов и завещания лесничих, коими Трималхион лишался наследства[187]), однако, с извинительными примечаниями. Потом — список его арендаторов; акт расторжения брака ночного сторожа и вольноотпущенницы, которая была обличена мужем в связи с банщиком; ссылка домоправителя в Байи[188]); привлечение к ответственности казначея и решение тяжбы двух спальников.

183) Припев. (?)

184) Важнейшие римские происшествия и общеимперские постановления выкрикивались на площадях и вывешивались на таблицах. (Ф).

185) 26 июля (Ф).

186) Или Помпеевы (?); может быть, это еще одно имение из прежде принадлежавших его хозяину (Помпею), хотя, впрочем, в гл. LXXVI Трималхион хвастается, что он уже давно скупил все имения покойного Помпея.

187) Обычно в завещании упоминался патрон, т. что нарушение этого обычая было как бы лишением наследства

Между тем в триклиний явились фокусники: какой-то нелепейший болван поставил на себя лестницу и велел мальчику лезть по ступеням и на самом верху танцовать; потом заставлял его прыгать через огненные круги и держать зубами урну. Один лишь Трималхион восхищался этими штуками, сожалея только, что это искусство неблагодарное. Только два вида зрелищ он смотрит с удовольствием: фокусников и трубачей. Все же остальное — животные, музыка — просто чепуха.

— Я (как-то),—говорил он,—труппу комедиантов[189]) купил, заставил их разыгрывать мне ателланы[190]) и приказал начальнику хора петь по-латыни.

LIV. При этих словах Гайя мальчишка-фокусник свалился (с лестницы прямо) на Трималхиона. Поднялся громкий вопль: орали и вся челядь, и гости. Не потому, чтобы обеспокоились участью этого паршивого человека. Каждый из нас был бы очень рад, если б он сломал себе шею, но все перепугались— не закончилось бы наше веселье несчастием, и не пришлось бы нам оплакивать чужого мертвеца. Между тем Трималхион, испуская тяжелые стоны, беспомощно склонился на руки, словно и впрямь его серьезно ранили. Со всех сторон к нему бросились врачи, а впереди всех Фортуната, распустив волосы, с кубком в руке и причитая, что несчастнее и жалчее ее нет на земле женщины. Нанесший же рану мальчишка припадал к ногам то одного, то другого из нас, умоляя о пощаде. Мне

188) Большой курорт в Кампании, куда съезжалось высшее римское общество. Здесь речь идет о каком-нибудь поместье Трималхиона около Бай.

189) Comoedi—речь явно идет об актерах, разыгрывавших старо-аттические комедии (в стиле Аристофана) по-гречески. Римская комедия (по образцу ново-аттической), так назыв. palliata, хора не знала.

190) Ателланы — вид простонародной комедии, заимствованной римлянами у осков. Ателлана отличается буффонадным характером и традиционными персонажами, в роде итальянской commedia del arte.

было не по себе, так как я подозревал, что под этим несчастным случаем крылся какой-нибудь дурацкий сюрприз. У меня из головы не испарилась история с поваром и невыпотрошенной свиньей. Поэтому я принялся внимательно осматривать стены триклиния, ожидая, что вот-вот выйдет оттуда какое-нибудь новое чучело; в особенности, когда стали бичевать раба за то, что он обвязал раненую руку хозяина белой, а не красной шерстью. Мое подозрение скоро оправдалось: вышло от Трималхиона решение— мальчишку отпустить на волю, дабы никто не осмелился утверждать, что раб ранил столь великого мужа.

LV. Мы одобрили его поступок; по этому поводу зашел у нас разговор о том, как играет случай жизнью человека.

— Стойте, – сказал Трималхион,—нельзя, чтобы такое событие не было увековечено. Сейчас же потребовал себе таблички и, не раздумывая долго, прочел нам следующее:

То, чего и не ждешь, иногда наступает внезапно,
Ибо все наши дела вершит своевольно фортуна.
Вот почему наливай, мальчик, нам в кубки Фалерн [191]).

За разбором эпиграммы, разговор перешел на поэзию вообще, и, после долгих прений, пальму первенства присудили Мопсу Фракийскому [192]).

— Скажи мне, учитель,—сказал Трималхион,—какая разница по-твоему между Цицероном и Публилием [193]). По-моему—один красноречивее, другой—добродетельнее. Что может быть лучше этого?

---

[191]) Сл. XXXIV. Стихи попорчены и представляют разрушенную строфу из 2 гексаметров и одного пентаметра. (Бюх.).

[192]) Der grosse Dichter Mopsus aus Thracien gehört wohl in eine Reihe mit dem Eroberer Trojas Hannibal. (Ф).

[193]) Публилий Сириец, знаменитый мимограф времен Юлия Цезаря, родом из Антиохии. От комедий его сохранилось только 2 заглавия. Но изречения его были соединены в сборник, и часть их дошла до нас. Они были, как кажется, весьма популярны.—В нижеследующем стихотворении Петроний старается, видимо, подражать стилю Публилия, судя по ямбу, его драматическим произведениям.

Разрушит скоро роскошь стены римские... [194])
Павлин пасется в клетке для пиров твоих,
Весь в золотистой вавилонской вышивке,
А с ним каплун и куры нумидийские [195]).
И цапля, гостья милая заморская,
Пиэты жрица, стройная танцовщица,
Знак знойных дней и злой зимы изгнанница [196])
В котле обжоры ныне вьет гнездо свое.
Зачем вам дорог жемчуг, бисер Индии?
Иль чтоб жена в жемчужном ожерелии [197])
К чужому ложу шла распутной поступью?
К чему смарагд зеленый, дорогой хрусталь,
Иль Кархедона [198]) камни огнецветные?
Ужели честность светится в карбункулах?
Зачем жене, одетой в ветры тканые,
При всех быть голой в полотняном облачке? [199])

---

[194]) В тексте: „стены Марсовы“,—так называются римские стены потому, что построены сыном Марса, Ромулом.—Кому метонимия дороже аллитерации, может подставить более близкий перевод:

Рот роскоши (luxuriae rictu) разрушит стены Марсовы (Martis marcent moenia).

[195]) Нумидийские кусы — цесарки.

[196]) Ciconia pietaticultrix т.-е. аист. жрец (почитатель) Пиэты, богини Благочестия. На монетах М. Антония (11 г. до Р. Х.) Пиэта изображена с аистом (Ф), как Зевс с орлом.—Мы поставили „цапля“, чтобы сохранить нежный женственный образ милой гостьи (grata hospita) и „стройноногой танцовщины“ (gracilipes crotalistria); кому это не любо, может читать так (почти буквально):

И даже аист, милый чужестранный гость. Ciconia etiam, grata peregrina hospita.

Танцовщик стройногий, Благочестья жрец, Pietaticultrix gracilipes crotalistria.

Зимы изгнанник, провозвестник теплых дней. Avis exul hiemis, titulus tepidi temporis.

[197]) Букв.: Иль чтоб матрона шла в морском нагруднике (phaleris pelagiis).

[198]) Может быть, лучше так. „Иль огоньки камней, что Кархедон дает“ (ignes lapideos). Кархедон — настоящее, семитическое имя Карфагена. Плиний (N. h. XXXVII, 92, цит. Ф.): „Первенство принадлежит карбункулам, названным так из-за сходства с горящими угольями (букв. огоньками). Есть два сорта: индийские и гарамантийские, каковые называются также кархедонскими из-за богатства Великого Карфагена.

[199]) Д.-Г. цитирует из Сенеки (De Benef. VII, 19): „Вижу я шелковые одежды, если их можно назвать одеждами, в которых нет ничего, чем бы можно было прикрыть тело и (защитить) стыдливость: надев их, жен-

LVI. — А чье, по-вашему,—продолжал он,—самое трудное занятие, после литературы? По-моему, лекаря и менялы. Лекарь знает, что в нутре у людишек находится и когда будет приступ лихорадки. Я, впрочем, их терпеть не могу,— больно часто они мне анисовую воду прописывают. Меняла же сквозь серебро медь [200]) видит. А из тварей бессловесных трудолюбивее всех быки да овцы: быки, ибо по их милости мы хлеб жуем, овцы, потому что их шерсть делает нас франтами. И—о, недостойное злодейство! Иной носит тунику, а ест овцу. Пчел же я считаю животными просто божественными, ибо они плюются медом; хотя и говорят, что они его приносят от самого Юпитера; если же они иной раз и жалят—то ведь, где сладко, там и кисло [201]).

Трималхион собирался подвергнуть разбору еще и профессию философа, но в это время стали обносить жребии в кубке, а раб, приставленный к этому делу, выкликал выигрыши [202]).

— Свинское серебро! Тут принесли окорок, на котором стояли (серебряные) уксусницы.

— Подушка!—принесли петлю для удушения.

— Морской морж и колкие слова!—были даны морс и корж и кол со сливой.

— Порей и персики!—выигравший получил кнут (чтоб пороть) и нож (чтоб пересекать).

щина вряд ли чистосердечно может поклясться, что она не обнажена. Они приобретаются за огромные суммы у малоизвестных народов, чтобы наши матроны не показывали своим любовникам в опочивальне больше, чем они открывают прохожим на улице".—Варрон: „стеклянные одежды".

200) Плиний (Nat. hist. XXXIII, 132, цит. Ф.): „Триумвир Антоний примешивал к динариям (червонцам) железо, в фальшивую монету примешивают медь. Оттуда пошло искусство испытания червонцев".

201) Т.-е. „в бочке меда ложка дегтя".

202) Тут начинается ряд безвкуснейших каламбуров, основанных то на метафорических выражениях (мухоловка — мед), то на весьма примитивной аноминации (passer: uva passa). Мы подражаем этой пошлой игре слов, при чем охотнее изменяем смысл слов, стоящих на записке, чем тех, которые обозначают дар, ибо последние могут (что, впрочем, маловероятно) иметь значение реалий.

— Сухари и мухоловка!—изюм и аттический мед.

— Застольная и выходная одежда!—пирожок и дощечки (носимые с собой на улице).

— Собачье и ножное!—были даны заяц и сандалия.

— Мышление и сладкое послание!—мышь с (ленивым) сурком и пучок свеклы.

Долго мы хохотали. Было еще штук 600 в том же роде, но я их не запомнил.

LVII. Так как Аскилт, в необузданной веселости, хохоча до слез и размахивая руками, издевался надо всем, то соотпущенник Трималхиона, тот самый, что возлежал выше меня, обозлился и заговорил:

— Чего смеешься, овца? Не нравится, видно, тебе роскошь нашего хозяина? Видно, ты привык жить богаче и пировать слаще? Да поможет мне Тутела [203]) этого дома! Если бы я возлежал рядом с ним, уж я бы заткнул ему блеялку. Хорош фрукт—еще смеет издеваться над другими! Ах ты, кикимора, без домовник [204]), собственной мочи не стоящий! Одним словом, если я его кругом обо... [205]) он не будет знать, куда ему деваться. Право, меня не легко рассердить, но в мягком мясе черви заводятся. Смеется! Есть чему смеяться! Подумаешь, его отец не родил, а купил во чреве матери на вес серебра. Ты—римский всадник? Ну, так я—царский сын. (Ты, пожалуй, спросишь:)

„Почему же ты стал рабом?"—Потому что сам добровольно закрепостился, предпочитая со временем быть римским гражданином, чем вечным данником [206]). А теперь я так живу, что никто меня не засмеет. Человеком стал, как все люди. С открытой головой хожу. Никому медного асса

---

203) Тутела — „Покровительство" — одна из персонифицированных абстракций римской религии.

204) Larifuga (бежавший от собственных ларов, от домашнего очага)—бродяга. Nocturnus—м. б. в связи с nocturnae гл. LXIII („ведьмы", „оборотни")—кикимора. А, м. б., просто „жулик" (сл. 37).

205) Колдовской прием—сл. LXII, 211. Но почему этот прием должен быть применен к Аскилту? М. б. в связи с nocturnus (см. 204) (?).

206) Сл. 151.

не должен; под судом никогда не бывал. Никто мне на форуме не скажет: „Отдай, что должен!“ Землицы купил и деньжат накопил, двадцать ртов кормлю, не считая собаки. Сожительницу [207]) свою выкупил, чтобы никто у нее за пазухой рук не вытирал. За свой выкуп я тысячу динариев заплатил. Севиром меня даром сделали [208]). Коли помру, так в гробу, надеюсь, мне краснеть будет не от чего. Или ты человек столь занятой, что тебе некогда на себя оглянуться? На другом вошь видишь, на себе клопа не видишь? Одному тебе мы кажемся смешными. Вот твой учитель, почтенный человек! Ему мы нравимся. Ах ты, молокосос, ни „бе“ ни „ме“ ни в чем не смыслящий, ах ты сосуд скудельный, ах ты ремень моченый! [209]) „Мягче, но не лучше“! Ты богаче меня? Так завтракай дважды в день, дважды обедай! Мне доброе имя дороже клада. Одним словом, никому не пришлось мне три раза напомнить о долге. Сорок лет я был рабом, но никто не мог узнать, раб я или свободный. Длинноволосым мальчиком прибыл я сюда: тогда базилика еще не была построена. Однако я старался во всем угождать хозяину, человеку почтенному и уважаемому, чей ноготь стоил дороже, чем ты весь. Были в доме такие люди, что мне хотели то тут, то там ножку подставить. Но—спасибо гению моего господина! — я вышел сух из воды. Вот это настоящая награда за победу! А родиться свободным так же легко, как сказать: „Пойди сюда“. Ну, чего ты на меня уставился, как коза на горох? [210])

LVIII. После этой речи Гитон, стоявший в ногах его, разразился давно душившим его неприличным смехом; гнев

---

[207]) „Сожительницу“ (contubernalis): брак (connubium) существовал только для свободных.

[208]) (См. в. 76) Не только за севират, но и за занятие всякой выборной должности избранный платил вступительный взнос. Освобождение от этого взноса считалось за честь. От взноса освобождались или люди, которые сами были дороже денег, или такие, от которых ожидали благотворительности, во много раз превышавшей взнос.

[209]) Относительно этого выражения см. н. 464.

[210]) Т.-е. „как бык на новые ворота“ или „как баран в аптеку“.

противника Аскилта, заметившего это, обрушился теперь на мальчика:

— И ты тоже гогочешь, волосатая луковица? Подумаешь, сатурналии! Что у нас декабрь месяц сейчас, я тебя спрашиваю? Когда ты двадесятину заплатил [211])? Что ты делаешь, висельник, вороний корм! Разрази гнев Юпитера и тебя, и того, кто не умеет тебя унять! Пусть я хлебом сыт не буду, если я не сдерживаюсь только ради моего соотпущенника (Трималхиона), а то бы я тебе сейчас всыпал. Всем нам здесь хорошо, кроме пустомель, что тебя приструнить не могут. Поистине, каков хозяин, таков и слуга. Я едва сдерживаюсь, потому я человек вспыльчивый и, как разойдусь — матери родной в грош не поставлю. Ну, все равно, я тебя еще повстречаю, мышь, сморчек этакий! Пусть я не расту ни взад, ни вперед [212]), если я не сверну твоего господина в рутовый листик! И тебе, ей-ей, пощады не будет! Зови хоть самого Юпитера Олимпийского! Уж я позабочусь об этом. Не помогут тебе ни кудряшки твои грошовые, ни господин двухкопеечный. Попадись только мне на зубок. Или я себя не знаю, или ты потеряешь охоту насмехаться, хоть будь у тебя золотая борода [213]). Уж я постараюсь, чтобы Афина поразила и тебя, и того, кто сделал тебя таким нахалом [214]).

Я не учился ни геометрии, ни критике, вообще никакой чепухе, но умею читать надписи [215]) и вычислять проценты в деньгах и в весе. Словом, устроим-ка примерное состязание: Выходи! Ставлю заклад! Увидишь, что твой отец даром тратился, хотя бы ты и риторику даже превзошел. Ну-ка! кто кого? „Далеко иду, широко иду. Угадай, кто я“. И еще скажу: „Кто

---

[211]) Двадцатая часть выкупных денег, которую отпускаемый на волю раб вносит в казну. Гермерот принимает Гитона за раба Аскилта. Сл. 242.

[212]) Т.-е. „чтоб мне ни дна, ни покрышки“.

[213]) С золотой бородой изображался Юпитер.

[214]) Текст испорчен (непонятное слово: deurode). Затем, по справедливому мнению Ф., пропуск. Дальнейшие слова опять обращены к Аскилту.

[215]) „Знаю буквы на камнях“, как у нас: „умею читать по-печатному“.

бежит, а с места не двигается? Кто растет и все мень вится? „Кто? Не знаешь? Суетишься? мечешься, слов в ночном горшке? Поэтому или молчи, или не смей над почтенными людьми, которые тебя и за человека-то не считают [216]). Или, думаешь, я очень смотрю на твои желтые колечки, которые ты у подружки стащил? Да поможет мне Оккупон [217])! Пойдем на форум и начнем деньги занимать. Увидишь, как велико доверие к моему железному кольцу. Да, хорош ты, лисица намокшая! Пусть у меня не будет барыша и пусть я не умру так, чтобы люди клялись моей кончиной, если я не буду преследовать тебя до последней крайности [218]). Хороша штучка и тот, кто тебя учил! Обезьяна, а не учитель! Мы (другому) учились. Наш учитель говорил бывало: „Все у вас в порядке? Марш по домам; да смотрите, по сторонам не глазейте! Смотрите, старших не осуждайте“. А теперь — чепуха одна! Никто гроша не стоит! Я, каким ты меня видишь, всегда буду богов благодарить за свою науку.

LIX. (Только что) Аскилт собрался возразить на эти нападки, как Трималхион, восхищенный красноречием своего соотпущенника, сказал:

— Бросьте вы ссориться; лучше по хорошему; а ты, Гермерот, извини юношу: у него молодая кровь кипит. Ты же должен быть благоразумнее. В таких делах побеждает уступивший. Ведь и ты (небось), когда был молоденьким петушком — ко-ко-ко! — не мог удержать сердца. Лучше будет, если мы все снова развеселимся, да гомеристами позабавимся [219]).

В это время, звонко ударяя копьями о щиты, вошла одна партия. Трималхион взгромоздился на подушки и, пока гоме-

---

[216]) Букв.: „которые не знают, родился ли ты на свет“.

[217]) От occupo—захватывать. Да поможет мне св. Захват. Обычная в римской религии персонификация абстракций.

[218]) Букв.: Пусть я имею такие барыши и так достойно умру, чтобы люди клялись моей кончиной (т.-е. говорили: „Чтоб мне умереть смертью Гермерота“), как я буду тебя преследовать с вывороченной тогой (во время уголовного процесса обвинитель выворачивал тогу).

[219]) Гомеристы—актеры, представляющие сцены из Илиады и Одиссеи.

ристы по своему наглому обыкновению, греческие
стихи пев читал латинский текст.

— что они изображают? — спросил он, когда
насту

— два брата — Диомед и Ганимед — с сестрою
Еленой похитил ее и принес в жертву Диане лань [221]).
Так г мер о войне троянцев с парентийцами [222]).
Как и гамемнон победил, и дочку свою Ифигению
выдал от этого Аякс помешался, как вам сейчас
покаж

Тр чил, а гомеристы вдруг завопили во все
горло на серебряном блюде, весом в 200 фунтов,
был й теленок со шлемом на голове. За ним следовал руя обнаженным мечом, и, изображая сумасшедшего, зыку разрубил на части теленка и разнес куски изумленным гостям.

LX. Мы не успели налюбоваться на эту изящную затею, как вдруг потолок затрещал с таким грохотом, что затряслись стены триклиния. Я вскочил, испугавшись, что вот-вот с потолка свалится какой-нибудь фокусник; остальные гости, не менее удивленные, подняли головы, ожидая, что нового возвестят нам небеса. Потолок разверзся, и огромный обруч, должно быть содранный с большой бочки, по кругу которого висели золотые венки и баночки с мастями, начал медленно опускаться из отверстия. После того как нас просили принять это в дар, мы взглянули на стол.

Там уже очутилось блюдо с пирожным; посреди его находился Приап из теста, держащий, по обычаю, корзину с яблоками,

---

[220]) „Наглое обыкновение“. Вероятно, они искажали Гомера.

[221]) На самом деле: Диомед, сын Тидея, один из греческих героев Троянской войны; Ганимед, сын царя Троя, похищенный Зевсом отрок. Агамемнон принес в жертву Диане свою дочь Ифигению, которую богиня подменила ланью. Сл. 74.

[222]) Парентий — город в Истрии (Ф). Почему Трималхиону вздумалось приплести парентийцев к своему вздору—неизвестно.

виноградом и другими плодами. Жадно накинулись мы на плоды, но уже новая забава усилила веселие. Ибо из всех плодов, из всех пирожных при малейшем нажиме забили фонтаны шафрана, противные струи которого попадали нам прямо в рот. Полагая, что блюдо, окропленное соком этого употребляющегося лишь при религиозных церемониях растения, должно быть священным, мы встали и громко воскликнули:

— Да здравствует божественный Август, отец отечества!

Когда же и после этой здравицы многие стали хватать плоды, то и мы набрали их полные салфетки. Особенно (старался) я, потому что никакой дар не казался мне достаточным, чтобы наполнить пазуху Гитона.

В это время вошли три мальчика в белых подпоясанных туниках; двое поставили на стол Ларов [223]) с шариками на шее; третий же с кубком вина обошел весь стол, восклицая:

— Да будет над вами милость богов!

(Тrималхион) сказал, что их зовут Добычником, Счастливчиком и Наживщиком [224]). В это же время из рук в руки передавали портрет Тримальхиона, очень похожий; все его целовали, и мы не посмели отказаться.

LXI. После взаимных пожеланий доброго здоровья и хорошего расположения, Трималхион посмотрел на Никерота и сказал:

— Ты обыкновенно бывал в более веселом настроении на пиру; не знаю, почему ты сегодня сидишь и не пикнешь? Прошу тебя, сделай мне удовольствие, расскажи, что с тобой приключилось?

— Пусть минует меня всякая удача, — отвечал тронутый любезностью друга Никерот, — если я не ежеминутно радуюсь, видя тебя в добром расположении. Поэтому пусть будет весело,

[223]) Обычно ларов—два. (См. в. 73). Здесь третья фигура, вероятно, изображает гения Трималхиона. (Ф).

[224]) Эти имена Трималхион дал им для того, чтобы обозначить характер своего благополучия. сл. 248.

хоть я и побаиваюсь этих ученых мужей: еще засмеют. Впрочем, все равно — расскажу; пусть хохочут: меня от смеха не убудет. Да к тому же лучше заставить смеяться, чем быть высмеянным.

„Эти изрекши слова“ [225]), он рассказал следующее:

— Когда я был еще рабом, жили мы в узком, маленьком переулочке. Теперь это дом Гавиллы: там, по попущению богов, влюбился я в жену трактирщика Терентия; вы, наверное, знаете ее. Мелисса Тарентинка! Прелестнейшая пышка! Но я, ей богу, любил ее не из похоти, не для забавы — а за ее чудные качества. Чего бы я у ней ни попросил — отказу нет. Заработает асс — половину мне. Я отдавал ей все на сохранение и ни разу не был обманут. Ее сожитель преставился в деревне. Потому я и так и сяк, и думал и гадал [226]), как бы попасть к ней. Ибо в нужде познаешь друга.

LXII. На мое счастье, хозяин по каким-то делам уехал в Капую. Воспользовавшись случаем, я уговорил нашего жильца проводить меня до пятого столба. Это был солдат, сильный как Орк [227]). Двинулись мы после первых петухов,—луна во всю сияет, светло, как днем. Дошли до кладбища. Приятель мой остановился у памятников [228]); а я похаживаю, напевая, и считаю могилы. Потом посмотрел на спутника; а он разделся и платье свое у дороги положил. У меня душа в пятки [229]): стою—ни жив, ни мертв. А он обмочился вокруг одежды [230]) и вдруг обернулся волком. Не думайте, что я шучу; ничьего богатства

[225]) Цитата из Луцилия. I, 165 (Ф):

„Эти изрекши слова, он речь на устах обрывает“.

или из Энеиды, II, 790:

„Эти изрекши слова, в слезах меня он покинул...“.

[226]) Букв.: „сквозь щит, сквозь поножи“, т.-е. всеми средствами.

[227]) Т.-е. „как смерть“.

[228]) По Бюх. и Ф.—Текст попорчен.

[229]) Букв.: „душа в нос (ушла)“.

[230]) См. 205. Сл. сказки об оборотнях (девах-лебедях и т. п.); если похитить у них одежду, то ими можно овладеть. Поэтому солдат-вурдалак заколдовывает платье.

не возьму, чтобы соврать. Итак, на чем я остановился? Да, превратился он в волка, завыл и ударился в лес!

Я спервоначала забыл, где я. Затем подошел, чтобы поднять его одежду—ан, она окаменела. Если кто перепугался до смерти, так это я. Однако вытащил я меч и всю дорогу рубил тени [231]), вплоть до самого дома моей милой. Вошел я белее привидения. Едва духа не испустил; пот с меня в три ручья льет, глаза закатились; еле в себя пришел... Мелисса моя удивилась, почему я так поздно.

„Приди ты раньше, — сказала она, — ты бы нам пособил; огромный волк ворвался в усадьбу и весь скот передушил: словно мясник, кровь им выпустил. Но хотя он и удрал, однако и ему не поздоровилось: один из рабов копьем шею ему пробил".

Когда я это услыхал, то вытаращил глаза шире чего невозможно и при первом свете побежал быстрее ограбленного трактирщика в дом нашего Гайя. Когда поравнялся с местом, где лежала окаменевшая одежда, вижу: кровь и больше ничего.. Пришел я домой. Лежит мой солдат в постели, как бык, а врач лечит ему шею. Я понял, что он оборотень и с тех пор куска хлеба съесть с ним не мог; хоть убейте меня. Всякий волен думать о моем рассказе, что хочет, но да прогневаются на меня ваши гении, если я вру.

LXIII. Все молчали, пораженные.

— Прости меня, но у меня, честное слово, волосы дыбом встали, — заговорил наконец Трималхион; — я знаю, Никерот попусту болтать не станет. Человек он верный и менее всего болтун. Да и я могу рассказать вам престрашную историю, (невероятную), как осел на крыше [232]). Был я тогда эфебом, - ибо уж с детских лет жил в свое удовольствие. И вот умирает любимчик нашего хозяина, мальчик прелестный по всем статьям, сущая жемчужина, ей богу. В то время, как мать-

---

[231]) Ф.: „привидения". Вернее, однако, Никерот просто боялся теней.
[232]) Намек на какую-то известную сказку. Параллели—см. Ф. 319.

бедняжка оплакивала его, —а все мы сидели вокруг тела в глубокой печали, — вдруг закричали ведьмы, словно собаки зайца рвут. Был среди нас каппадокиец, мужчина основательный, силач и храбрец, который мог бы разъяренного быка поднять. Он, вынув меч и обмотав руку плащом, смело выбежал за двери и пронзил насквозь женщину приблизительно в этом месте,—да будет здорово, где я трогаю [233]). Мы слышали стоны, но—врать не хочу — ее самой не видали.

Наш простофиля, вернувшись, бросился на кровать, и все тело у него было покрыто подтеками, словно его ремнями били— так отделала его нечистая сила. Мы, заперев двери, ринулись к нашей печальной обязанности, но, когда мать обняла тело сына, она нашла только соломенное чучело: ни внутренностей, ни сердца — ничего! Конечно, ведьмы утащили тело мальчика и взамен подсунули соломенного фофана. Уверяю вас, надо верить в ведьм, в ночных женщин, которые все вверх дном ставят. А долговязый навсегда после этого потерял краску в лице и через несколько дней умер в безумии.

LXIV. Пораженные и вполне веря рассказу, мы поцеловали стол, заклиная Ночных сидеть дома, когда мы будем возвращаться с пира.

Тут у меня светильники в глазах стали двоиться, а триклиний кругом пошел. Но в это время Трималхион сказал:

— А ты, — тебе говорю, Плокам, — почему ничего не расскажешь? Почему нас не позабавишь? Ты обыкновенно так весел за столом, и диалоги прекрасно представляешь, и песни поёшь. Увы! увы! прошло то время золотое.

— Ох, — ответил тот, — прибегались мои колесницы [234]), с тех пор как у меня подагра; а в былые дни, когда молод был, я от пения чуть в сухотку не впал. Кто лучше меня

---

[233]) Т.-е „чур меня". Трималхион заговаривает то место, на которое указывает, дабы дурным словом не навлечь на указанную часть тела такой же раны, о какой идет речь.
[234]) Т.-е. „укатали сивку крутые горки".

танцовал? Кто диалоги и цырюльню [235]) представлять умел? Разве Апеллес [236]) - и никто больше!

Засунув пальцы в рот, он засвистал что-то отвратительное, уверяя всех, что это греческая штука; Трималхион же, в свою очередь, изобразив флейтиста, обернулся к своему любимцу, по имени Крэзу. Этот мальчишка, с гноящимися глазами и грязнейшими зубами, между тем повязал зеленой лентой брюхо черной суки, до неприличия толстой, и, положив на ложе половину каравая, пичкал ее, хотя она и давилась. При виде этого, Трималхион вспомнил о Скилаке „защитнике дома и семьи" и приказал его привести.

Тотчас же привели огромного пса, на цепи; привратник пихнул его ногой, чтобы он лег, и собака расположилась перед столом.

— Никто меня в доме больше, чем он, не любит, — сказал Трималхион, размахивая куском белого хлеба.

Мальчишка, рассердившись, что так сильно похвалили Скилака, спустил на землю свою суку и принялся науськивать ее на пса. Скилак, по собачьему своему обычаю, наполнил триклиний ужасающим лаем и едва не разорвал в клочки Жемчужину Креза. Но переполох не ограничился собачьей грызней: (возясь), они опрокинули канделябр, который, упав на стол, все хрустальные сосуды расколотил и гостей кипящим маслом обрызгал. Трималхион, дабы не казалось, что его огорчила эта потеря, поцеловал мальчика и приказал ему взобраться к себе на плечи. Тот не раздумывал долго, живо оседлал хозяина и принялся ударять его по плечам, приговаривая сквозь смех:

— Щечка, щечка, сколько нас [237])?

[235]) Вероятно, или имитировать цырюльника, или единолично изображать его и разного рода лиц, приходящих в парикмахерскую, заменявшую в древности клуб.

[236]) Апеллес Аскалонский — трагед и певец времени К. Калигулы (37—41 г. по Р. Х.). Это место можно, на ряду с 260, считать самой важной хронологической индицией. (Ф).

[237]) Детская игра, при которой одному завязывали глаза и ударяли по щекам, а он должен был угадать, сколькими пальцами его бьют или сколько бьющих (один или два). (Ф). Также и Малхион (Марц. III, 82, 19) возлежит „средь собаченок, печень гуся лижущих".

...Некоторое время Трималхион терпеливо сносил это издевательство [238]). Потом приказал налить вина в большую чашу и дать выпить сидевшим в ногах рабам, прибавив при этом:

— Ежели кто пить не станет, вылей ему на голову. Делу время, но и потехе час [239]).

LXV. За этим проявлением человеколюбия последовали такие лакомства, что — верьте, не верьте — мне и теперь, при воспоминании, дурно делается. Ибо вместо дроздов нас обносили жирной пулярдой и гусиными яйцами в гарнире, при чем Трималхион важным тоном просил нас есть, говоря, что из кур вынуты все кости.

Вдруг в двери триклиния постучал ликтор, и вошел в белой одежде, в сопровождении большой свиты, новый сотрапезник. Пораженный его величием, я вообразил, что пришел претор, и потому хотел было вскочить с ложа и спустить на землю босые ноги. Но Агамемнон посмеялся над моей почтительностью и сказал:

— Сиди, глупый ты человек. Это Габинна, севир и в то же время каменщик. Говорят, превосходно делает надгробные памятники.

Успокоенный этим объяснением, я снова возлег и с большим интересом стал рассматривать вошедшего Габинну. Он же, изрядно выпивший, опирался на плечи своей жены: на голове его красовалось несколько венков; духи с них потоками струились по лбу и попадали ему в глаза; он разлегся на преторском месте [81]) и немедленно потребовал себе вина и теплой воды. Заразившись его веселым настроением, Трималхион спросил и себе кубок побольше и осведомился, как принимали Габинну (в доме, откуда он только явился).

— Все у нас было, кроме тебя, — отвечал тот. — Душа моя была с вами [240]); а в общем было прекрасно. Сцисса правила

[238]) Фраза передана фрагментарно и переведена приблизительно.
[239]) Букв.: Среди дня — серьезные (дела), теперь — веселье.
[240]) Бук.: Глаза мои были здесь.

девятидневную тризну по бедном своем рабе, которого она при смерти на волю отпустила [241]); думаю, что у Сциссы будет большая возня с собирателями двадесятины [242]). Потому что покойника оценивали в 50.000.—Все, однако, было очень мило, хотя и пришлось половину вина вылить на его останки [243]).

LXVI. И что же подавали? — спросил Трималхион.

— Скажу все, что смогу,—ответил Габинна,—память у меня такая хорошая, что я собственное имя частенько забываю. На первое была свинья, увенчанная колбасами, а кругом чудесно изготовленные потроха и сладкое пюре [244]) и, разумеется, домашний хлеб-самопек, который я предпочитаю белому; он и силы придает, и при действии желудка я на него не жалуюсь. Затем подавали холодный пирог и превосходное испанское вино, смешанное с горячим медом. Поэтому я и пирога съел немалую толику, и меда до жадной души выпил. Приправой ей служили: горох, волчьи бобы, орехов, сколько угодно, и по одному яблоку на гостя; мне, однако, удалось стащить парочку — вот они в салфетке; потому, если я не принесу гостинца моему любимчику, мне здорово попадет. Ах, да, госпожа моя [245]) мне напоминает (что я еще кое-что позабыл). Под конец подали медвежатину, которой Сцинтилла неосторожно попробовала и чуть не изрыгнула всех своих внутренностей. Я же, напротив, целый фунт съел, потому что на кабана очень похоже.

Ведь, говорю я, медведь пожирает людишек; тем паче следует людишкам пожирать медведя. Затем были еще: мягкий сыр, морс, по улитке на брата и печенка в терринках, и яйца

[241]) Делалось это в утешение, чтобы он умер свободным.

[242]) См. 212. Собирание 5-проц. сбора с цены отпущенного на волю раба сдавалось на откуп так же, как и мыть.

[243]). Речь идет о тризне, справлявшейся по окончании девятидневного траура. Тогда же приносилась „девятидневная жертва". Вино лилось на могилу. (Сл. Вирг. Эн. V, 98). Раб был погребен, а не сожжен.

[244]) Из сыра, муки, яиц и меда.

[245]) Довольно обычно обращение к жене—domina. (Фридл. S. g. I, 448). Вероятно, жена подтолкнула его при упоминании о мальчике, а он, чтобы еще подразнить ее, воскрешает неприятное ей воспоминание о медвежатине.

в гарнире, и рубленые кишки, и репа, и горчица, и винегрет. Ах, да! [246]) Потом еще обносили тмином в лохани; некоторые бесстыдно взяли по три пригоршни.

LXVII. Однако, Гай, скажи, пожалуйста, почему Фортуната не за столом?

— Почему? — ответил Трималхион. — Разве ты ее не знаешь? Пока всего серебра не пересчитает, пока не раздаст остатков рабам — воды в рот не возьмет.

— Ну-с, — сказал Габинна, — если она не возляжет — (до свидания), я исчезаю!—И он попробовал подняться с ложа; но, по знаку Трималхиона, вся челядь четверократно позвала Фортунату.

Она явилась в платье, подпоясанном желтым кушаком так, что снизу была видна туника вишневого цвета, витые запястья и золоченые туфли. Вытерев руки висевшим у нее на шее платком, она устроилась на том же ложе, где возлежала жена Габинны, Сцинтилла, рукоплескавшая (ее туалету), и, поцеловав ее, воскликнула:

— Тебя ли я вижу?...

Дело скоро дошло до того, что Фортуната сняла со своих жирных рук браслеты и принялась хвастаться ими перед восхищенной Сцинтиллой. Наконец, она и ножные запястья сняла, и головную сетку также, про которую уверяла, будто она из червонного золота. Тут Трималхион это заметил и приказал принести все ее драгоценности.

— Посмотрите, — сказал он, — на женские цепи! Вот как нас, дураков, разоряют. Ведь (этакая штука) фунтов шесть с половиной весит; положим, у меня у самого есть запястье, весящее десять [247]).

Чтобы не думали, что он врет, он приказал доставить весы и обнести вокруг стола для проверки веса.

[246]) В тексте: Pax Palamedes—неопределимое восклицание.

[247]) В тексте „сделанное из тысячных долей Меркурия". Ни одно объяснение не выдерживает критики. Место, вероятно, попорчено или скрывает непонятный намек.

Сцинтилла оказалась не лучше: она сняла с шеи золотую ладанку, которую она называла Счастьем [248]); затем вытащила из ушей серьги и, в свою очередь, показала Фортунате.

— Благодаря доброте моего господина,—говорила она,—ни у кого лучших нет.

— Постой, — сказал Габинна, — а сколько ты меня терзала, чтобы я купил тебе эти стеклянные балаболки? Если бы у меня была ладочка, я бы ей уши отрезал. Не будь женщин, все было бы дешевле грязи. А теперь—„мочись теплым, а пей холодное" [249]).

Между тем женщины чему-то тихонько хихикали, обмениваясь пьяными поцелуями: одна хвасталась хозяйственностью и домовитостью, а другая жаловалась на проказы и беспечность мужа. Но пока они обнимались, тайком подкравшийся Габинна вдруг обхватил ноги Фортунаты и поднял их на ложе.

— Ай, ай! — завизжала она, видя, что туника ее задралась выше колен.

И, бросившись в объятия Сцинтиллы, она закрыла платочком лицо, разгоревшееся от стыда.

LXVIII. Когда спокойствие восстановилось, Тримальхион приказал вторично накрыть на стол. Мгновенно рабы сняли все столы и принесли новые, а пол посыпали окрашеными шафраном и киноварью, опилками и — чего я раньше нигде не видывал — толченой слюдой.

— Ну, — сказал Тримальхион, — думаю, что теперь угожу вам угощением, потому что вторую трапезу для вас подают. Итак, если есть там что хорошенькое — тащи сюда.

Между тем, александрийский мальчик, заведывающий горячей водой, защелкал, подражая соловью...

— Переменить! — закричал Тримальхион, и вмиг появилась другая забава. Раб, сидевший в ногах Габинны, думаю, по приказанию своего хозяина, вдруг заголосил нараспев:

---

248) Или „Счастливчиком" (Felicionem), как 234.
249) Т.-е. „трать много, а не получай ничего".

„Флот Энея меж тем уж вышел в открытое море..." [250])

Никогда еще более режущий звук не раздирал моих ушей, потому что, помимо варварских ошибок и то громкого, то придушенного крика, он еще примешивал к стихам фразы из ателлан [191]); тут впервые сам Виргилий мне показался противным.

Тем не менее, когда он, наконец, замолчал, Габинна захлопал и сказал:

— А ведь нигде не учился! Я его посылал на выучку к базарным разносчикам; как примется представлять погонщиков мулов или разносчиков—нет ему равного. Вообще он отчаянно способный малый; он и пекарь, он и сапожник, он и повар—слуга всех муз. Не будь у него двух пороков — был бы просто совершенством: он — обрезан и во сне храпит. Что косой — наплевать: глядит, как Венера [251]). Поэтому он ни о чем не может умолчать. Редко когда глаза смыкает Я заплатил за него триста динариев.

LXIX. — О, — вмешалась в разговор Сцинтилла, — ты не все еще художества негодного раба пересчитал. Блудник он; я буду не я, если его не заклеймят.

— Узнаю каппадокийца, — со смехом сказал Тримальхион, — никогда ни в чем себе не откажет, и, клянусь богами, я его за это хвалю, ибо этого в могилу не унесешь. Ты же, Сцинтилла, ревность оставь. Поверь мне, мы вас (женщин) тоже (достаточно) знаем. Помереть мне на этом месте, если я в свое время не игрывал со своей хозяйкой, да так, что хозяин заподозрил меня и отправил в деревню. Но... „молчи, язык! хлеба дам" [252]).

Приняв эти слова за поощрение, негодный раб вытащил из-за пазухи глиняный светильник и с полчаса дудел, изображая флейтиста; Габинна вторил ему, играя на губах. В конце концов раб вылез на середину и принялся кривляться еще пуще; то, вооружившись выдолбленными тростинками, передразнивал музыкантов,

---

250) Начало V песни Энеиды.
251) Афродита изображалась косой.
252) Т.-е. „молчание — золото" или „ешь пирог с грибами и держи язык за зубами".

то, завернувшись в лацерну [253], с бичом в руке изображал сцены из быта погонщиков мулов [94]; наконец Габинна подозвал его к себе, поцеловал и, протянув ему кубок, присовокупил:

— Все лучше и лучше, Масса. Подарю я тебе башмаки.

Никогда бы, кажется, не кончилось это мучение, если бы не подали новой еды — дроздов-пшеничников, начиненных орехами и изюмом. За ними последовали сидонские яблоки, утыканные иглами, наподобие ежей. Все это было еще переносимо. Но вот притащили блюдо столь чудовищное, что, казалось, лучше с голоду помереть, (чем к нему прикоснуться). По виду — это был жирный гусь, окруженный всевозможной рыбой и птицей.

— Все, что вы здесь видите, — сказал Трималхион, — из одного теста сделано.

Я, догадливейший из людей, сразу сообразил, в чем дело:

— Буду очень удивлен, — сказал я, наклонившись к Агамемнону, — если все это не сработано из навоза или глины. В Риме, на сатурналиях, мне случалось видеть такие подобия кушаний.

LXX. Не успел я вымолвить этих слов, как Трималхион сказал:

— Пусть я разбухну, а не разбогатею, если мой повар не сделал всего этого из свинины. Дорогого стоит этот человек. Захоти только, и он тебе из свиной матки смастерит рыбу, из сала — голубя, из окорока — горленку, из бедер — цыпленка; и к тому же, по моему измышлению, имя ему наречено превосходное; он зовется Дедалом [254]. Чтобы вознаградить его за хорошее поведение, я ему выписал из Рима подарок — ножи из норийского [255] железа.

Сейчас же он велел принести эти ножи и долго ими любовался; потом и нам позволил испробовать их остроту, прикладывая лезвие к щекам.

Вдруг вбежали два раба, имевшие такой вид, точно они поссорились у водоема; по крайней мере, оба несли на плечах

---

[253]) Плащ, надеваемый поверх тоги.

[254]) Мифический кузнец, скульптор и зодчий, выстроивший Лабиринт и изобретший крылья.

[255]) Noricum — страна между Дунаем и Альпами, известная своими рудниками.

амфоры. Тщетно пытался Трималхион рассудить их. они продолжали ссориться и совсем не желали подчиниться его решению; наконец, один другому одновременно разбил палкой амфору. Пораженные невежеством этих пьяниц, мы внимательно следили за дракой и увидали, что из осколков амфор вывалились устрицы и ракушки, которые один из рабов подобрал, разложил на блюде и стал обносить всех. Искусный повар еще увеличил это великолепие: он принес на серебряной сковородке жареных улиток, напевая при этом дребезжащим и весьма отвратительным голосом.

Затем началось такое, что просто стыдно рассказывать: по какому-то неслыханному обычаю, кудрявые мальчики принесли духи в серебряных флаконах и натерли ими ноги возлежащих, предварительно опутав голени, от колена до самой пятки, цветочными гирляндами. Остатки же этих духов были вылиты в сосуды с вином и в светильники. Уже Фортуната стала приплясывать, уже Сцинтилла чаще рукоплескала, чем говорила, когда Трималхион закричал:

— Филаргир и Карион, хоть ты и завзятый зеленый [256], позволяю вам возлечь, и сожительнице своей Менофиле скажи, чтоб она тоже возлегла.

Чего еще больше? Челядь переполнила триклиний, так что нас едва не сбросили с ложа. Я узнал повара, который из свиньи умел делать гуся. Он возлег выше меня, и от него несло подливкой и приправами. Не довольствуясь тем, что его за стол посадили, он принялся передразнивать трагика Эфеса и все время подзадоривал своего господина биться об заклад, что зеленые на ближайших играх удержат за собой пальму первенства.

LXXI. Друзья, — сказал восхищенный этим безобразием Трималхион, — и рабы — люди: одним с нами молоком вскормлены и не виноваты они, что участь их горькая. Однако, по моей милости, скоро все напьются вольной воды. Я их всех в

---

[256]) Т.-е. принадлежащий к партии „зеленых“ в цирке. Сам Трималхион, стало быть, стоял за „синих“. Нерон был „зеленый“. (Ф).

завещании своем на свободу отпускаю. Филаргиру, кроме того, завещаю его сожительницу и поместьице. Кариону — домик, и двадесятину [211]), и кровать с постелью. Фортунату же делаю главной наследницей и поручаю ее всем друзьям моим. Все это я сейчас объявляю затем, чтобы челядь меня теперь любила так же, как будет любить, когда я умру.

Все принялись благодарить хозяина за его благодеяния; он же, оставив шутки, велел принести экземпляр завещания и, посреди всеобщего вопля сожаления, прочел его от начала до конца. Потом, переводя взгляд на Габинну, проговорил:

— Что скажешь, друг сердечный? Ведь ты воздвигнешь надо мной памятник, как я тебе заказал? Я очень прошу тебя: изобрази у ног моей статуи собачку мою, венки, сосуды с ароматами и все бои Петраита [180]), чтобы я, по милости твоей, еще и после смерти пожил. Вообще же памятник будет по прямому фасаду—сто футов, а по боковому—двести. Я хочу, чтобы вокруг праха моего были всякого рода плодовые деревья, а также обширный виноградник. Ибо большая ошибка украшать дома при жизни, а о тех домах, где нам дольше жить, не заботиться. А поэтому, прежде всего, желаю, чтобы в завещании было помечено:

Этот монумент наследованию не подлежит. Впрочем, это уже мое дело предусмотреть в завещании, чтобы я после своей смерти не претерпел обиды. Поставлю кого-нибудь из вольноотпущенников моих стражем у гробницы, чтобы к моему памятнику народ не ходил за нуждой. Прошу тебя также вырезать на фронтоне мавзолея корабли, на всех парусах бегущие, а я будто в тоге-претексте [257]) на трибуне восседаю, с пятью золотыми кольцами на руках, и из кошелька рассыпаю в народ деньги. Ибо, как тебе известно, я устраивал общественную трапезу и раздавал по два динария на человека. Хорошо бы, если ты находишь возможным, изобразить и самую трапезу,

[257]) Тога с красной оборкой, которую носили сенаторы и важные магистраты, а севиры августалов только при исполнении обязанностей.

и все гражданство, как оно ест и пьет в свое удовольствие. По правую руку помести статую моей Фортунаты с голубкой в руке, и пусть она на цепочке собачку держит. Мальчишечку моего также, а главное—побольше винных амфор, хорошо запечатанных, чтобы вино не вытекало. Конечно, изобрази и урну разбитую, и отрока, над ней рыдающего. В середине—часы, так чтобы каждый, кто пожелает узнать, который час, волей-неволей прочел мое имя. Что касается надписи, то вот прослушай внимательно и скажи, достаточно ли она хороша, по твоему мнению:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ
Г. ПОМПЕЙ ТРИМАЛХИОН МЕЦЕНАТИАН [258]).
ЕМУ ЗАОЧНО БЫЛ ПРИСУЖДЕН ПОЧЕТНЫЙ СЕВИРАТ.
ОН МОГ БЫ УКРАСИТЬ СОБОЙ ЛЮБУЮ ДЕКУРИЮ РИМА [259]),
НО НЕ ПОЖЕЛАЛ.
БЛАГОЧЕСТИВЫЙ, МУДРЫЙ, ВЕРНЫЙ, ОН ВЫШЕЛ ИЗ МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ, ОСТАВИЛ ТРИДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ СЕСТЕРЦИЙ И НИКОГДА НЕ СЛУШАЛ НИ ОДНОГО ФИЛОСОФА.
БУДЬ ЗДРАВ.
И ТЫ ТАКЖЕ.

LXXII. Окончив чтение, Трималхион заплакал в три ручья: плакала Фортуната, плакал Габинна, а затем и вся челядь наполнила триклиний рыданиями, словно ее уже позвали на похороны (возлюбленного господина). Наконец, даже и я готов был расплакаться, как вдруг Трималхион сказал:

— Итак, если мы знаем, что обречены на смерть, почему же нам (сейчас) не наслаждаться жизнью? Будьте же все здоровы и веселы! Пойдемте в баню: на мой риск! Не раскаетесь! Нагрелась она, словно печка.

[258]) Т.-е. отпущенник Помпея, в свое время доставшийся ему от Мецената. (Ф).

[259]) Речь идет о декуриях служителей магистратов, т.-е. о сословии мелких чиновников. (Ф).

— Правильно!—закричал Габинна.—Если я что люблю, так это из одного дня два устраивать. Он соскочил с ложа босой и последовал за развеселившимся Трималхионом.

— Что делать?—обратился я к Аскилту.—Я умру от одного вида бани.

— Соглашайся,—ответил он,—и, когда они направятся в баню, мы в суматохе убежим.

На этом мы сговорились и, проведенные под портиком Гитоном, мы достигли выхода: там залаяла на нас цепная собака так страшно, что Аскилт свалился в водоем. Я был порядочно выпивши, да к тому же я давеча и нарисованной собаки испугался; поэтому, помогая утопающему, я сам низвергся в ту же пучину. Спас нас дворецкий, который и пса унял, и нас, дрожащих, вытащил на сушу. Гитон же еще раньше ловким приемом сумел спастись от собаки: все, что получил он от нас на пиру, он бросил горлану, и тот, увлеченный едой, успокоился. Когда мы, дрожа от холода, попросили домоправителя вывести нас за ворота, он ответил:

— Ошибаетесь, думая, что можете уйти так же, как и пришли. Никого из гостей не выпускают чрез те же самые двери. В одни приходят, в другие—уходят.

LXXIII. Что делать? Несчастные, мы были заключены в этот новый лабиринт, так что даже баня стала для нас желанной. Поневоле попросили мы, чтобы нас провели туда: сняв одежды, которые Гитон развесил у входа сушиться, мы вошли в баню, относительно узкую и похожую на цистерну для холодной воды, где стоял Трималхион, вытянувшись во весь рост. И здесь не удалось избежать его отвратительного бахвальства: он говорил, что ничего нет лучше, как купаться вдали от толпы, и что здесь раньше была пекарня. Наконец, устав, он уселся и, заинтересовавшись эхом бани, поднял к потолку свою пьяную рожу и стал насиловать песни Менекрата [260]), как говорили те, кто еще

[260]) Свет. „Нерон" с. 30 (Ф): „Цитаристу Менекрату и мирмилону Спикулу он (Нерон) подарил имения и дома прежних триумфаторов" (пер. Алексеева). Итак, Менекрат был особенно известен между 54 и 68 гг. по Р. Х.

понимал его язык. Некоторые из гостей, взявшись за руки, с громким пением водили хороводы вокруг ванны. Другие, со связанными за спиной руками, пытались поднять с пола кольца; третьи — став на колени, загибали назад голову, пытаясь ею достать пальцы на ногах. Покуда другие так забавлялись, мы вошли в приготовленную для Трималхиона ванну. Когда все несколько вытрезвились, нас проводили в другой триклиний, где Фортуната разложила все свои богатства и где я заметил над светильниками . . . . и бронзовые фигурки рыбаков, а также столы из чистого серебра, и глиняные позолоченные кубки, и мех, из которого на глазах выливалось вино (в сосуды).

— Друзья, — сказал Трималхион, — сегодня впервые обрился один из моих рабов, человек достойный, порядочный и скопидом. Итак, будем пировать до рассвета и веселиться [74]).

LXXIV. Слова его были прерваны криком петуха, услыхав который Трималхион приказал полить вином столы и обрызгать светильники; затем надел кольцо с левой руки на правую.

— Не без причины, — сказал он, — подал нам знак этот глашатай: ибо или пожара должно ожидать, или кто-нибудь по-соседству дух испустит. Дальше от нас! Кто принесет мне этого вестника—того я награжу.

Прежде чем он кончил, притащили соседского петуха, и Трималхион приказал немедленно сварить его. Тотчас же петух был разрублен тем самым поваром-искусником, который раньше птиц и рыб из свинины делал, и брошен в кастрюлю. Пока Дедал пробовал кипящее варево, Фортуната молола перец на маленькой буковой мельнице. Когда кушанье это было готово, Трималхион обратился к рабам:

— А вы еще не обедали? Ступайте! Пока другие за вас послужат.

Сейчас же ввалилась другая толпа рабов. Уходящие кричали:

— Прощай, Гай!

Входящие:

— Здравствуй, Гай!

Тут впервые омрачилось наше веселье, ибо среди вновь пришедших рабов был довольно хорошенький мальчик; Трималхион обнял его и принялся горячо целовать.

Фортуната, на том основании, что „право правдой крепко“, принялась ругать Трималхиона отбросом и срамником, который не может сдержать своей похоти. И под конец прибавила: „Собака!“ Трималхион, смущенный и обозленный этой бранью, швырнул ей в лицо чашу. Она завопила, словно ей глаз вышибли, и дрожащими руками закрыла лицо. Сцинтилла тоже опешила и прикрыла испуганную Фортунату своей грудью. Услужливый мальчик поднес к ее подбитой щеке сосуд с ледяной водой: приложив его к больному месту, Фортуната начала плакать и стонать.

— Как? — завопил рассерженный Трималхион. — Как? Эта уличная арфистка не помнит, что я ее взял с подмостков работорговца и в люди вывел? Ишь, надулась, как лягушка, и за пазуху себе не плюет [261]), пень, а не женщина! Однако, рожденным в лачуге о дворцах мечтать не пристало. Пусть мне так поможет мой гений, как я эту Кассандру-лапотницу [262]) образумлю. Ведь я, простофиля, мог себе стомиллионную партию найти. Ты знаешь, что я не лгу. Агафон, парфюмер соседней госпожи, соблазнял меня: „Советую тебе, не давай своему роду угаснуть“. А я, добряк, чтобы не показаться легкомысленным, сам себе ноги топором подрубил. Хорошо же, уж я позабочусь, чтобы ты, когда я умру, из земли ногтями выкопать меня захотела; а чтобы ты теперь же поняла, до чего ты довела себя,— я не желаю, Габинна, чтобы ты помещал ее статую на моей гробнице, а то и в могиле покоя мне не будет; мало того, пусть знает, как меня обижать,—не хочу я, чтоб она меня мертвого целовала.

LXXV. Когда Трималхионовы громы поутихли, Габинна стал уговаривать его сменить гнев на милость.

261) Т.-е. „в ус себе не дует“?.
262) Кассандрой он называет Фортунату за зловещий язык. Ф. переводит „театральную принцессу“, как кажется, без достаточных оснований.

— Кто из нас без греха,—говорил он,—все мы люди, не боги.

Сцинтилла тоже со слезами, заклиная гением и называя Гайем [175]), просила его умилостивиться.

— Габинна,— сказал Трималхион, не в силах удержать слезы,— прошу тебя во имя твоего благоденствия, плюнь мне в лицо, если я что недолжное сделал. Я поцеловал славного мальчика не за красоту его, а потому что он усерден: десятичный счет знает, читает свободно, не по складам, сделал себе на суточные деньги фракийский наряд [263]) и за свой счет купил кресло и пару горшечков. Разве не стоит он моей ласки? А Фортуната не позволяет. Что тебе тут представилось, гордячка? Советую тебе переварить это, коршун, и не вводить меня в сердце, милочка; а то отведаешь моего норова. Известно: что я решил, то гвоздем прибито. Но вспомним лучше о жизненных удовольствиях. Веселитесь, прошу вас, друзья; ибо я таким же, как вы, был, да вот благодаря уму своему до всего дошел. Смекалка делает человеком—все остальное ничего не стоит [264]). Хорошо купишь, хорошо продашь. Пусть другой вам другое скажет. Я лопаюсь от счастья. А ты, храпоидол, все еще плачешь? Погоди еще, о судьбе своей поплачешь. Да, как я вам уже говорил, своему благоразумию обязан я богатством.

Из Азии приехал я, не больше вон этого подсвечника, даже каждый день по нему свой рост мерил; чтоб борода скорее росла, верхнюю губу ламповым маслом смазывал. Четырнадцать лет по-женски был любезным моему хозяину; ничего тут постыдного нет—хозяйский приказ. И хозяйку ублаготворял тоже. Понимаете, что я хочу сказать. Но умолкаю, ибо я не из хвастунов.

LXXVI. Итак, с помощью богов я стал хозяином в доме; заполонил сердце господина. Чего больше? Хозяин сделал меня сонаследником Цезаря [265]). Получил я сенаторскую вотчину. Но

263) Т.-е. костюм фракийского гладиатора (Ф), подобно нашим игрушечным кирасам и ментикам.
264) Сл. 71.
265) Знатные люди, умирая, оставляли что-нибудь в дар Цезарю (сл. 187).

человек никогда не бывает доволен: вздумалось мне торговать. Чтобы не затягивать рассказа, скажу коротко — снарядил я пять кораблей. Вином нагрузил, — оно тогда на вес золота было, — и в Рим отправил. Но подумайте, какая неудача: все потонули. Не выдумка, а факт: в один день Нептун проглотил тридцать миллионов сестерций. Вы думаете, я пал духом? Ей-ей, я даже не поморщился от этого убытка. Как ни в чем ни бывало, снарядил другие корабли больше, крепче и удачнее, так что никто меня за слабого человека почесть не смог. Знаете, чем больше корабль, тем он крепче. Опять нагрузил я их вином, свининой, благовониями, рабами. Тут Фортуната доброе дело сделала, — продала все свои драгоценности, все свои наряды и мне сто золотых в руку положила: это были дрожжи моего богатства.

Чего боги хотят, то быстро делается. В первую же поездку округлил я десять миллионов. Тотчас же выкупил я все прежние земли моего патрона. Домик построил; рабов, лошадей, скота накупил; к чему бы я ни прикасался, все выростало, как медовый сот. А когда стал богаче, чем вся округа, тогда — руки прочь: торговлю бросил и стал вести дела через вольноотпущенников. Я вообще от всяких дел хотел отстраниться, да отговорил меня подвернувшийся тут случайно звездочет — греченок по имени Серапа, человек поистине боговдохновенный. Он мне все сказал, даже то, что я сам позабыл, все мне до нитки и игольного ушка выложил; насквозь меня видел; только недоставало, чтобы он сказал, что я ел вчера. Подумаешь, он всю жизнь со мной прожил.

LXXVII. — Но помнишь, Габинна, ты, кажется, при этом присутствовал, как он сказал мне:

„Ты таким-то образом пленил свою госпожу. Ты несчастлив в друзьях. Никто тебе не воздает должной благодарности; ты владелец огромных поместий; ты отогреваешь на груди своей змею“.

Чего я вам еще не рассказал? Ах, да, он предсказал, что мне осталось жить тридцать лет, четыре месяца и десять дней. Кроме

того, я скоро получу наследство. Вот какова моя судьба. И если удастся мне еще в Апулии имений накупить, цель жизни моей исполнена. Между тем, пока Меркурий бдит (надо мной), я этот дом перестроил: помните, хижина была, а теперь — храм. В нем четыре столовых, двадцать спален, два мраморных портика; во втором этаже — еще помещение; затем — моя собственная опочивальня, логово этой змеи, прекраснейшая каморка для привратника, есть помещение для гостей.

Одним словом, когда Скавр [266]) приезжает всегда у меня останавливается, хотя у его отца есть превосходное имение около моря. Многое еще имеется в этом доме — я вам все сейчас покажу. Верьте мне: асс у тебя есть, асса ты стоишь. Имеешь, еще иметь будешь. Так-то ваш друг: был лягушкой, стал царем. Ну, а затем, Стих, притащи сюда одежду, в которой меня погребать будут. И благовония из той амфоры, из которой я велел омыть мои останки.

LXXVIII. Стих не замедлил принести в триклиний белое покрывало и тогу с пурпурной каймой.

(Трималхион) потребовал, чтобы мы на-ощупь попробовали удивительную добротность шерсти.

— Смотри, Стих, — прибавил он, улыбаясь, — чтобы ни моль, ни мыши не испортили моего погребального убора; не то живьем сожгу. Желаю, чтоб с честью меня похоронили и все гражданство чтоб добром меня поминало.

Сейчас же откупорил он склянку с нардом и нас всех обрызгал:

— Надеюсь, — сказал он, — что и мертвому это мне такое же удовольствие доставит как живому.

Затем приказал налить вина в большой сосуд.

— Вообразите, — заявил он, — что вас на мою тризну позвали.

Дело дошло до полной тошнотворности, когда Трималхион, омерзительно пьяный, выдумал новое развлечение, приказав ввести

---

[266]) Скавр — прозвище патрицианских родов Эмилиев и Аврелиев. Таким образом, и здесь имеется в виду знатный римлянин.

в триклиний трубачей[267]); навалив на ложе целую груду подушек, он разлегся на них, высоко подперев ими голову.

— Представьте себе, что я умер,—заявил он. — Скажите по сему случаю что-нибудь хорошее.

Трубачи затрубили похоронную песню. Особенно старался раб того распорядителя похорон[115]), который был здесь почтеннее всех. Он затрубил так громко, что перебудил всех соседей. Стражники, сторожившие этот околоток, вообразив, что дом Трималхиона горит, внезапно разбили двери и принялись орудовать топорами, как полагается. Мы, воспользовавшись случаем, бросили Агамемнона и пустились бежать, словно от настоящего пожара.

LXXIX. У нас не было в запасе факела, чтобы освещать путь, и молчаливая полночь не посылала нам навстречу никакого света. Прибавьте к этому наше опьянение и небезопасность мест, где и днем легко было заблудиться. По крайней мере, с час мы едва волочили окровавленные ноги по острым камням мостовой, пока догадливость Гитона не вызволила нас. Предусмотрительный (мальчик), опасаясь и при свете заблудиться, еще накануне сделал мелом заметки на всех столбах и колоннах,—эти черточки видны были сквозь кромешную тьму и указали заблудшим дорогу. Не меньше пришлось нам попотеть, когда мы пришли домой. Старуха-хозяйка так нализалась с постояльцами, что подожги ее—не почувствовала бы; и пришлось бы нам ночевать на пороге, если бы не проходивший мимо ямщик Трималхиона, владелец десяти повозок[268]). Недолго раздумывая, он вышиб двери конюшни и впустил нас в пролом. [Добравшись до комнаты, я улегся вместе с братцем. После сытного пиршества страсти мои разгорелись, и я весь погрузился в наслаждение].

[267]) Трубачи—необходимая принадлежность погребальной процессии. Законы XII таблиц ограничивали их число 10-ю (сл. 445).

[268]) Вероятно, эти повозки находились на постоялом дворе, служившем как бы почтовой станцией. Ямщик же был оброчный раб Трималхиона.

Что за ночка, о боги и богини!
Что за мягкое ложе, где, сгорая,
Мы из уст на уста переливали
Души наши в смятеньи! О, прощайте,
Все заботы земные! Ах, я таю![269])

Но напрасно я радовался. Лишь только я ослабел от вина и мои руки бессильно повисли, вечный изобретатель всевозможных каверз, Аскилт, среди ночи потихоньку выкрал у меня мальчика и перенес его на свое ложе. Без помехи натешившись чужим сокровищем, — а сокровище или не слышало, или делало вид, что не слышит, — он заснул в краденых объятиях, забыв все человеческие права. Я же, проснувшись, напрасно шарил руками по своему безрадостно осиротевшему ложу. Верьте слову влюбленного! Я долго колебался, не пронзить ли мне их обоих мечом и слить сон со смертью. Но затем я принял решение менее опасное и, разбудив шлепками Гитона, зверски уставился на Аскилта и сказал:

— Своим поступком ты честность запятнал, ты дружбу нашу разрушил. Собирай поэтому скорее свои пожитки и ступай искать другое место для своих пакостей.

Аскилт не возражал, но, когда мы добросовестно разделили имущество, он заявил:

— Теперь давай и мальчика поделим.

LXXX. Я сперва вообразил, что он шутит на прощание; но он, сжимая братоубийственной рукою рукоять меча, произнес:

[269]) В одном из фрагментов, приписываемых Петронию (Д.-Г. фр. XXXII), выражена та же мысль:

Когда лобзал я мальчика
В уста полуоткрытые,
И аромат дыхания
Я пил губами жадными,
Мой дух больной и раненый
Взобрался на уста мои,
И, мчась безостановочно
До мягких губок мальчика,
Сквозь них он ищет выхода
И убежать старается.
И если б лишь немножечко
Лобзание продолжилось,
Огнем любви прожженная
Душа б меня покинула.
И чудо б совершилося:
Сам по себе я умер бы,
Но жил бы в сердце отрока.

— Не попользуешься ты добычей, на которую ты один навалился. Я возьму свою долю, хотя бы вот этим мечом пришлось ее отрезать.

Я со своей стороны сделал то же и, обернув руку плащом, приготовился к бою. Несчастный мальчик, пока мы обретались в столь плачевном безумии, с громкими рыданиями обнимал наши колена, умоляя нас не уподоблять этого жалкого трактира Фивам [270], не обагрять братскою кровью святыню нежнейшей дружбы.

— Если, — восклицал он, — должно совершиться убийство, то вот мое горло! Сюда обратите руки! Сюда направьте мечи! Пусть умру я, расторгший узы (вашей) дружбы!

Тронутые этими молениями, мы вложили мечи в ножны.

— Я, — заговорил Аскилт — положу конец раздору. Пусть мальчик идет за тем, за кем хочет. Пусть будет дано ему свободно избрать брата.

Я, полагая, что давнишняя привычка достигла крепости кровных уз, ничего не боялся и, с опрометчивой поспешностью ухватившись за предложение, передал свою судьбу в руки судьи; он же, без малейшего промедления, не задумываясь, при последних словах моих поднялся... и избрал братом Аскилта. Как громом пораженный оборотом дела, я, точно у меня не было меча, рухнул на кровать и наверное наложил бы на себя преступные руки, если бы не боялся еще увеличить торжество врага. Исполненный гордости Аскилт удалился со своею добычей и бросил недавно дорогого ему товарища и собрата по несчастиям одинокого, на чужой стороне.

Дружба хранит свое имя, покуда в нас видится польза.
Словно игральная кость, вечно подвижна она.
Если Фортуна — за нас, мы видим, друзья, ваши лица,
Если изменит судьба, гнусно бежите вы прочь.
Труппа играет нам мим [94]): вон тот называется сыном,
Этот отцом, а другой взял себе роль богача...
Но окончился текст и окончились роли смешные,
Лик настоящий воскрес, лик балаганный пропал.

[270]) Речь идет о мифической борьбе за Фивы между сыновьями Эдипа, Этеоклом и Полиником, которые оба погибли.

LXXXI. Однако недолго предавался я плачу, опасаясь, как бы, в довершение всех бед, не застал меня, одинокого, на этом постоялом дворе школьный служка [271]) Менелай; я собрал свои пожитки и, печальный, перебрался в укромный уголок неподалеку от морского берега. Три дня провел я там безвыходно, терзаясь мыслями о своем одиночестве. Я бил кулаками мою наболевшую грудь, испуская глубокие стоны и непрерывно восклицая:

— Ужели не поглотит меня, расступившись, земля или море, жестокие даже к невинным? Затем разве я избег правосудия, обманом спас свою жизнь на арене, убил хозяина, чтобы, после стольких дерзновенных поступков, жалким, одиноким изгнанником валяться в трактире греческого городка? И кто же, кто обрек меня этому одиночеству? Молодой человек, погрязший во всяческом сладострастии, по собственному признанию достойный ссылки! Разврат освободил его, разврат дал ему права гражданства. Зад его разыгрывался в кости. Он, кого, заведомо зная, что он мужчина, уводили с собой, как девочку. А другой? о, боги! он вместо мужской тоги надел столу; мать убедила его не быть мужчиной: в смирительном доме он вел себя, как женщина; он, после ласки моей, позабыл старую дружбу — и, о стыд! словно блудница, все продал за единую ночь. И теперь влюбленные лежат, обнявшись, по целым ночам; вероятно, когда утомятся взаимными ласками, издеваются надо мной, одиноким; но даром им это не пройдет! Я принесу их в жертву своей обиде, или не буду мужем и свободным человеком!

LXXXII. Тут я препоясался мечом и, дабы не испарился из слабого тела моего воинственный пыл, подкрепился пищей плотнее обыкновенного. Выбежав на улицу, я как сумасшедший заметался по портикам. Но, пока я с искаженным лицом мечтал об убийстве и крови и дрожащей рукою то и дело хватался

[271]) Antescholanus — среднее между педелем и помощником учителя (см. 61).

за рукоятку меча-мстителя, приметил меня какой-то воин, не то в самом деле солдат, не то ночной бродяга.

— Эй, товарищ, — крикнул он мне, — какого легиона? какой центурии?

А когда в ответ ему я весьма уверенно сочинил и легион, и центурию, он заявил:

— Ладно. Значит, в вашем отряде солдаты в туфлях разгуливают?

Догадавшись по смущенному выражению лица, что я наврал, он велел мне сложить оружие и не доводить дела до беды.

Ограбленный, потеряв всякую надежду на отмщение, поплелся я обратно в гостиницу, а через несколько времени, успокоившись, в душе даже поблагодарил этого разбойника за его наглость [272]).

LXXXIII. [Но лишь после долгой борьбы подавил я в себе жажду мести; полночи провел я в страшном волнении и, при первом свете дня, чтобы несколько облегчить свое горе и забыть нанесенную мне обиду, вышел из дому и] забрел в пинакотеку, славную многими замечательными картинами всевозможных направлений. Здесь увидал я творения Зевксида [273]), победившие, несмотря на свою древность, все нападки; и первые опыты Протогена [274]), правдивостью могущие поспорить с самой

[272]) В тексте Бюх. здесь идет стихотворение, перенесенное Ноdо в гл. XI („В озере стоя, не пьет"..) и затем слова: „Не надо очень верить советам, ибо судьба имеет свои законы".

[273]) Зевксид из Гераклеи, ученик Несея Фасосского и Аполлодора Афинского (конец V в.). Писал для македонского царя Архелая (413—399 г. до Р. Х.). От Несея он заимствовал восточную манеру с ее реализмом и подчеркнутой чувственной прелестью, от Аполлодора—искусство светотени, хотя Квинтилиан (XII, 10) и говорит, что „по преданию, Зевксид открыл мастерство света и теней". Фигуры Зевксида—больше натуральной величины. Главные картины: „Кентавресса", „Пан", „Пенелопа", „Геракл, убивающий змей".

[274]) Протоген—род. в Карии или в Ликии, но жил на Родосе (приблизительно 332—300 до Р. Х.), отличался необыкновенно серьезным, почти религиозным отношением к искусству. Главные картины: „Ялис" (национальный герой Родоса), изображения кораблей (в Афинских Пропилеях), „Александр Великий и Пан".

природой, к которым я всегда приближаюсь с каким-то душевным трепетом. Я восторгался также Апеллесом, которого греки зовут однокрасочным [275]). Рисунок контуров его так тонок, что кажется, будто это изображение души [276]). Здесь орел возносит в поднебесье бога [277]). Там чистый Гилас отвергает бесчестную Наяду [278]). Аполлон, проклиная виновные руки, украшает лиру только что рожденным цветком [279]).

При виде этих любовных картин, я, забыв, что я не один в галерее, вскричал:

— Значит, и боги подвластны страсти? Юпитер не нашел на небе достойного избранника, но, согрешив на земле, он никого не обидел. И Нимфа, похитившая Гиласа, наверное бы обуздала свои страсти, знай она, что Геркулес придет тягаться из-за него. Аполлон обратил прах любимого юноши в цветок,—вообще ни одна связь в этих баснях не омрачена соперничеством. А я принял в дом свой гостя, более жестокого, чем Ликург [280]).

[275]) Апеллес—знаменитейший художник IV в., род. в Колоорте (Иония), жил долго в Эфесе; учился у Памфила Амфиполийского, затем в Сикионе у Мелантия. Живопись его характеризуется чувством меры, отсутствием всякого гиперболизма. Главные произведения: ряд портретов Филиппа и Александра, между прочим, „Александр с перуном" (ceraunophoros) и Афродита Анадиомена.—У Нерона была прекрасная копия Афродиты работы Дорофея. Плиний говорит (без оснований), что Апеллес пользовался 4-мя красками.

[276]) Есть легенда о посещении Апеллесом Протогена на Родосе. Не застав Протогена в мастерской, Апеллес начертил на доске тончайшую линию и удалился. Протоген, узнав по тонкости линии, кто у него был, провел по ней еще более тонкую черту и разделил ее вдоль. Вернувшийся Апеллес тончайшим штрихом рассек и эту черту.

Изображение внутренней жизни очень ценилось древними. Про „Пенелопу" Зевксида Плиний сказал, что он „как бы нарисовал ее характер". Сл. 292.

[277]) Т.-е. Ганимеда, юного сына царя Трои, которого влюбленный Зевс вознес на небо и сделал богом.

[278]) Гилас — отрок, возлюбленный Геракла, которого похитили нимфы источника в Мисии во время стоянки корабля аргонавтов. Чтобы отыскать мальчика, Геракл отказался от похода.

[279]) Аполлон нечаянно убил метательным диском возлюбленного Гиацинта. По другой версии, ревнивый Зефир нарочно отнес диск в сторону мальчика (Ш). Этой версии Энколпий, повидимому, не знает.

[280]) Ликург отдавал приходивших к нему чужеземцев в пищу своим коням. (Ш).

Но вот, в то время как я, так сказать, ссорился с ветром, вошел в пинакотеку седовласый старец с лицом выразительным и носившим печать какого-то величия: платье его, однако, было не весьма блестяще и, видимо, он принадлежал к числу тех писателей, которых богатые обычно терпеть не могут.

— Я — поэт, — сказал он, став подле меня, — и, надеюсь, не из последних, если только можно полагаться на венки, которые часто и неумелым присуждают. Ты спросишь, почему я так плохо одет? Именно поэтому: любовь к творчеству никого еще не обогатила.

Кто доверяет волнам, получит великую прибыль,
Любящий лагерь и бой кругом опояшется златом,
Льстец недостойный лежит на расписанном пурпуре пьяный,
Прелюбодей, соблазняя замужних, грешит за награду,
Лишь Красноречье одно в размытой дождями одежде
Голосом слабым зовет забытые всеми Искусства.

LXXXIV. Это несомненно; но враг порока, раз навсегда избравший в жизни прямой путь, возбуждает различием в нравах всеобщую ненависть,—ибо кто одобрит себе противоположное? Затем, кто стремится лишь к обогащению — ни во что лучшее своих денег верить не хочет. Превозносите сколько угодно любителей литературы — они все-таки будут казаться богачу дешевле денег [281]).

— Не понимаю, — [сказал я], как это так бедность может быть сестрой высокого ума.

— [Справедливо,— ответил старик,— скорбишь ты о доле писательской.

— Да я совсем не об этом вздыхаю. Другая, куда более тяжелая причина печалиться есть у меня! — И тут же, невольно последовав склонности, столь свойственной человеку, — чужим

[281]) Сл. слова Трималхиона (гл. LXXVII): „асс у тебя есть, асса ты стоишь“. Эвмолп метит именно в Трималхионов, никогда не читавших ни одного философа и покупающих группу комедов, чтобы заставлять архитить ателланы.

ушам поверять свои горести,—рассказал я ему о своих злоключениях, яркими красками расписав вероломство Аскилта].

— О, если бы,—[восклицал я, стеная],—соперник мой не по своей вине принудил меня к воздержанию, и мог внять просьбам! Но он — закоснелый разбойник и опытней всякого сводника.

[Старец, видя мое прямодушие, стал меня утешать и, чтобы смягчить мое горе, рассказал мне любовную историю из собственной жизни].

LXXXV. — Приехав в Азию на иждивение квестора, я остановился в Пергаме. Оставаясь там [282]) очень охотно, не столько ради благоустройства дома, сколько ради красоты хозяйского сына, я старался изыскать способ, чтобы отец не мог заподозрить моей любви. Как только за столом начинались разговоры о красивых мальчиках, я приходил в такой искренний раж, с такой суровой важностью отказывался позорить свой слух безнравственными разговорами, что все, в особенности мать, стали смотреть на меня, как на философа [283]). Уже я начал водить мальчика в гимнастическую школу, руководить его занятиями, учить его и следить за тем, чтобы ни один из охотников за красавцами не проникал в дом. Однажды, в праздник, покончив уроки раньше обыкновенного, мы возлежали в триклинии,—ленивая истома, последствие долгого и веселого праздника, помешала нам добраться до наших комнат. Среди ночи я заметил, что мой мальчик бодрствует. Тогда я робким шопотом вознес моление:

— О, Венера, — сказал я, — владычица! если я поцелую этого мальчика так, что он не почувствует, то на утро подарю ему пару голубок.

Услышав награду за наслаждение, мальчик принялся храпеть. Тогда, приблизившись к притворщику, я осыпал его поцелуями.

[282]) Дело происходит, повидимому, в доме одного из пергамских граждан, где поэт, состоявший в свите квестора, нанял квартиру.

[283]) Это еще раз подтверждает, что философы (стоики, эпикурейцы, киники) еще пользовались прекрасной репутацией в отношении нравственности (см. 34). Скандалезная роскошь стоика Сенеки возбуждала всеобщее негодование.

Довольный таким началом, я поднялся ни свет, ни заря и принес ему ожидаемую пару отменных голубок, исполнив таким образом свой обет.

LXXXVI. На следующую ночь в удобный момент я изменил текст молитвы:

— Если дерзкой рукой я поглажу его и он не почувствует, — сказал я, — я дам ему двух лучших боевых петухов.

При этом обещании милый ребенок сам придвинулся ко мне, опасаясь, думаю, чтобы я не заснул. Успокаивая его нетерпение, я с наслаждением гладил все его тело, сколько мне было угодно. На другой же день, к великой его радости, принес ему обещанное. На третью ночь я при первой возможности придвинулся к уху притворно спящего.

— О, боги бессмертные! — шептал я. — Если я добьюсь от спящего счастья полного и желанного, то за такое благополучие я завтра подарю мальчику превосходного македонского скакуна, при том, однако, условии, что он ничего не заметит.

Никогда еще мальчишка не спал так крепко. Я сначала наполнил руки его белоснежной грудью, затем прильнул к нему поцелуем и, наконец, слил все желания в одно. С раннего утра засел он в спальне, нетерпеливо ожидая обещанного. Но сам понимаешь, купить голубок или петухов куда легче, чем коня; да и побаивался я, как из за столь крупного подарка не показалась бы щедрость моя подозрительной. Поэтому, проходив несколько часов, я вернулся домой и, взамен подарка, поцеловал мальчика. Но он, оглядевшись по сторонам, обвил мою шею руками и осведомился:

— Учитель, а где же скакун?

[284] . . . .

LXXXVII. — Хотя этой обидой я заградил себе проторенный путь, однако скоро вернулся к прежним вольностям. Спустя

[284] Пропуск восполнен Нодо, но мы устранили эту излишнюю вставку. Вот она: „Трудность найти хорошего (скакуна) принудила (меня) отсрочить подарок, но через несколько дней я исполню обещание. Эфеб понял, что это значит, и внутреннее возбуждение отразилось на его лице".

несколько дней, попав снова в обстоятельства благоприятные и убедившись, что родитель храпит, я стал уговаривать отрока смилостивиться надо мной, то-есть позволить мне удовлетворить его желаниям, словом, все, что может сказать долго сдерживаемая страсть. Но он, рассердившись всерьез, твердил все время: „Спи, или я скажу отцу".

Но нет трудности, которой не превозмогло бы нахальство! Пока он повторял: „разбужу отца", я подполз к нему и при очень слабом сопротивлении добился услады. Он же, далеко не раздосадованный моей проделкой, принялся жаловаться: и обманул-то я его, и насмеялся, и выставил на посмешище товарищам, перед которыми он хвастался моим богатством.

— Но ты увидишь, — заключил он, — я совсем на тебя непохож. Если ты чего-нибудь хочешь, то можешь повторить.

Итак, я, забыв все обиды, помирился с мальчиком и, использовав его благосклонность, погрузился в сон. Но отрок, бывший как-раз в страдательном возрасте, не удовлетворился простым повторением. Потому он разбудил меня вопросом: „Хочешь еще?" Силы во мне еще оставались. Когда же он, при сильном с моей стороны охании и великом потении, получил желаемое, я, изнемогши от наслаждения, снова заснул. Менее, чем через час, он принялся меня тормошить, спрашивая:

— Почему мы больше (ничего) не делаем?

Тут я, в самом деле обозлившись на то, что он все меня будит, ответил ему его же словами:

— Спи, или я скажу отцу!

LXXXVIII. Ободренный этими рассказами, я стал расспрашивать старика, как человека довольно сведущего, о времени написания некоторых картин, о темных для меня сюжетах, о причинах современного упадка, сведшего на нет искусство — особенно живопись, не оставившую после себя ни малейших следов [285].

[285] Такого времени, когда бы живопись исчезла буквально „без следа", никогда не было. У Петрония — обычная пессимистическая ламентация, восхваляющая доброе старое время.

— Жажда к деньгам все изменила,—сказал он. — В прежние времена, когда царствовала нагая добродетель, цвели благородные искусства, и люди соревновали — кто из них принесет большую пользу будущим поколениям. Демокрит [286]), этот второй Геркулес, выжимал соки разных трав и всю жизнь свою провозился с камнями да растениями, силясь открыть их живительную силу. Эвдокс [287]) состарелся на горной вершине, следя за движением светил; Хрисипп [288]) трижды очищал душу чемерицей [289]), дабы подвигнуть ее к новым исканиям. Лисипп [290]) умер от голода, не будучи в состоянии оторваться от работы над деталями одной статуи. А Мирон [291]), скульптор столь великий, что, кажется, из меди мог души людей и животных изваять [292]), не оставил наследников. Мы же, погрязшие в вине и разврате, не можем даже завещанного предками искусства изучить; нападая на старину, мы учимся и учим только пороку. Где диалектика? Где астрономия? Где вернейшая дорога к мудрости? Кто, спрашиваю я, ныне идет в храм и молится о постижении высот красноречия и глубин философии? Теперь даже о здоровье не молятся; зато, только ступив на порог Капитолия, один обещает жертву, если похоронит богатого родственника, другой — если выкопает клад, третий — если ему удастся при жизни сколотить тридцать миллионов. Даже учитель добродетели и справедливости, Сенат, обыкновенно обещает Юпитеру Капитолийскому тысячу фунтов золота; и чтобы никто не гнушался корыстолюбием, он даже самого Юпитера умилостивляет деньгами. Не удивляйся, что пала живопись: людям ныне груды золота приятнее творений какого-нибудь сумасшедшего грекоса-Апеллеса или Фидия.

Но я вижу, ты впился в картину падения Трои [293]) — посему попробую стихами рассказать тебе, в чем дело.

LXXXIX. (ГИБЕЛЬ ТРОИ) [294])

* * *

Уже фригийцы [294]) жатву видят десятую
В осаде, в жутком страхе; и колеблется
Доверье эллинов к Калханту вещему [295]).
Но вот влекут по слову бога Дельфийского [296])

---

[286]) Демокрит, уроженец Абдеры во Фракии (460—361 до Р. Х.)— греческий философ-материалист. Петронию, который, повидимому, был большим почитателем Эпикура, Демокрит был близок по чертам, сближавшим его философию с эпикурейством: а) атомистическая теория мировой субстанции, б) скептическое отношение к античной религии, в) спокойствие души, как нравственный идеал, г) веселое, бодрое миросозерцание, за которое Демокрит был прозван „смеющимся философом“. Вот почему Петроний называет его „Геркулесом (мысли)“.

[287]) Эвдокс Книдский (ок. 366 г.) известный астроном; учился в Афинах и, главным образом, в Египте.

[288]) Хрисипп — сын Аполлония из Тарса (280 — 207 г. до Р. Х.)— известный стоический философ, пользовавшийся чуть ли не большим авторитетом, чем основатели учения Зенон и Клеанф.—Сильно разработал этическое учение стоиков. Человек чистой жизни и энциклопедической учености.

[289]) Чемерица (helleborum) считалась очищающей душу и просветляющей разум (Val. Max. II, 8). (Д.-Г.).

[290]) Лисипп — скульптор IV в., ученик школы Поликлита (аргивская школа). Ему приписывали 1500 статуй. Его произведения отличались кропотливой разработкой мелочей, напр., волос, что, может быть, и подало повод к образованию приводимой Петронием легенды.

[291]) Мирон, род. в Элевферах ок. 480 г., отличался живостью и разнообразием форм. Особенную славу доставила ему статуя „Коровы“, неоднократно воспетая поэтами; до нас дошло более 300 эпиграмм на нее. Кроме того, известен его „Дискомет“.

[292]) Сл. 276.

[293]) Troiae halosis. На эту же тему, как известно, была написана и поэма Нерона, которую он декламировал, глядя на пожар Рима. Итак, это был модный сюжет.

[294]) Перед нами чисто школьное произведение, поэтическое упражнение на заданную тему. Это сокращенная парафраза Энеиды п. II, стт. 13 — 267. Содержание 255 гексаметров сжато в 65 сенариев. Но стихотворение вовсе не собирается рассказать событие, которое предполагается достаточно известным. Оно ограничивается намеками совершенно непонятными для того, кто не знаком с Энеидой. Таким образом, оно весьма искусственно пристегнуто к разговору гл. LXXXVIII: Энколпию оно не объяснит содержание картины. Для читателя, не обязанного помнить все подробности события, мы облегчили понимание напыщенного и туманного изложения, во-первых, примечаниями, а во-вторых—вставкой в текст двух-трех пояснительных слов. (Сл. 354). О метрике см. Предисловие. Преувеличение виргилиевых образов отмечено еще Лессингом в „Лаокооне“.

[295]) Т.-е. троянцы.

[296]) Калхант, обычно Калхас, эллинский жрец, предсказавший гибель Трои.

[297]) Т.-е. по предсказанию оракула Аполлона, к которому греки послали Еврипила (Эн. II, 114).

Деревья с Иды. Вот под секирой падают
Стволы, из коих строят коня зловещего.
Разверзлись недра, вскрыт потайной ковчег (коня),
Чтоб в нем укрыть отряд мужей, разгневанных
Десятилетней бойней. Скрылись мрачные
В свой дар [298]) данайцы и затаили месть.
О родина! [299]) мнилось, прогнан тысячный флот врагов,
Земля от войн свободна. Все нам твердит о том:
И надпись на коне, и лукавый лжец Синон [300])
И собственный наш разум мчит нас к гибели.

* * *

Уже бежит из ворот толпа свободная,
Спешит к молитве; слезы по щекам текут.
Да, слезы рождают радость пугливых душ.
Их прежде страх выжимал... Но вот, растрепав власы,
Нептуна жрец, Лаокоон, возвысил глас,
Крича над всей толпой [301]), и быстро взметнул копье.
Он метит в чрево, но ослабил руку рок,
И дрот отпрянул... [302]) Так оправдан был обман.
Вотще вторично он поднимает бессильно длань
И в бок разит секирой двухконечною.
Загудели в чреве юноши сокрытые,
Колосс деревянный дышит страхом недругов...
Везут (в коне) плененных, что пленят Пергам [303])
И бой закончат новым хитроумием [304]).

---

[298]) Конь якобы предназначался в дар Афине.

[299]) O patria! = Эн. II, 241. Таким образом, автор заимствует даже самое обрамление Энеиды, вкладывая рассказ в уста троянца (Энея?).

[300]) Юноша, оставленный греками, якобы в жертву богам; он ложно объясняет троянцам значение коня. (Эн. II, 154—194).

[301]) Знаменитая речь Лаокоона (Эн. II, 42—49: „Что там ни будь, я боюсь данайцев, дары приносящих“), которую Петроний цитирует в гл. XXXIX (См. 117), здесь опущена, благодаря чему поведение жреца носит характер беспричинного буйства.

[302]) Эн. II, 52: копье, дрожа, вонзается в коня.

[303]) В тексте: „Идет пленная молодежь и, тем самым, берет в плен Трою“. В Энеиде внимание троянцев, как раз в тот момент, когда раздался шум внутри коня, отвлекается приходом Синона, который здесь предполагается уже прибывшим (см. 13). Так как все содержание Эн. II, 56—198 опущено, то у Петрония получается такое впечатление, точно засада обнаружена и греков ведут пленными в Трою.

[304]) Эта часть по выбору слов и образов наиболее близка к Эн. II, 203—224.

* * *

Вот снова чудо! Где Тенедос из волн морских
Хребет подъемлет [305]), там, кичась, кипят валы
И, раздробившись, вновь назад бросаются,—
Так часто плеск гребцов далеко разносится,
Когда в тиши ночной в волнах корабли плывут
И громко стонет гладь под ударами дерева.
Оглянулись мы: и вот два змея кольчатых
Плывут к скалам, раздувши груди грозные,
Как два струга, боками роют пену волн
И бьют хвостами. В море гривы косматые
Огнем, как жар, горят, и молниеносный свет
Зажег валы, от шипа змей дрожащие...
Онемели все... Но вот в священных инфулах [306]),
В фригийском платье оба близнеца стоят,
Лаокоона дети. Змеи блестящие
Обвили их тела, и каждый ручками
Уперся в пасть змеи, не за себя борясь [307]),
А в помощь брату. Во взаимной жалости
И в страхе друг за друга смерть застала их.
Спешит скорей отец спасать сыновей своих.
Спаситель слабый! Ринулись чудовища
И, сытые смертью, старца наземь бросили.
И вот меж алтарей, как жертва, жрец лежит [308]),
Жалея Трою. Так, осквернив алтарь святой,
Обреченный град навек отвратил лицо богов.

* * *

Едва Фебея светлый свой явила луч,
Ведя за собою звезды ярким факелом,
Как средь троянских войск, оглушенных вином и сном,
Данайцы вскрыли дверь, и вышли вон бойцы.
Осмотрев оружье, вожди расправляют грудь.
Так часто, разлучась с Фессалийским ярмом, скакун,

---

[305]) Тенедос или Тенед, остров против Трои, за которым укрылись греческие корабли.

[306]) Жреческие повязки.

[307]) Этой черты нет у Виргилия. Лессинг без достаточных оснований считает эту вставку неестественной.

[308]) У алтаря Нептуна, где Лаокоон приносил в жертву быка. (Эн. II, 201—2).

Пускаясь в бой, прядет могучей гривою.
Обнажив мечи, трясут щитами круглыми
И в бой бегут. Один опьяненных бьет
И превращает в смерть их безмятежный сон,
Другой, зажегши факел о святой алтарь,
Огнем святынь троянских с Троей борется.

XC. Но тут люди, гуляющие под портиками, принялись швырять камнями в декламирующего Эвмолпа. Он же, привыкший к такого рода поощрению своих талантов, закрыл голову и опрометью бросился из храма. Я испугался, как бы и меня за поэта не приняли, и побежал за ним до самого побережья; как только мы вышли из полосы обстрела, я сказал Эвмолпу:

— Скажи, пожалуйста, что это за болезнь у тебя? Неполных два часа говорил я с тобою, и за это время ты произнес больше поэтических слов, чем человеческих. Неудивительно, что народ преследует тебя камнями. Я, в конце концов, тоже нагружу свою пазуху булыжниками и, если ты опять начнешь неистовствовать, буду пускать тебе кровь из головы [309]).

— Эх, юноша, юноша,—ответил Эвмолп,—точно мне в диковинку подобное обращение: как только я войду в театр для

---

[309]) Сл. Марц. III, 44:
Почему тебя встретить никто не желает,
Почему, где появишься, бегство начнется,
И вкруг тебя, Лигурин, громада пустыни,
Что это, хочешь ты знать? Ты поэт уже слишком.
Это—порок и, притом, через меру опасный.
Ни похищеньем щенят взбешенной тигрицы,
Ни козули, полуденным солнцем пригретой,
Ни скорпиона опасного так не боятся.
Кто же, спрошу я, такую и вынесет муку?
Кто стоит иль сидит, тому ты читаешь,
Кто бежит, и тому, кто сел облегчиться.
В термы спасаюсь я: ты в ухо звенишь мне.
К водоему бегу: не пускаешь ты плавать.
Я на ужин спешу: на ходу ты задержишь.
Я на ужин приду: ты и с места прогонишь.
Утомленный засну: ты лежащего будишь.
Как много зла ты творишь, желаешь ли ведать?
Муж справедливый, невинный и честный,—ты стращен.
(Пер. Фета).

декламации — всегда толпа устраивает мне такую же встречу. Но чтобы не поссориться и с тобою, я на весь сегодняшний день воздержусь от этой пищи.

— Хорошо, если ты клянешься на сегодня удержаться от словоизвержения, то отобедаем вместе.

[Тут], поручив сторожу моей квартиры приготовить скромный обед, [мы немедля отправились в баню].

XCI. (Пришли мы в баню). Вдруг, вижу: прислонившись к стенке, с утиральниками и скребницами [310]) в руках, стоит Гитон печальный, смущенный. Видно было, что на новой службе удовольствия немного. Стал я к нему присматриваться, а он обернулся и с повеселевшим лицом воскликнул:

— Сжалься, братец. Когда поблизости нет оружия, я говорю от души: отними меня у этого кровожадного разбойника, а за проступок, в котором я искренно каюсь, накажи своего судью, как хочешь. Для меня, несчастного, — достаточное утешение, если я буду высечен по твоему желанию.

Опасаясь, как бы нас не подслушали, я прервал его жалобы. Оставив Эвмолпа,— он и в бане не унялся и снова задекламировал,—темным, грязным коридором я вывел Гитона на улицу и поспешил в свою гостиницу. Заперев двери, я крепко обнял его и поцелуями вытер слезы на его лице. Долго ни один из нас не находил слов: все еще трепетала от рыданий грудь милого мальчика.

— О, преступная слабость! — воскликнул я, наконец. — Ты меня бросил, а я тебя люблю; в этой груди, где зияла огромная рана, не осталось даже рубца. Что скажешь, потворщик чужой любви? Заслужил ли я такую обиду?

Лицо [Гитона], когда он услыхал, что старая любовь жива во мне, прояснилось...

— Никого, кроме тебя, не назначил я судьей нашей любви, (а ты обманул меня)! Но я все забуду, перестану жаловаться,

---

[310]) Скребницы в древности употреблялись и для людей, чтобы счищать грязь.

если ты действительно, по чистой совести, хочешь загладить свой проступок.

Так, со слезами и стонами, изливал я перед Гитоном душу свою. Он же говорил, вытирая плащом слезы:

— Энколпий, я взываю к твоей памяти: я ли тебя покинул, или ты меня предал? Не отрицаю и признаю, что, видя двух вооруженных, я пошел за сильнейшим.

Тут я, обняв руками его шею, осыпал поцелуями грудь, полную мудрости [311]), и, чтобы он не сомневался в прощении и в искренней дружбе, вспыхнувшей в моем сердце, прильнул к нему всем телом.

XCII. Уже совсем стемнело, и хозяйка хлопотала, приготовляя заказанный обед, когда Эвмолп постучался в дверь.

— Сколько вас?—спросил я, а сам внимательно разглядываю в дверную щелку, нет ли с ним Аскилта. Убедившись, что он один, я тотчас же впустил гостя. Он, первым долгом, разлегся на койке и, осмотрев накрывавшего на стол Гитона, кивнул мне головой и сказал:

— А Ганимед твой недурен. Мы нынче прекрасно устроимся.

Это начало мне не слишком понравилось, и я испугался, не принял ли я в дом второго Аскилта. Когда же Гитон поднес ему выпить, он привстал со словами:

— Я предпочитаю тебя всей бане.

С жадностью осушив кубок, он начал уверять, что никогда еще не пересыхало у него горло так, как сегодня.

— Ведь меня,—жаловался он,—пока я мылся, чуть не избили только за то, что я вздумал прочесть окружавшим мою ванну одно стихотворение; когда же меня из бани вышибли — совсем как, бывало, из театра—я принялся рыскать по всем углам, во все горло призывая Энколпия. С другой стороны, какой-то молодой человек, совершенно голый — он, оказывается, потерял платье — громко и с не меньшим раздражением звал Гитона. Надо мною

[311]) По мнению, продержавшемуся до конца средних веков, центр психической деятельности помещался в груди.

даже мальчишки издевались, как над помешанным, нахально меня передразнивая; к нему же, наоборот, окружившая его огромная толпа относилась одобрительно и с почтительным изумлением. Ибо он обладал оружием такой величины, что сам человек казался лишь придатком к этому сооружению. О, юноша работоспособный! Думаю, сегодня начнет, послезавтра кончит. А посему и за помощью дело не стало: живо отыскался какой-то римский всадник, как говорили, лишенный чести [312]); завернув юношу в свой плащ, он повел его домой, очевидно, чтобы одному воспользоваться такой крупной находкой. А я и своей бы одежи не получил от гардеробщика, не приведи я свидетеля. Настолько выгоднее упражнять уд, чем ум [313]).

Во время рассказа Эвмолпа я поминутно менялся в лице: при злоключениях нашего врага я смеялся, при удачах печалился. Тем не менее я молчал, как будто вся эта история меня не касалась, и стал перечислять кушанья нашего обеда. [Только я кончил, как принесли еду. Кушанья были самые простые, но вкусные и питательные, и мой проголодавшийся мудрец пожирал их с жадностью. Наевшись до-отвалу, почтенный философ пустился в глубокомысленные рассуждения, страстно обрушившись на презрителей всего простого, обычного, обращающих внимание лишь на исключительное.

XCIII. Развращенному уму, ораторствовал он], все позволенное— противно, и вялые, заблудшие души стремятся к необычному.

(Не люблю доходить до цели сразу,
Не мила мне победа без препятствий) [38]).
Африканская дичь мне нежит небо,

[312]) Infamis: „инфамия“,—лишение гражданской чести налагалась цензором или претором (в первом случае без суда, по личному усмотрению) за позорящие поступки: мошенничество, клятвопреступничество, ростовщичество, двоеженство и т. п.—Некоторые профессии (сводничество, устроение погребальных процессий, скоморошество) были сопряжены с „инфамией“. Лишенный чести сенатор исключался из сенатских списков, всадник—из центурии, гражданин—из трибы.

[313]) В тексте та же игра слов, построенная на анноминации: Tanto magis expedit inguina quam ingenia fricare.

Птиц люблю я из стран фасийских колхов [314],
Ибо редки они. А гусь наш белый
Или утка с крылами расписными
Пахнут плебсом. Клювыш за то нам дорог,
Что, пока привезут его с чужбины,
Возле Сиртов [315]) немало судов потонет.
А барвена [316]) претит. Милей подруга
Нам жены. Киннамон ценнее розы.
То, что стоит трудов, — всего прекрасней [317]).

— Так вот, — говорю, — как ты обещал сегодня не стихоплетствовать? Сжалься, пощади нас, — мы никогда не побивали тебя камнями. Ведь если кто-нибудь из тех, что пьют тут же в гостинице, пронюхает, что тут поэт, он всех соседей взбудоражит, и всех нас заодно вздуют. Сжалься! вспомни о пинакотеке или о банях.

Но Гитон, нежнейший из отроков, стал порицать мою речь, говоря, что я дурно поступаю, обижая старшего, и, забыв долг хозяина, бранью как бы уничтожаю любезно предложенное угощение. Он прибавил еще много учтивых и благовоспитанных слов, которые весьма шли к его прекрасной наружности.

---

[314]) Народ, живший в Колхиде (Кавказ) по реке Фасу (Рион). По этой стране названы фазаны.
Марц. XIII, 72 (фазаны).

Я на аргосском судне сюда привезен был впервые,
А перед тем ничего я кроме Фаса не знал.

[315]) Сирты (Большой и Малый) песчаные косы на северном побережии Африки.

[316]) Краснобородка, местная италийская рыба.
Марц. XII, 84:

Этот клювыш, из волн морских появившийся жирным,
Внутренностью лишь хорош, вкусом он плох в остальном.
(Пер. Фета).

Марц. XIII, 79:

Дышит в привозной воде морской, но с трудом уж барвена.
Или слабеет? Пусти в море, и станет сильна. (Пер. Фета).

[317]) Отрицательное отношение автора к этому предпочтению иноземных благ явствует только из предшествующих слов, не из текста стихотворения. Той же темы касается фрагмент, приписываемый (может быть, ложно) Петронию. (Д.-Г. XXII).

Избегай заморских нравов: тысяча в них подлостей.
Кто живет на свете чище гражданина римского?
Мне один Катон милее, чем Сократов дюжина.

XCIV.—О,—воскликнул [Эвмолп],—о, как счастлива мать, родившая тебя таким! Молодец! Редко сочетается мудрость с красотою. Не думай, что ты даром тратил слова: поклонника горячего обрел ты. Я возглашу хвалу тебе в песнях. Как учитель и хранитель [318]), пойду я за тобою всюду, даже туда, куда ты не велишь ходить: этим я не обижу Энколпия: он любит другого.

Хорошо послужил и Эвмолпу тот солдат, что отнял у меня меч, а то бы я его кровью залил кипевший в душе моей гнев против Аскилта. Гитон это заметил. Под предлогом, что идет за водой, он покинул комнату и своевременным уходом смягчил мой гнев.

— Эвмолп, — сказал я, поутихнув немного, — лучше уж ты стихами говори, чем выражать такие желания. Я вспыльчив, а ты похотлив. Ты видишь, что мы не сходимся характерами. Ты меня за сумасшедшего принимаешь? Так уступи безумию, иными словами, проваливай немедленно.

Пораженный этим заявлением, Эвмолп даже не спросил о причинах моего гнева, но поспешно выбежал из комнаты, запер меня, ничего подобного не ожидавшего, в моей комнате и, забрав с собой ключ, ринулся на поиски Гитона. Сидя взаперти, я решил повеситься; и уже поставил кровать стоймя около стены, уже всунул голову в петлю... как вдруг двери распахнулись, и в комнату вошли Гитон с Эвмолпом. Они вернули меня к жизни, не допустив до рокового шага. Гитон, немедленно перейдя от огорчения к гневу, поднял крик и, толкнув меня обеими руками, повалил на кровать.

— Ты ошибся, Энколпий, — вопил он, — полагая, что раньше меня можешь умереть. Я первый, еще в доме Аскилта искал

---

[318]) Отрывок из аналогичного предложения можно, кажется, видеть у Луцилия, VII, 3:

Qui te diligat, aetati facieque tuae se	... Чтобы тебя он любил, покровителем юности стал бы
Fautorem ostendat fore amicum polliceatur.	И красоты твоей, обещая быть другом (навеки).

меча. Не найди я тебя, давно бы был я на дне пропасти: сам знаешь, не далека смерть от ищущих ее. Гляди же на то, чем хотел заставить меня любоваться.

С этими словами он выхватил из чехла у Эвмолпова слуги бритву и, дважды полоснув себя по шее, пал к нашим ногам. Я взвизгнул и, грохнувшись вслед за ним, тем же орудием пытался кончить жизнь. Но ни я боли не ощутил, ни у Гитона никакой раны не оказалось. Бритва была не выправлена и нарочно притуплена, чтобы приучать к смелости подмастерий цырюльника и набить им руку. Поэтому и слуга не испугался, когда у него выхватили бритву, и Эвмолп не остановил театрального самоубийства.

XCV. Пока между влюбленными разыгрывалась эта комедия, в комнату вошел хозяин с продолжением обеда и, увидев все это безобразие и людей, катающихся по полу, вскричал:

— Что вы — пьяны? Или беглые рабы? Или и то и другое? Кто кровать столбом поставил? И зачем эти тайные приготовления? Ей богу, вы за комнату платить не хотите и ночью удрать собираетесь! Но это вам даром не пройдет. Узнаете вы, что этот дом не сирой вдовице принадлежит, а Марку Маницию [319]).

— Ты — угрожать?! — гаркнул на него Эвмолп и закатил ему основательную оплеуху. Хозяин, изрядно насосавшийся со своими гостями, запустил в голову Эвмолпа глиняным горшком, раскроил ему лоб и стремглав пустился наутек. Эвмолп, не снеся оскорбления, схватил деревянный подсвечник и помчался вслед за ним, частыми ударами мстя за поруганную честь. Рабы и множество пьяных гостей выбежали на шум.

Я же, воспользовавшись случаем отомстить Эвмолпу, обратно его не пустил и, расплатившись с буяном тою же монетой, без всякой помехи собрался воспользоваться комнатой и ночью. Между тем поварята и всякая челядь наседают на поэта: один норовит ткнуть ему в глаза вертелом с горячими потрохами; другой, схватив кухонную рогатку [320]), стал в боевую готовность; в особенности какая-то старуха, с гноящимися глазами, в непарных деревянных сандалиях, подпоясанная грязнейшим холстяным платком, притащив огромную цепную собаку, наускивала ее на Эвмолпа. Но тот своим подсвечником отражал все опасности.

XCVI. Мы видели всю эту суматоху сквозь дырку в двери, только что пробитую самим Эвмолпом: убегая из комнаты, он выломал ручку. Мне было приятно смотреть, как его бьют. Гитон же, по обычной своей доброте, все порывался распахнуть двери и броситься на помощь гибнувшему. Гнев мой еще не утих, я не мог сдержать руки и дал сострадательному мальчику резкий и жгучий щелчок в голову. Он заплакал от боли и присел на постель. Я же то одним, то другим глазом подглядывал в дырочку, искренно довольный скверным положением Эвмолпа, как будто ел вкусное блюдо. Но тут в самую свалку врезались носилки, несомые двумя лектикариями; в них возлежал прокуратор дома Баргат, оторванный скандалом от своего обеда: ходить он не мог, ибо болел ногами. Долго и сердито ругал он бродяг и пьяниц, как вдруг, заметив Эвмолпа, вскричал:

— Ты ли это, превосходнейший поэт? И не рассеялись в мгновение ока пред тобою эти скверные рабы? И они посмели поднять на тебя руки? [Потом, наклонившись к уху Эвмолпа, шепнул]:

— Сожительница моя [321]) что-то нос задирать стала. Поэтому, если любишь меня, отделай ее в стихах, чтоб она устыдилась.

XCVII. Пока Эвмолп перешептывался с Баргатом, в трактир вошел глашатай, в сопровождении общественного служителя и изрядной толпы любопытных. Размахивая более дымящим, чем светящим факелом, он возгласил:

---

[319]) Insula (букв. „остров“) — дом, со всех сторон окруженный улицами. Такие корпуса, б. ч., в два этажа или более, имели один или несколько внутренних дворов. Иногда каждый этаж имел отдельного собственника, иногда же весь дом принадлежал одному лицу (в данном случае Марку Маницию). Внизу обычно помещались лавки или таверны (одну из коих арендовал и наш трактирщик), а наверху — жилые помещения.

[320]) (Furca) de carnario — собственно, рогатка с крючка для подвешивания мяса; рогаткой (furca) пользовались, чтобы снимать с него мясо (см. н. гл. CXXXVI).

[321]) Из этого видно, что прокуратор был рабом. (См. 207).

— Недавно сбежал из бань мальчик, 16-ти лет, кудрявый, нежный, красивый, по имени Гитон. Тысяча нуммов тому, кто вернет его или укажет его местопребывание.

Тут же, рядом с глашатаем, стоял Аскилт в пестрой одежде [322], держа в руках серебряное блюдо с обещанной наградой и пра вительственным актом. Я приказал Гитону живо залезть по кровать и уцепиться руками и ногами за ременную сетку кро вати, на которой держался тюфяк, и так, вытянувшись под тюфя ком, спасаться от рук сыщиков, как некогда Улисс висел по брюхом барана. Не медля, Гитон повиновался и так умело пови на матрасе, что и Улисса за пояс заткнул. Я же, чтоб устранит всякое подозрение, набросал на кровать одежду, придав ей тако вид, будто на ней сейчас валялся человек моего роста. Межд тем Аскилт, осмотрев вместе с общественным служителем вс комнаты, подошел и к моей и тут преисполнился надеждами, те более, что нашел дверь тщательно запертой. Общественны служитель, всунув в щелку топор, живо сломал замок. Я упа к ногам Аскилта, заклиная его старой дружбой, памятью былых вместе пережитых страданий, еще хоть раз показать мне брата

— Я знаю, Аскилт, — восклицал я, — желая сделать боле правдивыми мои притворные мольбы, — я знаю, ты убить мен пришел: иначе, зачем тебе топоры? Насыть же гнев свой на! руби мою шею, пролей кровь, которой ты жаждешь, (придя под предлогом иска.

Аскилт смягчился. Он сказал, что ищет лишь беглеца; о не хочет ни смерти, ни мучений того человека, который ему несмотря на размолвку, все-таки дорог.

XCVIII. Общественный же служитель тем временем не дре мал, но, вырвав из рук трактирщика длинную тростинку, истыка ею кровать, обыскав каждую дырочку в стене. Затаив дыхани Гитон, чтобы спастись от ударов, так крепко прижался к тюфяку что лицом касался постельных клопов. [Только ушли они, как

[322]) Как те, которые совершают какой-либо публичный акт.

комнату ворвался Эвмолп, которого теперь не удерживали сло анные (служителем) двери.

— (Поймал, поймал), — завопил он в сильном возбуждении, — оймал тысячу нуммов: догоню сейчас глашатая, заявлю, что итон у тебя и предам тебя, как ты того заслуживаешь.

Я упал на колени перед непреклонным, умоляя не добивать мирающего.

— У тебя были бы основания так горячиться, — говорил я, — сли бы ты мог указать выданного тобою. В суматохе мальчик бежал, не могу даже представить куда. Умоляю, Эвмолп, найди альчика и возврати хотя бы Аскилту.

Пока я убеждал уже начинавшего верить Эвмолпа, Гитон, е будучи в состоянии дольше сдерживаться, трижды под ряд ихнул так, что кровать затряслась. Эвмолп, оглянувшись на шум, ожелал Гитону долго здравствовать. Подняв матрас, он увидел ашего Улисса, которого и голодный Циклоп пощадил бы.

— Это что такое, разбойник? — спросил он. — Пойманный поличным, ты еще смеешь врать? Ведь если бы некий бог, казующий пути человеческие, не вырвал у висящего мальчика казания, я бы сейчас метался по всем трактирам, ища его.

[Но] Гитон, куда более ласковый, чем я, первым долгом при ожил к его рассеченному лбу намасленной паутины; затем при рыл его изодранное платье своим плащом, обнял его и, когда от размяк, стал ублажать его поцелуями.

— Под твое, дорогой отец, — говорил он, — под твое покро вительство мы отдаем себя. Если ты любишь твоего Гитона, спаси его. Пусть сожжет меня злой огонь! Пусть бурное море оглотит меня! Я причина, я источник всех злодеяний! Погибну и враги помирятся.

[Растроганный и горем Энколпия, и горем Гитона, вспомнив ласки последнего, Эвмолп сказал:

— Дурачье вы, настоящее дурачье. С этакими-то каче ствами — жить да поживать, а вы влачите жалкое существование и каждый день терзаете друг друга новыми пытками].

XCIX. — Я лично всегда и везде так живу, что стараюсь использовать всякий день, точно это последний день моей жизни. [Если хотите мне подражать, выкиньте из головы все тревоги. Аскилт вас ищет здесь: бегите от него, следуйте за мною в чуждые пределы. Сегодня ночью должно отойти судно, на котором я еду: там меня прекрасно знают, и примут вас великолепно.

Мне совет этот показался разумным и полезным, потому что я и от Аскилта избавлялся, и более счастливая жизнь мне обещалась. Побежденный добротой Эвмолпа, я очень сокрушался, зачем его обидел: горько раскаивался я в своей ревности, источнике стольких зол]. Со слезами просил и умолял я его вернуть мне свое расположение: любящие не властны в ужасном чувстве ревности, но впредь ни словом, ни делом я его не оскорблю. Пусть он, как подобает учителю красоты, бесследно забудет несносную боль обиды. Долго лежит снег на необработанных диких местах; но где земля блестит от плуга, он тает скорее инея. Так же и гнев в сердце человеческом: владеет умами дикими, скользит мимо утонченных.

— Знаешь, — сказал Эвмолп, — ты прав. Этим поцелуем я кончаю все ссоры. Вот! Итак, чтобы все пошло гладко, собирайте вещи и идите за мной, или, если угодно, я пойду за вами.

Он еще не кончил, как кто-то сильно постучался, и на пороге появился матрос с всклокоченной бородой.

— Чего ты копаешься, Эвмолп, — сказал он, — словно не знаешь, что надо поторапливаться?

Немедля мы встали, и Эвмолп, разбудив своего слугу, приказал ему нести поклажу. Я же, с помощью Гитона, свернул все, что нужно на дорогу, и, помолившись звездам [323]), взошел на корабль.

---

[323]) Т.-е. Диоскурам, утренней и вечерней звезде, покровителям и путеводителям странников. Эти два сына Зевса и Леды изображались со звездами на шлемах. Со времени победы Постумия над латинянами при Регилльском озере, Диоскуры (Castores) считались покровителями Рима, где у них было 3 храма.

С. [Мы приютились в укромном уголке на кормовой палубе. молп улегся спать, так как до рассвета было еще далеко. ы же с Гитоном ни на минутку не могли сомкнуть глаз. Тревожно думал я, что в лице Эвмолпа появился у меня соперник аснее Аскилта, и очень этим мучился. Но рассудок, наконец, олел тревогу]. Неприятно (конечно), что мальчик приглянулся тю? Но что же из того? Разве лучшее в природе не есть щее достояние? Солнце всем светит. Луна с бесчисленным мом звезд даже зверей выводит на добычу. Что красивее ды? Однако для всех она течет. Почему же только любовь лжна быть предметом кражи, а не наградой? Не желаю я благ их, каким никто завидовать не будет. Притом — один, да е старый, — совсем неопасен: если он и позволит себе что-будь, так из-за одной одышки у него ничего не получится. покоив ревнивую душу сими уверениями и обернув туникой ову, я вздремнул. Вдруг, словно судьба нарочно решила ушить мое спокойствие, над навесом кормы чей-то голос оныл:

— Значит, он надо мной насмеялся?

Этот знакомый ушам моим мужской голос заставил меня рогнуть. Вслед затем какая-то не менее возмущенная женна сказала, кипя негодованием:

— Если какой-нибудь бог предаст Гитона в мои руки, устрою же прием этому беглецу.

У нас обоих кровь в жилах застыла от этой неожиданности. словно терзаемый бурным сновидением, долго не мог овладеть лосом. Пересилив себя, дрожащими руками я принялся дергать полу спящего Эвмолпа.

— Заклинаю тебя честью, отец, можешь ли ты сказать мне, это корабль и кто на нем едет?

Недовольный беспокойством, Эвмолп проворчал:

— Затем ли ты заставил нас выбрать самое укромное место палубе, чтобы не давать нам покоя? Прибавится тебя, что ли,

если я скажу, что хозяин корабля — Лих, тарентинец, и он в Тарент некую Трифэну [324])?

CI. Я затрепетал, как громом пораженный, и, обнажив шею, воскликнул:

— Ну, теперь, судьба, ты окончательно добила меня.

А Гитон, лежавший у меня на груди, даже потерял соз Но лишь только, сильно пропотев, мы пришли в себя, я колени Эвмолпа и сказал:

— Сжалься над погибающими. Протяни нам руку пс ради общности твоих и моих желаний [325]). Смерть около нас и, если ты не спасешь нас, она будет нашим сением.

Огорошенный (рассказом о нашей) вражде (с Лихом), Э стал клясться богами и богинями, что не имеет ни мале понятия о случившемся и что советом своим он вовсе не ввести нас в какой-либо коварный обман. (Он утверждал) без всякой задней мысли и, напротив, с самой чистой сов поместил нас в качестве своих спутников на это судно, ко еще перед тем, наметил для своего путешествия.

— Где же, — говорит, — тут опасность? И что это за Ган такой едет с нами? Уж не скромнейший ли это из людей, тарентинец, что является хозяином не только этого, рукс мого им судна, но сверх того еще нескольких поместий и гового дома [326]) и везет теперь на корабле своем груз, ко он должен доставить на рынок? Так вот он каков, этот К и архипират, по милости которого мы едем. Кроме не корабле находится еще прекраснейшая из женщин, Три которая ради удовольствия ездит по свету.

---

[324]) Tryphaenam exulem — т.-е. „изгнанницу" или „путешествен Так как мы не знаем предыдущей истории Трифэны, то и остави слово без перевода.

[325]) Т.-е. ради нашей общей любви к Гитону.

[326]) Familiae negociantis — вероятно, имеются в виду не только в отпущенники, торговавшие от его имени, но и рабы-приказчики.

— Но это как-раз те, от кого мы бежим, — возразил Гитон и тут же изложил оторопелому Эвмолпу причину их ненависти и угрожающей нам опасности.

Поэт смутился и, не зная, что бы такое посоветовать, велел каждому изложить свое мнение.

— Представим себе, — говорит, — что мы попали в пещеру к Киклопу и нам необходимо отыскать какой-нибудь способ из нее выбраться, если только, конечно, мы не предпочтем броситься в море и тем избавиться от всякой опасности.

— Нет, — возразил ему на это Гитон, — ты лучше постарайся убедить кормчего зайти в какой-нибудь порт, за что, разумеется, ему будет заплачено. Скажи ему, что брат твой не может выносить морского путешествия и находится при смерти. А чтобы кормчий проникся чувством сострадания и уступил твоей просьбе, эту выдумку можешь приправить слезами и растерянным выражением лица.

— Это невозможно, — возразил Эвмолп: — большому судну зайти в порт стоит немалых трудов, да и неправдоподобным может показаться, что брат ослабел так скоро. К тому же возможно, что Лих сочтет своей обязанностью взглянуть на больного. А для нас, как ты сам знаешь, было бы лучше всего, если бы хозяин как можно дальше находился от беглецов. Но допустим даже, что корабль может свернуть со взятого им курса, а Лих не станет обходить койки с больными; каким же образом сойдем мы на берег так, чтобы никто не обратил на нас внимания? С покрытыми головами, или с непокрытыми? Если с покрытыми, то кто же не захочет протянуть больному своей руки? Если с непокрытыми, то не значит ли это — выдать себя с головой?

CII. — А не лучше ли было бы, — воскликнул я, — пойти прямо на ура: спуститься по веревке в шлюпку и, обрезав канат, остальное предоставить судьбе? Тебя, Эвмолп, на этот рискованный шаг я, конечно, не приглашаю. Что за необходимость невинному человеку подвергаться опасности из-за других?

Я вполне удовольствуюсь надеждой на какой-нибудь случай, который может нам помочь во время спуска.

— Совет неглупый,— сказал Эвмолп,— если бы только была возможность им воспользоваться. Что же, по-твоему, так никто и не увидит, когда вы будете уходить? Особенно, как ускользнете вы от глаз неусыпного кормчего, который всю ночь напролет наблюдает за движением созвездий? Если бы он даже и заснул, вы не могли бы надуть его иначе, как устроив побег свой только с другой стороны судна. А спускаться вам придется как-раз через корму, около самого руля, потому что именно там привязан канат, держащий лодку. Кроме того, я удивляюсь, Энколпий, как тебе не пришло в голову, что в лодке постоянно находится матрос, который и днем, и ночью стережет ее, и что этого караульного удалить оттуда никоим образом невозможно? Его, конечно, можно убить или силою выбросить за борт,— но в состоянии ли вы это сделать, о том справьтесь у собственной смелости. А что касается до того, буду ли я сопровождать вас или не буду, то нет опасности, которую я отказался бы разделить с вами, если только она дает какую-нибудь надежду на спасение. Я думаю, что и вы не захотите ни с того, ни с сего рисковать своей жизнью, как вещью ничего не стоящей. Ну, а вот это как вам понравится? Я положу вас вместе с различным платьем в два кожаных мешка, свяжу их ремнями, и они будут находиться при мне в качестве багажа. А чтобы вам можно было свободно дышать и принимать пищу, у мешков придется, конечно, приоткрыть несколько края. А потом заявлю во всеуслышание, что, испугавшись слишком сурового наказания, рабы мои ночью бросились в море. Когда же благоприятный ветер доставит, наконец, нас в порт, не навлекая на себя никаких подозрений, я преспокойно вынесу вас на берег, как кладь.

— Великолепно! — говорю я. — Ты собираешься запаковать нас, точно мы со всех сторон закупорены и нам не приходится считаться с желудком, и точно мы не храпим и не чихаем. Разве я только что не провалился с подобной же хитростью?

Но допустим, что, запакованные таким образом, мы даже в состоянии будем провести один день. Что же дальше? Вдруг нас дольше чем следует задержит на море штиль или сильная непогода. Что тогда делать? Ведь даже на одежде, которая долго оставалась запакованной, появляется множество морщин и складок; даже листы пергамента, если их связать вместе, в конце концов теряют свою первоначальную форму. Так возможно ли, чтобы мы, юные и совершенно еще непривычные к таким тяготам, могли вынести, как истуканы, всю эту кучу разного тряпья и ремней? Нет, нужно постараться найти какой-нибудь другой путь к спасению. Вот лучше рассмотрите-ка, что придумал я. У Эвмолпа, как человека, занимающегося литературной деятельностью, непременно должны быть при себе чернила. С помощью их мы перекрасимся с головы до ног. Таким образом, мы, с радостью служа тебе в качестве эфиопских рабов, и пыток несправедливых избежим, и фальшивой окраской надуем врагов.

— Отчего не так!—сказал Гитон.—Ты, пожалуй, предложишь еще устроить нам обрезание [327]), чтобы сделаться похожими на иудеев; в подражание арабам—проколоть уши, а чтобы и галлы свободно могли принимать нас за своих сограждан,—мелом натереть себе лица [328]). Точно посредством одной только окраски

---

[327]) Об обрезании евреев говорит одно из стихотворений, приписываемых Петронию (Д.-Г. XVII), при чем обнаруживает, какие понятия о еврейской религии были распространены в древности.

1. Пусть, как угодно, еврей божество обожает свиное,
Пусть, как угодно, он чтит силу небесных ушей (т.-е осла),
Все-таки, если себе он крайнюю плоть не обрежет
И не очистит ее от оболочки ножом,
Должен он будет бежать изгнанником в греческий город
И необязан встречать шабаш суровым постом.
Знак благородства у них и признак свободного рода
Только один: не иметь робких к обрезанью рук.

[328]) Исидор Севильский (Orig. XIX, 23, ц. Д.-Г.): „Иудеи обрезают крайнюю плоть, арабы пробуравливают уши... У мавров (= негров) тела чернее ночи, у галлов сияющая белизной кожа". — „Галлы, благодаря белизне кожи, первоначально назывались галатами (от греческого gala = молоко. Д.-Г.).

можно видоизменить до неузнаваемости всю свою внешность. Точно нет никакой необходимости согласовать очень многое для того, чтобы обман более или менее похож был на правду. Допустим даже, что краска довольно долго не сойдет с лица: предположим, что вода, случайно попав на тело, не будет оставлять на нем после себя никаких пятен; что чернила не станут прилипать к нашему платью, а они нередко пристают к нему даже и в том случае, когда к ним не прибавлено клею. Прекрасно Но каким образом сделаем мы до безобразия пухлыми свои губы? Разве мы сможем каламистром [329]) искурчавить себе волосы? Избороздить лбы рубцами? А как искривить нам свои ноги? Удлинить пятки [330])? Как устроить бороду на чужеземный манер? Искусственная краска пачкает тело, но не меняет его. Послушайте меня. В нашем отчаянии нам одно только осталось: замотаем головы в одежды и погрузимся в бездну.

CIII. — Ни боги, ни люди не должны допустить,— воскликнул Эвмолп,—чтобы вы кончили жизнь свою так постыдно. Нет. Лучше уже сделайте так, как я вам прикажу. Слуга мой, как вам известно после происшествия с бритвой,—цирюльник. Так вот, пусть он немедленно же обреет вам обоим не только головы, но и брови [331]). Я же затем сделаю на лбу у каждого из вас по искусной надписи, чтобы вас принимали за клейменых. Эти буквы [332]) прикроют ваши лица пятном позорного наказания и отвлекут от вас подозрения ищущих.

[Это предложение нам понравилось и], не откладывая дела, мы, крадучись, отошли к одному из корабельных бортов и отдали головы вместе с бровями во власть цырюльника. Затем Эвмолп громадными буквами украсил нам обоим лбы и щедрой рукой

[329]) Каламистр — металлический прут для завивания, соответствующий теперешним щипцам.

[330]) Moretum. Так африканский народ всем видом себя обличает:
Гривой курчавой, раздутой губою и темной окраской,
Грудью широкой, сосцами отвислыми, чревом поджатым,
И искривленной икрой, и большой выдающейся пяткой.

[331]) Как тяжким преступникам.

[332]) Буквы F и Ф, которыми клеймили беглых (Fugitivi) рабов.

вывел через все лицо общеизвестный знак беглых рабов. Как на грех, один из пассажиров, перегнувшись через корабельный борт, облегчал страдающий от морской болезни желудок. Проклявши наше бритье, как скверное предзнаменование,— потому что в подобной обстановке оно означало обыкновенно последнюю жертву при кораблекрушении [333]),—он снова повалился на койку. Не обратив внимания на проклятия блюющего, мы снова приняли печальный вид и, соблюдая полную тишину, провели остальные часы этой ночи в тревожном полусне. [А когда наступил день и Эвмолп узнал, что Трифэна уже встала, он тотчас же отправился в каюту Лиха. После разговоров на тему о весьма удачном путешествии, которое предвещала прекрасная погода, Лих вдруг обратился к Трифэне и говорит]:

CIV. — (Сегодня ночью) явился мне во сне Приап и сказал: „Да будет тебе известно, что я привел на твой корабль Энколпия, которого ты ищешь“.

(Услышав это), Трифэна вздрогнула и проговорила:

— Подумать только! Мы с тобой точно одним сном спали. Ведь и мне приснилось, будто явилась ко мне статуя Нептуна, которую я видела в Байях, в тетрастиле, и сказала: „Гитона ты найдешь на корабле у Лиха“.

— А знаешь, — заметил на это Эвмолп, — как осуждает эту чепуху в остроумнейших речах сам божественный Эпикур [334]):

Сны, что, подобно теням, порхая, играют умами,
Не посылаются нам божеством ни из храма, ни с неба,
Всякий их сам для себя порождает, покуда на ложе
Члены объемлет покой и ум без помехи резвится,
Ночью дневные дела продолжая. Так, воин, берущий
Город на щит и огнем пепелящий несчастные стогна,
Видит оружье, и ратей разгром, и царей погребенье,
И наводненное кровью пролитою ратное поле.
Тот, кто хлопочет в судах, законом и форумом бредит

[333]) Волосы считались жертвой, угодной богам, так же как и первая борода. (См. в 74).

[334]) Эпикур. См. CXXXII (сл. также 286).

И созерцает во сне, содрогаясь, судебное кресло.
Золото прячет скупой и вырытым клад свой находит.
С гончими мчится ловец по лесам, и корабль свой спасает
В бурю моряк, или сам, утопая, хватает обломки.
Пишет блудница дружку. Матрона любовь покупает.
Даже собака, во сне, преследует с лаем зайченка.
Так же во мраке ночей продолжаются муки страдальцев [335]).

Несмотря на это, Лих, по случаю сна Трифэны, совершил очистительный обряд и сказал:

— Никто не помешает нам произвести на корабле обыск, чтобы не казалось, будто мы пренебрегаем указаниями божественного промысла.

Вдруг Гес, тот самый пассажир, что заметил ночью нашу злосчастную проделку, воскликнул:

— Кто же это, однако, брился сегодня ночью при лунном свете? Ей богу, (для других это послужит) самым скверным примером! Я не раз слышал, что никому из смертных, если море спокойно, нельзя, находясь на корабле, стричь ни волос, ни ногтей.

CV. Встревоженный этими словами, Лих вспыхнул от гнева и крикнул:

— Неужели кто-нибудь в такую тихую ночь решился снять свои волосы? Немедленно доставить мне сюда виновных! Я хочу знать, чьими головами придется очистить оскверненное судно.

— Это было сделано по моему приказу, — сказал Эвмолп.— Ведь мне приходилось на одном и том же корабле плыть с этими преступниками, а я хотел, чтобы предзнаменования для меня оказались благоприятными. К тому же у них были очень длинные спутанные волосы, и я вовсе не желал делать корабль твой похожим на тюрьму, почему и велел осужденным снять с себя всю эту мерзость. Вместе с тем я имел в виду, чтобы всем и каждому в полном виде бросались в глаза их клейма, которые,

---

[335]) Этого стихотворения нет в рукописи. Оно находится в числе фрагментов, приписываемых Петронию. (Бюх. XXX).

прикрываясь до сих пор волосами, были недостаточно заметны. Они, между прочим, виноваты в том, что растратили мои деньги на квартире у общей подруги, откуда я извлек их прошлою ночью, залитых вином и благовониями. В общем, от них и теперь еще попахивает остатками моего состояния.

Но чтобы умилостивить Тутелу [205]) корабля, Лих все-таки приказал отсыпать каждому из нас по сорока ударов, к чему и было приступлено немедленно же. К нам с веревками в руках приступили свирепые матросы с намерением ублажить Тутелу нашей низменной кровью. Что касается до меня, то первые три удара я переварил с мужеством истинного спартанца. А Гитон, наоборот, после первого же удара издал такой пронзительный крик, что до уха Трифэны сразу же донесся хорошо знакомый голос. Этот привычный звук всполошил не только ее, но и всех ее служанок, которые немедленно устремились к наказуемому. Уже Гитон удивительной красотою своею обезоружил жестоких матросов и начал без слов умолять их о пощаде, когда служанки в один голос воскликнули:

— Да это Гитон! Гитон!.. Удержите ваши бесжалостные руки!.. Это Гитон! Госпожа! На помощь!

Трифэна и слушать не стала: она и без того убеждена была в этом и стрелой полетела к мальчику. Лих, великолепно меня знавший, тоже прибежал, будто и он услышал знакомый голос. Он не стал рассматривать ни моих рук, ни лица, но тотчас же направил свои взоры на другой орган и, наложив на него услужливую руку, сказал:

— Здравствуй, Энколпий.

Еще некоторые удивляются, что кормилица Улисса через двадцать лет отыскала рубец, указывающий на его происхождение, в то время как этому мудрецу, несмотря на все перемены в чертах моего лица, достаточно было этого единственного указания, чтобы так блестяще определить своего беглеца Тут Трифэна, поддавшись обману, залилась горькими слезами. обратив внимание на буквы, она подумала, что лбы наши на

самом деле были заклеймены. Затем тихим голосом принялась выспрашивать, в какую тюрьму посадили нас за бродяжничество и чьи жестокие руки решились на такое мучительство, (но тут же добавила), что, проявив за все ее добро одну только черную неблагодарность и убежав, мы все же заслужили известное наказание.

CVI. Тут Лих выскочил вперед и в сильном гневе воскликнул:

— О, простодушная женщина! Да разве эти буквы выжжены железом? О, если бы чело их на самом деле осквернилось подобными надписями! Это послужило бы нам величайшим утешением. Теперь же мы стали жертвой шутовской проделки; эти поддельные надписи — насмешка над нами.

В Трифэне не совсем еще потухла (прежняя) страсть; поэтому она предлагала сжалиться над нами. Но Лих, памятуя о совращении жены и оскорблениях, некогда нанесенных ему в портике Геркулеса[336]), с еще большим возмущением на лице воскликнул:

— Я думаю, ты великолепно знаешь, Трифэна, что бессмертные боги всегда принимают участие в человеческих делах. Ведь это они привели к нам на корабль ничего не подозревающих преступников, а нас посредством двух совершенно сходных и вполне согласующихся с действительностью снов, предупредили о том, что сделали. Так вот теперь и смотри сама, хорошо ли будет, если мы простим тех, кого само божество привело сюда для возмездия. Что касается лично меня, то я совсем не жесток. Я только боюсь, как бы самому не пришлось претерпеть то, от чего я их избавлю.

Под влиянием столь суеверных слов Трифэна переменила мнение и стала утверждать, что она вовсе не против наказания и, напротив, даже настаивает на этом, по ее мнению весьма справедливом, возмездии, так как оскорблена ничуть не менее Лиха, достоинство которого самым постыдным образом осмеяно было на глазах у всех. [Видя, что Трифэна во всем с ним

[336]) Эти слова и вызвали к жизни большую интерполяцию Нодо (гл. XI).

совершенно согласна, Лих велел наказание усилить и возобновить нашу пытку. Услышав об этом, Эвмолп попытался смягчить его, говоря:

CVII.—Эти несчастные, которых ожидает теперь гибель от твоей карающей руки, умоляют тебя, Лих, сжалиться над ними]. Меня же, как человека тебе небезызвестного, они выбрали для переговоров и просили примирить между собою бывших закадычных друзей. Не думаете же вы в самом деле, что эти юноши чисто случайно попали в такую беду; ведь каждый пассажир первым долгом старается узнать, чьему попечению он вверяет (свое благополучие). Вы же, получив такое удовлетворение, смените гнев свой на милость и позвольте свободнорожденным людям без недостойных оскорблений ехать к месту назначения. Даже самый безжалостный и неумолимый господин старается обыкновенно сдерживать свою жестокость, если раскаяние приводит обратно беглого раба. Ведь мы даже врагов щадим, если они сдаются. Чего же вы еще добиваетесь? Чего хотите? Вот они перед глазами вашими — коленопреклоненные, оба молодые, благородные, незапятнанные и, что важнее всего, некогда вам близкие. Если бы даже они растратили ваши деньги, если бы предательством осквернили ваше доверие, — то и тогда, клянусь Геркулесом, вы могли бы удовольствоваться понесенным ими наказанием. Вот, вы видите на лбах у них знаки рабства, видите благородные лица, заклейменные добровольным покаянием.

Тут Лих перебил Эвмолпа среди просьб его и ходатайств и сказал:

— Ты не сбивай меня с толку, а возьми лучше каждую вещь в отдельности. Прежде всего, если они пришли сюда по своей собственной воле, то зачем же в таком случае обрили себе головы? Кто меняет свой облик, тот приуготовляет обман, а не удовлетворение. Затем, допустим, что они на самом деле решили добиваться через тебя примирения с нами; почему же ты делал все, чтобы скрыть от нас своих подзащитных? Отсюда следует, что преступники действительно благодаря лишь случаю

попали под палку, а ты посредством хитрости пытался провести нашу бдительность. Ты стараешься очернить наше дело, крича, что они свободнорожденные и честные. Но смотри, как бы защита твоя не проиграла от этого заявления. Что же должен делать оскорбленный, когда виновник сам приходит к нему за возмездием?.. Они были нашими друзьями?—Тем большего наказания они заслуживают: оскорбивший незнакомца зовется разбойником; оскорбивший друга приравнивается почти что к отцеубийце.

Эвмолп прервал эту неблагосклонную речь и сказал:

— Насколько я понимаю, несчастные юноши обвиняются только в том, что остриглись ночью. Одно только это и служит, как будто, доказательством того, что они случайно попали на корабль, а не сами пришли. И мне бы очень хотелось, чтобы все дело было воспринято вами столь же безобидно, сколь простодушно оно совершалось. Ведь они, еще до того как сесть на корабль, собирались освободить свои головы от тягостной и ненужной обузы; только слишком поспешное отплытие заставило их отложить на некоторое время выполнение этого намерения. Но они совершенно не предполагали, что многое будет зависеть от того, в каком месте они его исполнят: ибо не знали ни примет, ни обычаев морского плавания.

— А что за необходимость была брить себе головы, когда они решили просить прощения?—перебил его Лих.—Уж не потому ли, что плешивые должны сильнее возбуждать к себе сожаление? Но что толку искать правды через посредника? Что скажешь ты сам, разбойник? И что за саламандра уничтожила твои брови [337])? И какому богу обещал ты принести в жертву свои волосы? Отвечай же, кудесник! Отвечай!

[337]) „Древние полагали, что кровь или даже слюна саламандры (особый вид ящерицы) имеет свойство уничтожать волосы... Диоскорид (1,54) говорит, что для этого достаточно натереться кровью саламандры; другие добавляют, что надо утопить ее в растительном масле и воспользоваться этим маслом... Плиний Старший (XXIX, 23) утверждает, что достаточно натереть какую угодно часть тела, хотя бы кончик ноги, слюною саламандры, чтобы волосы немедленно попадали со всего тела". (Д.-Г.).

CVIII. Объятый страхом перед наказанием, я замер и в смятении не находил слов, чтобы сказать хоть что-нибудь по поводу этого до очевидности ясного дела. К тому же, я был очень смущен и до того обезображен постыдным отсутствием волос на голове и, главное, на бровях, которые теперь совершенно сравнялись со лбом, что мне казалось прямо неприличным что-нибудь сказать или сделать. Но когда кто-то проехался по моему заплаканному лицу мокрой губкой и, только размазав чернила, слил все черты лица в одну сплошную черную массу, от затаенного гнева я перешел вдруг к ненависти.

Между тем Эвмолп стал говорить, что он не потерпит, чтобы кто-нибудь, вопреки законам божеским и человеческим, позорил людей свободных, и наконец принялся противодействовать угрозам наших палачей не только словом, но и делом. На помощь к нашему защитнику бросились его слуга и еще одиндругой пассажир; но последние были очень слабы и служили более поощрением к борьбе, чем действительной подмогой. Я уже ни о чем для себя не просил, но, указывая руками прямо на Трифэну, во все горло кричал, что, если эта непотребная женщина, единственная на всем корабле достойная порки, не отстанет от Гитона, то я сумею воспользоваться своей силой. Смелость моя еще более рассердила Лиха. Он вдруг вспыхнул и начал негодовать на то, что я, оставив свое собственное дело, наговорил так много, защищая другого. Не менее его разъярилась и Трифэна, возмущенная моими оскорбительными словами, и это послужило поводом к тому, чтобы весь экипаж нашего корабля разбился на две враждебные партии. С одной стороны — слуга-цырюльник и сам вооружился, и нас наделил своими инструментами; с другой — челядь Трифэны готовилась выступить на нас с голыми руками. И само собою разумеется, дело наше не обошлось без громких криков служанок. Один только кормчий заявил, что, если не прекратится неистовство, возникшее из-за сладострастия каких-то прохвостов, он тотчас же перестанет управлять кораблем. Несмотря на это,

все-таки продолжалась самая отчаянная свалка: они дрались ради мести, мы — ради спасения жизни. С той и другой стороны многие свалились уже замертво, многие отступили, точно с поля сражения, покрытые кровью и ранами. И, однако, ярости от этого ни в ком не убавилось. Тут отважный Гитон поднес к своему члену смертоносную бритву, угрожая отрезать эту причину стольких злоключений; но Трифэна, нисколько не скрывая, что все ему простила, воспрепятствовала столь великому злодеянию. Я, со своей стороны, тоже не один раз приставлял к своей шее бритвенный нож, но намерение мое зарезаться было не серьезнее, чем угрозы Гитона. Только он еще смелее разыгрывал трагедию, зная, что в руках у него та самая бритва, которой он уже попробовал однажды перехватить себе горло. Обе стороны все еще стояли друг против друга, и было очевидно, что бой опять разгорится с новой силой; но тут с большим трудом кормчему удалось убедить Трифэну, чтобы она, взяв на себя обязанности парламентера, устроила перемирие. И вот, после того как, по обычаю отцов, стороны обменялись клятвами, Трифэна, держа перед собою оливковую ветвь, взятую из рук корабельной Тутелы, решилась начать переговоры.

Что за безумье, кричит, — наш мир превращает в сраженье?
Чем заслужила того наша рать? Ведь не витязь троянский
На корабле умыкает обманом супругу Атрида [338]),
И не Медея, ярясь, упивается братскою кровью [339]).
Сила отвергнутой страсти мятется! О, кто призывает
Злую судьбу на меня, средь валов потрясая оружьем?
О, удовольствуйтесь смертью моей, не старайтесь усилить
Злобной пучины морской потоками пенистой крови.

CIX. После этих слов, произнесенных женщиной с волнением в голосе, войска колебались очень недолго; и призванные

[338]) Т.-е. среди нас нет Париса, похитившего Елену, жену Менелая, сына Атрея.

[339]) Медея, дочь колхийского царя Айета, уезжая вместе с Ясоном и увозя Золотое Руно, была настигнута братом Абсиртом, коего она и Ясон вероломно убили.

к миру дружины прекратили враждебные действия. Эвмолп, в качестве начальника нашей стороны, решил немедленно воспользоваться столь благоприятными обстоятельствами и, произнеся, прежде всего, самое суровое порицание Лиху, заставил подписать скрижали мира, сими словесами вещавшие [340]):

— „Согласно твоему добровольному решению ты, Трифэна, не будешь взыскивать с Гитона за причиненные им тебе неприятности; не будешь упрекать или мстить за проступки, буде таковые им до сего времени совершены; и вообще не будешь стараться каким-либо иным способом преследовать его. Не уплатив ему предварительно (за каждый отдельный раз) по сто динариев наличными деньгами, ты не должна принуждать мальчика против его воли ни к объятиям, ни к поцелуям, ни к союзу Венеры. Так же точно и ты, Лих, согласно твоему добровольному решению, не должен больше преследовать Энколпия оскорбительными словами или суровым видом; не должен спрашивать у него, с кем проводит он свои ночи; а если будешь требовать в этом отчета, — обязуешься за каждое подобное оскорбление уплачивать ему наличными деньгами по двести динариев“.

Когда договор в таких словах был заключен, мы сложили оружие; а чтобы после обоюдной клятвы в душах у нас не осталось даже признака старой злобы, словом, чтобы совершенно покончить с прошлым, мы решили обменяться поцелуями. Таким образом раздор наш, по всеобщему желанию, прекратился, и трапеза, принесенная на самое поле сражения, при веселом настроении всех собутыльников послужила к вящшему примирению Весь корабль огласился песнями, а так как вследствие внезапно наступившего безветрия судно прекратило свой бег, (многие принялись за рыбную ловлю): одни били рыбу трезубцами в тот миг, когда она выскакивала из воды; другие вытаски-

[340]) Желая придать акту больше комической торжественности Петроний начинает говорить архаическим языком судебных формул (ex tui animi sententia). В тексте Панкука даже queis.

вали сопротивляющуюся добычу крючками с приманкой. А один ловкач принялся, с помощью специально сплетенных для этого из тростника приспособлений, охотиться на морских птиц, которые начали уже садиться на рею. Прилипая к обмазанным клеем прутьям, они сами давались в руки; и заиграл ветерок летучими пушинками; и начали плавать по морю их перья, крутясь вместе с легкою пеной. Уже у меня с Лихом опять стали устанавливаться хорошие отношения; уже Трифэна успела плеснуть в лицо Гитону из своего кубка остатками вина [341]) — когда Эвмолп, тоже сильно захмелевший, захотел вдруг поострить над плешивыми и клеймеными. Исчерпав все пошлые остроты на эту тему, он наконец принялся за свои стихи и продекламировал нам небольшую элегию [342]) о волосах:

(ЭЛЕГИДИАРИЙ НА ПЛЕШИВЫХ)

Кудри упали с голов, красы наивысшая прелесть.
Юный, весенний убор злобно скосила зима,
Ныне горюют виски, лишенные сладостной тени.
Отмолотили хлеба: мрачно зияет гумно.
Сколь переменчива воля богов! Ибо первую радость,
В юности данную нам, первой обратно берет.

———

Бедный! только что ты сиял кудрями,
Был прекраснее Феба и Фебеи.
А теперь ты голей чем медь, чем круглый
Порожденный дождем сморчок садовый.
Робко прочь ты бежишь от дев - насмешниц.
И чтоб в страхе ты ждал грядущей смерти,
Знай, что часть головы уже погибла.

CX. Эвмолп, кажется, собирался декламировать еще дольше и еще более нескладно, чем раньше, но как - раз в это время одна из служанок Трифэны увела с собой Гитона в нижнюю каюту и надела ему на голову парик своей госпожи. Затем

[341]) La goutte d'amour.

[342]) Elegidiarion. Он, однако, не выдерживает формы элегии и с элегического дистиха переходит на одиннадцатисложник.

ытащила из баночки накладные брови и, искусно подражая орме утерянных, вернула таким образом мальчику всю его расоту. (Теперь только) Трифэна признала в нем настоящего итона; от волнения она даже расплакалась и в первый раз оцеловала его от всего сердца.

Я тоже был рад, что мальчику возвратили прежнюю привлекательность; зато собственное лицо стал прикрывать еще тщательнее: ведь я знал, что отличаюсь теперь необыкновенным безобразием, из-за которого даже Лих не удостаивает меня разговора. Но та же самая служанка мне помогла в этом горе: она отозвала меня в сторону и снабдила не менее прекрасной шевелюрой. Парик был белокурый, и поэтому лицо мое стало даже приятнее, чем обыкновенно.

А Эвмолп, этот наш всегдашний защитник среди опасностей и создатель теперешнего общего согласия, из боязни, как бы не увяло без прибауток наше веселое настроение, принялся во всю болтать на тему о женском легкомыслии. (Говорил), как легко они влюбляются, как скоро забывают своих возлюбленных; говорил, что не существует на свете женщины настолько скромной, чтобы новая страсть не в состоянии была довести ее до исступления; он-де вовсе не намерен доказывать свои положения, приводя в качестве примеров старинные трагедии или известные из истории имена; но что, если мы захотим его слушать, он может рассказать нам об одном факте, который совершился на его памяти. И видя, что все повернулись к нему лицами и приготовились слушать, Эвмолп начал таким образом:

CXI.— В Эфесе жила некая матрона, отличавшаяся столь великой скромностью, что даже из соседних стран женщины приезжали посмотреть на нее. Когда же умер ее муж, она, не удовольствовавшись народным обычаем провожать покойника с распущенными волосами или ударяя себя на виду у всех по обнаженной груди, последовала за умершим мужем даже в могилу и, когда тело, по греческому обычаю, положили в подземелье,

осталась охранять его там, в слезах проводя дни и н
Находясь в таком сильном горе, она решила уморить себ
дом, и ни родные, ни близкие не в состоянии были
нить ее от этого решения. Даже городские власти
лись, не добившись никаких результатов. Все плакали
на эту женщину, на этот единственный в своем роде
(супружеской верности). Уже пятые сутки проводила
принимая никакой пищи. Печально сидела с ней ее
служанка. Заливаясь слезами, она делила горе своей г
и по временам заправляла светильник, поставленный на м
ную плиту, как только замечала, что он начинает г
В городе только и разговоров было, что про нее. Люд
званий сходились в том убеждении, что впервые пришл
увидеть блестящий пример истинной любви и верности.

Между тем, как-раз в это время правитель той област
казал неподалеку от подземелья, в котором вдова плакал
свежим трупом, распять нескольких разбойников. А чтоб
нибудь не стянул разбойничьих тел, желая предать их по
нию, возле крестов поставили на стражу одного с
С наступлением ночи он заметил, что среди надгробных
ников откуда-то льется довольно яркий свет, услышал
несчастной вдовы и, по любопытству, свойственному всем
человеческому, захотел узнать, кто это и что там делаетс
немедленно спустился в склеп и, увидев там женщину з
тельной красоты, точно перед чудом каким, точно встрети
лицом к лицу с тенями загробного мира, некоторое время
в смущении. Затем, когда увидел наконец лежащее пере
мертвое тело, когда рассмотрел ее слезы и исцарапанное н
лицо, он, конечно, понял, что это только женщина, к
после смерти мужа не может от горя найти себе покоя.

343) У римлян покойника либо хоронили, либо сжигали на (см. н. гл. CXV). Последний способ пользовался большей распрос ностью; но и Плиний, и Цицерон сходятся в том, что погребение — более древний. Тело иногда 7 дней лежало в доме.

он принес в склеп свой скромный обед и принялся убеждать плачущую (красавицу), чтобы она перестала понапрасну убиваться и не терзала груди своей бесполезными рыданиями. (Он говорил), что всех ожидает один конец, всем уготовано одно и то же жилище. Говорил и многое другое, чем обыкновенно стараются утешать людей, переживающих сильное горе. Но она, под влиянием утешений незнакомого человека, еще сильнее принялась царапать свою грудь и, вырывая из головы волосы, стала бросать их на грудь покойника. Солдата это, однако, не обескуражило, и он не менее убедительно стал уговаривать бедную вдовушку немножко поесть. Соблазнившись винным запахом, служанка наконец почувствовала, что она не в состоянии больше противиться учтивому приглашению солдата, и сама первая протянула побежденную руку. И вот, подкрепив пищей и вином свои силы, она тоже начала бороться с упорством своей госпожи.

— Что пользы в том, — говорила служанка, — если ты умрешь голодной смертью? Если заживо похоронишь себя? Если самовольно испустишь неосужденный дух, прежде чем это потребует от тебя твоя судьба?

„Мнишь ли, что слышат тебя усопшие тени и пепел?“ [344])

Не лучше ли будет, если ты останешься в живых? Не лучше ли будет, если ты, отказавшись от своего жалкого заблуждения, попрежнему начнешь наслаждаться благами жизни, пока тебе это будет позволено? Самый вид этого недвижного тела уже должен убедить тебя остаться в живых.

Всякий охотно слушает, когда его уговаривают есть или жить. Потому вдова наша, которая, благодаря столь продолжительному воздержанию от пищи, уже сильно ослабела, позволила, наконец, сломить свое упорство и принялась за еду с такою же жадностью, как и служанка, которая сдалась первою.

344) С небольшим изменением = Эн. IV, 34. (Анна говорит Дидоне): Мнишь ли ты сим воскресить усопшие тени и пепел.

CXII. Вы, конечно, знаете, на что нас часто соблазняет сытость. Солдат с помощью таких же ласковых слов, которыми добился того, что матрона согласилась остаться в живых, принялся атаковать и ее стыдливость. К тому же, он казался этой целомудренной женщине человеком вовсе не безобразным и даже не лишенным дара слова. Да и служанка старалась расположить свою госпожу в его пользу и то и дело повторяла:

...Ужели отвергнешь любовь, что по сердцу?
Или не знаешь ты, чьи поля у тебя перед глазами? [345])

Но что там много толковать? Женщина с этой стороны своего тела тоже потерпела полное поражение: победоносный воин и на этот раз ее убедил. Они провели во взаимных объятиях не только эту ночь, в которую справили свою свадьбу; но то же самое было и на следующий, и даже на третий день. А двери в подземелье на случай, если бы к могиле пришел кто-нибудь из родственников или знакомых, разумеется, заперли, чтобы казалось, будто эта целомудреннейшая из жен умерла над телом своего мужа. Солдат же, восхищенный и красотою возлюбленной, и таинственностью приключения, покупал, насколько позволяли его средства, всякие лакомства и, как только смеркалось, немедленно относил их в подземелье. А в это время родственники одного из распятых, видя, что за последними нет почти никакого надзора, сняли ночью с креста его тело и предали погребению. Воин, который всю ночь провел в подземельи, только на следующий день заметил, что на одном из крестов недостает тела. Трепеща от страха перед наказанием, рассказал он вдове о случившемся, (говоря), что не станет дожидаться приговора суда, а собственным мечом осудит себя за свое нерадение, и просил, чтобы она оставила его, когда он умрет, в этом подземельи и положила в ту же роковую могилу

[345]) Эн. IV, 38—9. Анна этими словами уговаривает Дидону не отказываться от Энея, так как земля ее окружена врагами. Здесь „чьи поля" относится, повидимому, к Елисейским полям, так как матрона Эфесская уже видит перед собою смерть.

возлюбленного и мужа. Она же, не менее сострадательная, чем целомудренная, отвечала:

— Неужели боги допустят до того, что мне придется почти одновременно увидеть смерть двух самых дорогих для меня людей? (Нет!) Я предпочитаю повесить мертвого, чем погубить живого.

Согласно этому, она дала совет вытащить мужа из гроба и пригвоздить его к пустому кресту. Солдат немедленно воспользовался блестящей мыслью рассудительной женщины. А на следующий день все прохожие недоумевали, каким образом мертвый взобрался на крест.

CXIII. (Громким) хохотом встретили моряки этот рассказ, а Трифэна любовно склонилась своим сильно зарумянившимся лицом на плечо Гитона. Лих не смеялся. С сердитым видом, покачав головой, он сказал:

— Если бы правитель был человеком справедливым, он непременно приказал бы тело мужа положить обратно в могилу, а жену его распять.

Без сомнения, ему вспомнилась Гедила и разграбление корабля во время нашего своевольного переселения [346]). Но слова договора не дозволяли ему напоминать об этом; да и охватившее всех веселье не давало возможности затеять новую ссору. Трифэна в это время сидела на коленях у Гитона и то осыпала его грудь поцелуями, то принималась поправлять его фальшивые волосы. Я печально сидел на своем месте, мучился невыносимо этим новым сближением, ничего не ел, ничего не пил и только искоса сердито поглядывал на обоих. Все поцелуи, все ласки, измышляемые похотливой женщиной, терзали мое сердце. И, однако, я до сих пор все-таки не знал, на кого я больше сержусь, — на мальчика за то, что он отбивает у меня приятельницу, или на приятельницу за то, что она развращает моего мальчика. А в общем, и то, и другое было мне чрезвычайно противно и даже тягостнее, чем

[346]) Эти слова весьма трудно перевести точно, ибо они намекают события, рассказ о коих утерян. Кто такая Гедила?

недавнее узничество. К этому присоединялось еще то обстоятельство, что ни Трифэна не заговаривала со мной, как с человеком близким и некогда милым ей любовником, ни Гитон не удостаивал меня чести хотя бы мимоходом выпить за мое здоровье или, по крайней мере, вовлечь меня в общий разговор. Мне кажется, он просто боялся, как бы в самом же начале наступившего согласия опять не растравить рану (в сердце Трифэны). От огорчения грудь моя переполнилась, наконец, слезами; глубокими вздохами старался я подавить в себе рыдания, которые как бы выворачивали мою душу.

[И, однако, несмотря на весь мой унылый вид, светлый парик придавал физиономии моей какую-то новую привлекательность, и Лих, вновь воспылав ко мне любовью, заморгал вдруг похотливыми глазками и] пытался получить свою часть удовольствия, при чем он уже не принимал повелительного тона, а просил лишь дружеской благосклонности.

[Долго Лих безуспешно меня уговаривал и, когда наконец увидел, что совершенно отвергнут, переменил вдруг любовь на ярость и силой попытался добиться того, чего ему так хотелось. Но тут совсем неожиданно вошла Трифэна и захватила его как раз в тот момент, когда он проявлял свою необузданность. В сильном замешательстве Лих тщательно во что-то завернулся и убежал. Затем Трифэна, настроенная еще более страстно, чем Лих, задала мне такой вопрос:

— Чем же все-таки кончилась эта дерзкая выходка Лиха?

И заставила меня обо всем ей рассказать. Сильно подогретая рассказом и вспомнив сверх того нашу старую связь, она вздумала склонить меня попрежнему с ней позабавиться. Но мне только что пришлось испытать это удовольствие в достаточной степени с Лихом, и, чувствуя себя утомленным, я самым решительным образом отверг ее ласки. Она же, придя от страсти в полное неистовство, яростно схватила меня в свои объятия и так крепко сдавила, что я неожиданно для самого себя громко вскрикнул. На крик прибежала одна из служанок и сразу же вообразила себе, что я насилием хочу добиться от ее госпожи как раз того, в чем сам ей отказывал. Стремительно бросившись к нам, она оттащила нас друг от друга. Оттолкнутая, таким образом, и не в состоянии больше выносить своего похотливого исступления, Трифэна сначала набросилась на меня с угрозами всякого рода, а затем помчалась к Лиху, чтобы восстановить его против меня еще больше и, сообща с ним, приняться мне мстить. Но дело в том, что некогда, во дни близости моей с госпожей, я и служанке этой был весьма непротивен. Поэтому она ужасно рассердилась, застав меня с Трифэной в таком непрезентабельном виде, и начала весьма глубоко вздыхать, я горячо принялся расспрашивать ее о причине вздохов], пока служанка, после долгого колебания, наконец, не выпалила:

— Если в тебе течет хоть капля благородной крови, ты должен относиться к ней не лучше, чем к девке; если ты действительно мужчина, ты не пойдешь к этой шлюхе.

Все это наполнило душу мою сомнением и беспокойством. Но стыднее всего было то, что о случившемся узнает величайший насмешник Эвмолп и примется мстить (им) за воображаемую обиду в своих стихотворениях.

[Его горячее заступничество, без сомнения, выставило бы меня на всеобщее посмешище, а этого именно я и опасался больше всего. Но в то время, как я тщательно взвешивал про себя, каким образом устроить, чтобы Эвмолп ничего не узнал, он сам вдруг вошел ко мне, уже достаточно обо всем осведомленный. Трифэна немедленно передала всю историю Гитону и даже сделала попытку от него получить удовлетворение отвергнутой мною страсти. Это глубоко возмутило Эвмолпа, тем более, что дерзкие поступки подобного рода открыто нарушили пункты договора, которые всеми были приняты. Заметив, что я сильно опечален, старец велел мне рассказать, как было дело. Видя, что ему почти все известно, я откровенно ему обо всем рассказал—и о бесчестном насилии Лиха, и про похотливые нападки Трифэны. Выслушав все до конца], Эвмолп в самых

выразительных словах поклялся [за нас отомстить, говоря, что боги слишком справедливы и не потерпят поэтому, чтобы подобные преступления остались безнаказанными].

CXIV. Пока мы рассуждали об этом и тому подобных вещах, на море поднялось большое волнение, небо обложило со всех сторон тучами, и день потемнел. Матросы в страхе бросились по своим местам и в ожидании бури убрали паруса. Но ветер гнал волны то в одну, то в другую сторону, и кормчий совершенно не знал, какого ему курса держаться. То ветер гнал нас по направлению к Сицилии, то поднимался аквилон, этот частый гость италийского берега, и во все стороны швырял наше покорное судно. Но что было опаснее всяких бурь, так это нависшая внезапно над нами тьма, до того непроглядная, что кормчий не мог рассмотреть, как следует, даже корабельного носа.

И вот, о Геркулес! когда буря разыгралась во всю, Лих обратился ко мне, трепеща от страха, и, протягивая с мольбою руки, воскликнул:

— Энколпий, помоги нам в опасности, возврати судну систр [347]) и священное одеяние. Заклинаю тебя, сжалься над нами, прояви присущее тебе милосердие!

Он все еще вопил, когда внезапно налетел сильный шквал и сбросил его в море. Буря завертела его в своей неумолимой пучине и, выбросив еще раз на поверхность, наконец поглотила. Тут самые преданные из слуг Трифэны поспешно схватили свою госпожу и, посадив ее вместе с большею частью багажа в лодку, спасли от верной смерти. А я, прижавшись к Гитону, громко плакал и говорил ему:

— Мы заслужили от богов, чтобы они сочетали нас только в смерти. Но безжалостная судьба отказала нам даже в этом. Смотри,—волны начинают уже опрокидывать наше судно. Смотри! Уже скоро гневное море разделит объятия любящих. Итак, если

[347]) Музыкальный инструмент, употреблявшийся при богослужениях в культе Изиды.

ты на самом поделе полюбил Энколпия, то подари его поцелуем, пока еще можно. Вырви из рук немедлящей судьбины эту последнюю радость.

Лишь только я это сказал, Гитон (быстро) разделся и, прикрывшись моей туникой, подставил мне лицо для поцелуев, а чтобы слишком яростная волна не разлучила соединенных, он одним поясом связал обоих, говоря:

— Если не случится чего-нибудь другого, то по крайней мере долго нас, связанных вместе, будет носить (по волнам своим) море. А быть может, оно сжалится и выбросит нас вместе на берег, и какой-нибудь прохожий, из простого человеколюбия, набросает на тела наши камней, или же, в крайнем случае, яростные волны замоют их незаметно песком.

Я даю связать себя последними узами и лежа, как на смертном одре, ожидаю кончины, которая уже не страшит меня... Буря между тем заканчивала то, что ей было предписано роком, и бросилась уничтожать все остатки нашего корабля. На нем не было теперь ни мачт, ни руля, ни канатов, ни весел. Подобно неотесанному бесформенному обрубку носился он по воле волн. Появились уже и рыбаки, приплывшие на своих маленьких лодках в надежде на грабеж и добычу. Но, заметив на палубе людей, готовых защищать свое имущество, сменили грабеж на помощь.

CXV. (Вдруг) мы услыхали странные звуки, которые раздавались из-под каюты кормчего: точно дикий зверь рычал, желая вырваться на свободу. Пойдя на звук, мы наткнулись на Эвмолпа: он сидел и на огромном пергаменте выписывал какие-то стихи. Пораженные тем, что Эвмолп даже на краю гибели находит возможным заниматься своими поэмами [348]), мы, несмотря на его крики, выволокли его наружу и велели образумиться. А он, рассердившись, что ему помешали, кричал:

[348]) Эвмолп, повидимому, следует примеру Овидия (Д.-Г.) (Trist, I, 10):
Кажется мне, на меня дивилися даже Циклады,
Как средп рокота волн грозных писал я стихи.
Ныне и сам я дивлюсь, как в бурях морских и душевных
Не изменил мне тогда стихосложения дар.

— Дайте же мне возможность закончить фразу: поэма уже идет к концу.

Тут я ухватил рыкающего от гнева сумасброда и велел Гитону помочь мне отвезти его на землю. И вот, когда это было устроено, мы добрались наконец, печальные, до рыбачьей хижины и, кое-как подкрепившись испорченной во время кораблекрушения снедью, провели там невеселую ночь.

На следующий день, во время совещания, в какую нам сторону направиться, я вдруг заметил, что легкая зыбь крутит и прибивает к нашему берегу человеческое тело. С печалью в сердце стоял я и увлажненным взором созерцал вероломство моря.

— Может быть,—воскликнул я,—в какой-нибудь части света ждет его спокойная супруга или сын, не знающий о буре, или отец, которого он оставил и, отправляясь в дорогу, наделил (последним) поцелуем. Вот они, человеческие расчеты! Вот они, наши честолюбивые помыслы! Вот он, человек, которого волны носят теперь по своему произволу!

До сих пор я оплакивал его, как незнакомого. Но когда волна повернула утопленника с нисколько не изменившимся лицом прямо к берегу, я увидел Лиха, этого не так давно ужасного и неумолимого ко мне человека, лежащим почти что у ног моих. Я не мог дольше удерживать слез, но, вновь и вновь ударяя себя в грудь, повторял:

— Где же теперь твоя ярость? Куда девалась вся твоя необузданность? Твое тело предоставлено на растерзание рыбам и морским чудовищам. Недавно ты хвастал своим могуществом, и вот, после кораблекрушения, от твоего громадного корабля ни доски не осталось. Наполняйте же, смертные, наполняйте сердца ваши гордыми помыслами. Будьте, будьте предусмотрительны, — распределяйте ваши богатства, приобретенные обманом и хитростью, на тысячу лет. Ведь и этот только вчера еще внимательно разбирался в счетах своего имущества; ведь и он мечтал о том дне, когда наконец достигнет берегов

своей родины. О, боги и богини!—как далеко лежит он теперь от намеченной цели. Но не одно только море так вероломно к людям. Одному в сражении изменяет оружие. Другого погребают под собой развалины дома в тот миг, когда он дает обеты богам. Иному приходится испустить непоседливый дух, вылетев из повозки. Обжору душит пища, умеренного — воздержание. Словом если, поразмыслить, то крушения (ждут нас) повсюду. Правда, поглощенный волнами не может расчитывать на погребение. Но точно существует какая - нибудь разница в том, каким образом истреблено будет тело, обреченное на гибель, — огнем, водой или временем? Что там ни делай, все на одно выйдет. Однако тело могут растерзать дикие звери... Но разве лучше, если пожрет его пламя? Напротив, когда мы гневаемся на рабов своих, то наказание огнем считаем самым тяжелым. Итак, что за безумие стремиться к тому, чтобы малейшая частица нашего тела не оставалась без погребения, когда сама судьба точно таким же образом разрешает этот вопрос, совершенно не справляясь с нашим желанием.

[После всех этих рассуждений мы воздали покойнику последний наш долг], и тело Лиха сгорело на костре, сложенном руками его врагов. Эвмолп же, сочиняя надгробную надпись, устремил вдаль свои взоры, призывая к себе вдохновение.

CXVI. С удовольствием окончив это дело, мы пустились в намеченный путь и, немного спустя, покрытые потом, уже взбирались на гору; с нее открывался вид на какой-то город, расположенный совсем недалеко от нас на высоком холме. Блуждая (по незнакомой местности), мы не знали, что это такое, пока, наконец, какой-то хуторянин не сообщил нам, что это древнейший, когда-то первый город Италии, Кротона. Затем, когда мы более подробно принялись расспрашивать его, что за люди населяют это знаменитое место и какого рода делами предпочитают они заниматься, после того как частые войны свели на нет их богатство, — он так нам ответил:

— О чужестранцы, если вы — купцы, то советую вам отказаться от ваших намерений; постарайтесь лучше отыскать какие-нибудь другие средства к существованию. Если же вы люди более городской складки и умеете непрестанно лгать, тогда вы на верном пути к обогащению. Ибо науки в этом городе не в почете, красноречию в нем нет места, а воздержание и нравственность не пожинают похвал. Знайте, что все люди, которых вы увидите в этом городе, делятся на две категории: уловляемых и уловляющих. В Кротоне никто не признает своих детей [349], потому что того, кто имеет законных наследников, не допускают ни на торжественные обеды, ни на общественные зрелища; лишенный всех этих привилегий, он принужден укрываться в обществе всякой сволочи. Но люди, никогда не женившиеся и не имеющие близкой родни, достигают самых высоких почестей; другими словами — только их и признают за людей, наделенных военной доблестью, великим мужеством и примерной честностью [350]). Вы увидите, — сказал он, — город, напоминающий собой пораженную чумою равнину, на которой нет ничего, кроме терзаемых трупов да терзающих воронов.

CXVII. Эвмолп, как человек более предусмотрительный, принялся обдумывать этот, совершенно новый для нас, род занятий и заявил наконец, что он ровно ничего не имеет против такого способа обогащения. Я думал сначала, что старец наш просто шутит, по своему поэтическому легкомыслию, но он с самым серьезным видом добавил:

— О, будь у меня вид побогаче, т.-е. платье поприличнее, свита попышнее, чтобы всякий мог верить моей лжи, — поистине, я не стал бы тянуть эту лямку, а сразу довел бы вас до большого богатства.

Под условием, что он согласится делиться со мной своею добычей, я обещал Эвмолпу доставить все необходимое —

[349]) Букв. „не поднимает". По римскому обычаю, новорожденного клали на землю. Если отец признавал его, то поднимал с земли. В противном случае, его подкидывали. (Д. - Г.).

[350]) За ними ухаживают в надежде получить наследство.

и платье, и разные другие предметы, которые попали нам в руки при ограблении виллы Ликурга.

— А что касается денег на текущие расходы, то Матерь богов [351]) по вере нашей пошлет нам их.

— В таком случае зачем откладывать нашу комедию в долгий ящик? — воскликнул Эвмолп. — Если вы, действительно, ничего не имеете против подобной аферы, то признайте меня своим господином.

Никто из нас не осмелился с осуждением отнестись к этой проделке, тем более, что терять нам было нечего. А для того, чтобы замышляемый обман остался между нами, мы, повторяя за Эвмолпом слова (обета), торжественно поклялись терпеть и огонь, и оковы, и побои, и насильственную смерть, и все, что бы ни приказал нам Эвмолп, — словом, как форменные гладиаторы, предоставили и души свои, и тела в полное распоряжение хозяина. Покончив с клятвой, мы, нарядившись рабами, склонились перед повелителем. Затем сговорились, что Эвмолп будет отцом, у которого умер сын, юноша, отличавшийся красноречием и подававший большие надежды. А чтобы не видеть больше ни клиентов своего умершего сына, ни товарищей его, ни могилы, глядя на которую он каждый день предавался горьким слезам, — несчастный старик решил уехать из своего родного города. К горю его прибавило свою долю только что пережитое им кораблекрушение, из-за которого он потерял более двух миллионов сестерций. Но не потеря денег волнует его, а то, что, лишившись также и всех своих слуг, он не в состоянии теперь появиться ни перед кем с подобающим его достоинству блеском. А в Африке он до сих пор является обладателем капитала в тридцать миллионов сестерций, который частью заключается в землях, частью в капиталах, помещенных у некоторых лиц наличными деньгами. Кроме того, по нумидийским землям у него

[351]) Матерь богов — Рея, жена Кроноса, мать Зевса, Геры, Гестии, Деметры, Аида, Посейдона. В Риме ее культ введен после войны с Ганнибалом. Статуя ее была перенесена из Песина, где ее почитали под именем Агдисты. Она называется также Кибелой. Жрецы ее — кастраты. Празднества в честь ее — Мегалесии. Храм — на Палатинском холме.

разбросано повсюду такое громадное количество рабов, что с ними свободно можно было бы овладеть хотя бы Карфагеном.

Согласно этой формуле, мы посоветовали Эвмолпу, во-первых, кашлять как можно больше, затем притвориться, точно он страдает желудком, а поэтому при людях отказываться от всякой еды, и, наконец, говорить только о золоте и серебре, о своих вымышленных имениях и о постоянных неурожаях. Кроме того, он обязан был изо дня в день корпеть над счетами и чуть не ежечасно переделывать завещание. А для полноты картины, чтобы всем бросалось в глаза, будто он все еще вспоминает отсутствующих слуг, он должен путать имена всякий раз, когда ему придется позвать к себе кого-нибудь из нас.

Распределив таким образом (свои роли), мы помолились богам, чтобы все хорошо и удачно кончилось, и отправились дальше. Но и Гитон не мог долго выносить непривычной нагрузки, и наемный слуга, Коракс, позор своего звания, тоже частенько ставил багаж свой на землю и ругался при этом, почему мы так спешим, утверждая, что он или бросит где-нибудь свою ношу, или убежит от нас вместе с нею.

— Что вы,—говорит,—считаете меня за вьючное животное, что ли, или за транспортное судно? Я отдал внаймы человеческую силу, а не лошадиную. Я такой же свободный человек, как и вы, хотя отец и оставил меня бедняком.

Не довольствуясь бранью, он то и дело поднимал кверху ногу и наполнял дорогу непристойными звуками и отвратительным запахом. Гитон смеялся над его строптивостью и всякий раз голосом передразнивал эти звуки.

CXVIII. Но и тут поэт вернулся к своему творчеству.

— Очень многих, молодые люди,—начал Эвмолп,—стихи вводят в заблуждение: удалось человеку втиснуть несколько слов в стопы или вложить в период сколько-нибудь тонкий смысл— он уж и воображает, что взобрался на Геликон [352]). Так, например, после общественных дел люди нередко, как к тихой пристани, прибегают к спокойному занятию поэзией, думая, что сочинить поэму легче, чем контроверсу, уснащенную блестящими фразочками. Но человек более благородного образа мыслей не любит относиться к делу поверхностно; настоящий ум не может ни написать, ни выпустить произведения, не орошенного потоком научных занятий. Необходимо тщательно избегать всех выражений, так сказать, подлых и выбирать слова, далекие от плебейского языка, согласно слову поэта [353]),

Невежд гнушаюсь и ненавижу чернь...

Кроме этого, нужно стремиться к тому, чтобы содержание не выступало из выраженной стихами формы, а, наоборот, совершенно с ней слившись, блистало единством красоты. Об этом свидетельствует Гомер, лирики, римлянин Виргилий и удивительное счастье в выборе выражений у Горация. А другие или совсем не видали пути, по которому следует подходить к поэтическому произведению, или опасались вступить на него. Вот, например, описание гражданской войны: кто бы ни взялся за этот сюжет без достаточных литературных познаний, будет подавлен трудностями. Ведь дело совсем не в том, чтобы в стихах изложить факты,—это историки делают куда лучше; нет, свободный дух должен устремляться в потоке сказочных вымыслов по таинственным переходам, мимо святилищ богов, чтобы (песнь) казалась скорее вдохновенным пророчеством исступленной души, чем достоверным показанием, потвержденным свидетелями [354]).

---

[352]) Геликон (в Беотии) — гора Муз.

[353]) Гораций (Carm. III, 1).

[354]) Таким образом Петроний здесь высказывает тот же принцип, которого он, как мы видели, придерживался и в своем опыте эпической поэмы о Трое. (Сл. 294): сюжет должен уступать первенство поэтическим украшениям, а именно фантастическим образам и фигуральным оборотам, свойственным „пророчеству исступленной души“.

Все критики сходятся на том, что слова: „дело не в том, чтобы в стихах изложить факты и т. д.“ относятся к „Фарсалии“ Лукана (39 — 65 по Р. Х.), а самая „поэма о гражданской войне“ возникла в виде реакции против сухого изложения, пропитанного односторонней

CXIX. (ПЕСНЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ)

Римлянин царь-победитель владел без раздела вселенной;
Морем, и сушей, и всем, что двое светил освещают.
Но ненасытен он был. Суда, нагруженные войском,
Рыщут по морю, и, если найдется далекая гавань
Или иная земля, хранящая желтое злато,
Значит, враждебен ей Рим. Среди смертоносных сражений
Ищут богатства [355]). Никто удовольствий избитых не любит,
Благ, что затасканы всеми давно в обиходе плебейском.
Так восхваляет солдат корабельный эфирскую бронзу [356]);
Краски из глубей земных в изяществе с пурпуром спорят [357]).
С юга шелка нумидийцы нам шлют, а с востока китайцы [358]).
Опустошает для нас арабский народ свои нивы.
Вот и другие невзгоды, плоды нарушения мира!
Тварей лесных покупают за злато и в землях Аммона [359]),
В Африке дальней спешат ловить острозубых чудовищ,
Ценных для цирка убийц. Чужестранец голодный, на судне
Едет к нам тигр и шагает по клетке своей золоченой,
Завтра при кликах толпы он кровью людскою упьется.
Горе мне! Стыдно вещать про позор обреченного града!
Вот, по обычаю персов, еще недозрелых годами
Мальчиков режут ножом и тело насильно меняют
Для сладострастных забав, чтоб на зло годам торопливым

политической тенденцией (см. O. Ribbeck. Gesch. d. röm. Dichtung, III, 124; Schanz. Gesch. d. röm. Lit., II, 2, 93). В области формы разница особенно сказывается в привлечении большого количества мифологических образов. Еще бо́льшая разница — в центральном образе: Петроний воспевает Цезаря-героя, Лукан — Цезаря-тирана, губителя римской свободы. Все это, однако, не мешает обоим современникам сходиться во многих частностях, как увидим ниже.

[355]) Сл. те же мысли у Лукана: Phars. I, 160:

Так покоривши весь мир веленьем Фортуны, привез он
Много богатств, и от жизни счастливой испортились нравы.
Роскошь рождают добыча от войн и грабеж беспощадный,
Меры нет злату, постройкам; в презреньи умеренность прежних
Трапез отцовских . . . .

167: . . . . со всей вселенной усиленно свозят
Все, от чего города погибают . . . . .

[356]) Эфира — старое название Коринфа; о коринфской бронзе см. гл. L.

[357]) Минеральная краска в противоположность пурпуру, добывавшемуся из крови морских улиток.

[358]) Сл. Вирг. Георг. II, 121.

[359]) Аммон — египетский бог.

Истинный возраст их скрыть искусственной этой задержкой [360]).
Ищет природа себя, но не в силах найти, и эфебы
Нравятся всем изощренной походкою мягкого тела,
Нравятся кудри до плеч и одежд небывалые виды,—
Все, чем прельщают мужчин. Привезенный из Африки ставят
Стол из лимонного древа, что краской рябин неудачно
С золотом спорит; рабы уберут его пурпуром пышным,
Чтоб восхищал он умы. Вкруг этих заморских деревьев [361]),
Всеми напрасно ценимых, сбираются пьяные толпы.
Жаден бродяга-солдат, развращенный войной, ненасытен:
Выдумки—радость обжор [362]); и клювыш [316]) из волны сицилийской
Прямо живьем подается к столу: уловляют в Лукрине [363]).
И продают для пиров особого вида улиток,
Чтоб возбуждать аппетит утомленный. По берегу Фаса [314]),
Верно, уж птиц не осталось: одни на немом побережьи
Средь опустевшей листвы ветерки свою песнь распевают.
То же безумство на Марсовом поле [364]); подкуплены златом,
Граждане там голоса подают ради мзды и наживы.
О, продажный народ и продажные сонмы сената!
Плебс рукоплещет за деньги; исчезла свободная доблесть
Прежних старейшин, и власть изменила прожившим именье.
Даже величие прежних родов обесчещено златом.
Изгнан народом Катон побежденный [365]); но более жалок
Тот, кто к стыду своему лишил его ликторских связок [366]).
Ибо—и в этом позор для народа и смерть благонравья!—
Не человек удален, а померкло владычество Рима,
И сокрушилась краса. И Рим, безнадежно погибший,
Сделался сам для себя никем неотмщенной добычей.

---

[360]) Евнухи, будучи безбородыми, долго сохраняют обличие отроков, но стареют сразу. (Это дает Публилию повод сказать (Sent. A 24): Aetas cinaedum celat, aetas indicat).

[361]) Речь идет о лимонном дереве, которое было в большой цене.

[362]) Ingeniosa gula est. Этот полустих повторяется у Марц. XIII, 62. (Collignon).

[363]) Лукрин — озеро в Кампании.

[364]) Где собиралось народное собрание.

[365]) В 55 г. до Р. Х., в консульство Помпея и Красса. По проискам этих последних Катон Младший лишился претуры.

[366]) Сл. Лукан. Phars. I, 178:

Ликторских связок лишают за деньги: народ (развращенный)
Милость свою продает.

Рост баснословный процентов[367]) и множество медной монеты—
Эти два омута бедный народ завертели и съели.
Кто господин в своем доме? Заложено самое тело!
Так вот сухотка, не слышно до мозга костей проникая,
Яростно члены терзает, и все ухищрения тщетны.
Ищут спасенья в войне[368]). Достаток, сметенный излишком,
Ранами лечат. Голыш, обнаглев, ничего не теряет.
Рим, погрузившийся в грязь и лежащий в немом отупеньи,
Может ли чем-нибудь быть пробужден (если здраво размыслить),
Кроме свирепой войны и страстей возбужденных оружьем?

CXX.

Трех вождей унесла Фортуна, которых жестоко
Злая, как смерть, Эниó[369]) задавила под грузом оружья.
Красс у Парфян погребен, на почве Ливийской — Великий,
Юлий же кровью своей обагрил непризнательный город[370]).
Точно не в силах нести все три усыпальницы сразу[371]),
Их разделила земля. Воздаст же им почести слава.
Место есть, где среди скал зияет глубокая пропасть
В Парфенопейской земле[372]) по пути к Дикархиде великой[373]);
Воды Кокита шумят в глубине, и дыхание ада

---

[367]) Эту же причину падения приводит Лукан (1,181).
[368]) Лук. I, 182: „Война многим полезна".
[369]) Энио, спутница Ареса, богиня войны.
[370]) Лициний Красс погиб первым из триумвиров: в 53 г. он был предательски убит во время переговоров с парфянским суреной (нечто в роде канцлера или великого визиря).
Гней Помпей Великий убит Птоломеем в 48 г. во время высадки в Египте.
К. Юлий Цезарь пал от рук заговорщиков в сенате 15 марта 44 г
[371]) Смелая гипербола, пожалуй, не очень наглядная. Однако античный вкус ее одобрил устами Марциала, который, вероятно, подражает Петронию в эпиграмме V, 74:

Юных Помпеев скрывает Европа и Азия также.
Ливия же — самого, если он может быть скрыт.
Не мудрено, если он разбросан повсюду на свете:
Прах столь великий в одном месте не может лежать (Д.-Г.).

[372]) Парфенопеей называется Неаполь, по имени своей родоначальницы, сирены Парфенопы. (См. 15).
[373]) Или Дикайархия, греческое название Путеоли. Эпитет „великая" может оказаться полезным для гипотезы о близком отношении автора Сатирикона к этой колонии (?). (См. Предисловие § 4).

Рвется наружу из недр, пропитано жаром смертельным
Осенью там не родится плодов; даже травы не всходят
Там на веселом лугу; никогда огласиться не может
Мягкий кустарник весеннею песней нестройной и звучной.—
Мрачный там хаос царит, и торчат ноздреватые скалы,
И кипарисы толпой погребальною их покрывают.
В этой заброшенной местности, пламя костров извергая,
Дия - отца[374]) разверзается зев, перессыпанный пеплом,
И к перелетной Фортуне взывает такими словами:
„Ты, что богов и людей подчиняешь всесильною властью
И не миришься никак ни с одною устойчивой властью[375]),
Ты, что падка на новинки, но быстро любимцев бросаешь,
Разве себя признаешь ты сраженной величием Рима?
Иль ты не в силах столкнуть обреченной на гибель громады?[376])
В Риме давно молодежь ненавидит могущество Рима,
Об охраненьи добытых богатств не заботясь. Ты видишь
Пышность добычи, ведущую к гибели роскошь богатых,
Строят из злата дома[377]) и до звезд воздвигают строенья,
Воды из скал выжимают и море проводят на нивы,
Переменяя порядок вещей, беспрестанно мятутся.
Даже ко мне они в царство стучатся, и почва зияет,
Взрыта орудьями этих безумцев, и стонут пещеры
В опустошенных горах, и прихотям служат каменья,
А из отверстий глядят подземные духи на небо.
Вот почему, о Судьба, нахмурь свои мирные брови,
Рим побуждая к войне, чтоб навьём наше царство насытить.
Да, уж давненько я рта своего не омачивал кровью,
И Тисифона моя[378]) не омыла несытого тела.

---

[374]) Дий, вернее, Дит = Плутон, бог подземного царства. Эпитет „отец" римлянин мог прибавлять к имени всякого бога.
[375]) Эта, единственная во всей поэме эпифора, вероятно, употреблена сознательно. (Сл. 461).
[376]) Текст не очень ясен; буквальный перевод будет звучать так:

Или не в силах ты выше вознесть обреченной громады?

Это, впрочем, может быть понято, как ирония. Плутон как бы укоряет Судьбу в пособничестве порочному Риму (?).
[377]) Плиний Ст. (N h. XXXIII): „Потолки, которые ныне и в частных домах покрываются позолотой, впервые были позолочены на Капитолии после разрушения Карфагена (146 г.); оттуда это перешло в частные покои". (Д.-Г.).
[378]) Одна из фурий, богинь мести и злобы.

С самых тех пор, как поил клинок свой безжалостный Сулла [379])
И взрастила земля орошенные кровью колосья".

CXXI.

Вымолвив эти слова и стремясь протянуть свою руку
Грозной Судьбе, расщепил он землю великим зияньем.
Тут из беспечной груди [380]) испустила свой голос Фортуна:
„О мой родитель [381]), кому подчиняются недра Кокита!
Если дозволено мне безнаказанно истину молвить,
С волей твоей я согласна. Затем, что не меньшая ярость
В сердце кипит, и мозги не меньшим снедаемы жаром.
Как я раскаялась в том, что радела о Римских твердынях!
Как я дары ненавижу свои! Пусть им стены разрушит
То божество, что построило их [382]). Я всем сердцем желаю
В пепел мужей обратить и кровью попрыскать их роскошь [383]).
Вижу Филиппы, покрытые трупами двух поражений [384]),
Вижу могилы иберов [385]) и пламя костров фессалийских [386]),
Слышу испуганным ухом зловещие лязги железа.
В Ливии чудится мне, как стонут, о Нил, твои веси.

---

[379]) Сулла, диктатор (88 — 79 до Р. Х.), прославился жестокостью в борьбе со своими политическими врагами. Кровавый меч Суллы упоминается и у Лукана (I, 330).

[380]) Levi pectore. „Беспечность" подходит к образу Фортуны (ст. 81), быстро меняющей привязанности.

[381]) Пессимистическое воззрение автора на Судьбу (сл. 435) делает ее дочерью адского бога.

[382]) Т.-е. Марс, бог войны, сыновья коего построили Рим. (Сл. 192).

[383]) Так по мнению Бюх. (Quippe cremare viros et sanguine pascere luxum). Но не мешает принять во внимание и предложенное Д.-Г. чтение: Quippe armare viros et sanguine pascere luctum, т.-е.: Вооружить их мужей и кровью вспоить их печали.

[384]) Битва собственно при Филиппах была одна в 42 г. между Октавианом Августом и М. Антонием, с одной стороны, и убийцами Цезаря, Бруттом и Кассием, — с другой. Но аналогичное место из „Георгик" Виргилия (I, 489):

Как друг на друга идут и сражаются равным оружьем
Римлян войска меж собой, увидали вторично Филиппы —

толкуется так (изд. Schaper. Berl. 1882): так как Филиппы и Фарсал (в Фессалии, где произошло в 48 г. сражение между Цезарем и Помпеем) входят оба в провинцию Эматию, то поэт говорит о двух сражениях при Филиппах, т.-е. недалеко от них. Петроний же несомненно имел в виду этот стих Виргилия.

[385]) Намек на войны Цезаря в Испании против войска Помпея, а затем против его сыновей.

[386]) Битва при Фарсале, см. в. 384.

В чаяньи битвы Актийской, в боязни мечей Аполлона [387]).
Ну, так раскрой же скорей свое ненасытное царство,
Новые души готовься принять. Перевозчик едва ли [388])
Призраки спавших мужей на челне переправить сумеет:
Флот ему нужен [389]). А ты насыщайся смертями без счета,
О Тисифона, и жуй, бледнолицая, свежие раны:
Целый изрубленный мир спускается к духам Стигийским".

CXXII.

Еле успела сказать, как, блесками молний пробита,
Вздрогнула туча, но тут же отсекла прорвавшийся пламень.
В страхе присел повелитель теней и застыл, притаившись
В недрах земли, трепеща от раскатов могучего брата [390]).
Вмиг избиенье мужей и грядущий разгром объявились
В знаменьях вышних богов [391]). Титан [392]) свой пугающий образ
Побагровевший, кровавый, подернул туманною мглою,
Так что, казалось, уже столкнулись гражданские рати.
В небе с другой стороны свой полный лик погасила
Кинфия [393]) и отвратила глаза от убийств. Громыхали,
Падая с горных вершин, разбитые скалы; бежали
Реки, покинув русло, наудачу, усохнуть готовы.
Звон мечей потрясает эфир, и военные трубы

---

[387]) Битва при Актии (Actium) в Акарнании между Октавианом Августом и Марком Антонием. Последнему помогали войска царицы Клеопатры: вот почему Египет (нильские города) и должны опасаться Актийского поражения. Мечи Августова войска находятся под особым покровительством Аполлона, который даровал им победу; за это Август расширил храм Аполлона у Актия и учредил публичные игры в честь этого бога (Свет. „Жизнь 12 Цез." пер. В. Алексеева).

[388]) Харон, перевозящий души через адскую реку Ахерон.

[389]) Тот же образ встречаем у Лукана, когда тень Юлии рассказывает Помпею о своем нисхождении в подземное царство (III, 18):

Я узрела держащих
Факел в руке Евменид, освещавших ваше оружье,
Там же суда неисчетные на Ахеронте горящем
Возчик готовил...

[390]) Юпитера.

[391]) Сл. Лук. II: „Гнев объявился богов"... (Д.-Г.).

[392]) Бог Солнца, Гелий, называется Титаном, как сын титана Гипериона (сына Урана и Геи).

[393]) Артемида (Диана) называется Кинфией, а Аполлон Кинфием, по горе Кинфу на острове Делосе, где они родились. Отсюда же названия Делий и Делия.

В ужасе Марса зовут. И Этна, вскипев, изрыгнула
Пламень досель небывалый, и искры взметались до неба.
Вот среди свежих могил и тел, не почтенных сожженьем,
Призраки ликом ужасным и скрежетом злобным пугают.
В свите невиданных звезд комета сеет пожары [394]),
Сходит Юпитер могучий кровавым дождем на равнины,
Знаменье это спешит оправдать божество, и немедля
Цезарь, забыв про покой и движимый жаждой отмщенья,
Галльскую бросил войну: гражданскую он начинает
В Альпах, поднявшихся в воздух [395]), где, срушены греческим богом [396]),
Скалы спускаются вниз и проход открывают для смертных.
Место есть [397]), где алтари Геракла стоят, где седые,
Вечной зимой убеленные, к звездам стремятся вершины,
Будто бы небо свалилось на горы. Ни солнце лучами
Вида не в силах смягчить, ни теплые вешние ветры:
Все там оковано льдом и посыпано инеем зимним.
Может вершина весь мир удержать на плечах своих грозных.
Цезарь могучий, тот кряж попирая с веселою ратью,
Это место избрал и стал на скале высочайшей.
Взглядом широким окинул кругом Гесперийское поле [398]).
Обе руки простирая к небесным светилам, воскликнул:
„О самодержец Зевес, и вы, о Сатурновы земли,
Вы, что так рады бывали победам моим и триумфам,
Вы мне свидетели в том, что я Марса зову не охотой
И не охотой подъемлю я меч, но обидой задетый.
В час, когда кровью врагов обагряю я рейнские воды,
В час, когда галлам, опять покусившимся на Капитолий,
Альпами путь преградил, меня изгоняют из Рима [399]).
Кровь германцев-врагов, шестьдесят достославных сражений—
Вот чем опасен я стал! Но кого же страшит моя слава?

[394]) Fax stellis comitata novis incendia ducit — сл. Virg. (Aen. II, 694): Stella facem ducens.

[395]) Alpibus aeriis — сл. Virg. Georg. III, 474.

[396]) Гераклом.

[397]) Сл. в. ст. 67.

[398]) Т.-е. Италийское. Гесперия — „западная страна" (по отношению к грекам) — поэтическое название Италии.

[399]) Помпей настаивал, чтобы Цезарю было разрешено вернуться в Рим только после того, как он распустит свои легионы.

Кто это бредит войной? Бесстыдно подкупленный златом
Сброд недостойных наймитов и пасынков нашего Рима.
Но ожидает их кара. И так безнаказанно вряд ли
Руки свяжут мне трусы. Так в путь же, победные рати!
В путь, мои спутники верные! Тяжбу решите железом.
Всех нас одно преступленье зовет и одно наказанье
Нам угрожает. Но нет! должны получить вы награду! [400])
Я не один побеждал. Но если за наши триумфы
Пыткой хотят нам воздать и за наши победы — позором,
Пусть же наш жребий решает Судьба. Пусть усобица вспыхнет.
Так испытайте ж десницы. Уже решена наша участь:
В сонме таких храбрецов могу ли я быть побежденным?"
Только успел провещать, как Дельфийская птица [401]) явила
Знаменье близких побед [402]), взбудоражив воздух крылами.
Тут же послышался слева из чащи ужасного леса
Гул голосов необычных, и сразу блеснула зарница.
Тут же и Фебова светлость веселый свой шар показала,
В небе явившись и лик окружив позлащенным сияньем.

CXXIII.

Знаменьем сим ободрен, Мавортовы [403]) двинул знамена
Цезарь и смело вступил на путь, для него непривычный [404])
Первое время и лед не мешал, и покрытая серым
Инеем почва лежала, объятая страхом беззлобным,
Но, когда через льды переправились храбрые турмы [405])
И под ногами коней затрещали оковы потоков,
Тут растопились снега, и зачатые в скалах высоких
Ринулись в долы ручьи. Но, как бы по слову чьему-то,
Вдруг задержались и стали в своем разрушительном беге.
Воды, недавно бурлившие, можно разрезать ножами [406]).
Тут-то впервые обманчивый лед изменяет идущим,

[400]) Сенат урезывал вознаграждение ветеранам Цезаря и хотел лишить права гражданства поселенных им колонистов.

[401]) Ворон, вещая птица, посвященная Аполлону Дельфийскому, богу-прорицателю.

[402]) Т.-е. полет направо, что по ауспициям (гадание по полету птиц) считалось счастливым знаком.

[403]) Марсовы, т.-е. „военные".

[404]) Т.-е. на путь гражданского раздора.

[405]) Турма, десятая часть кавалерийского крыла (ala). Турма = 30, позже 32 человека.

[406]) Образное описание гололедицы.

Почва скользит из-под ног. Вперемежку и кони, и люди,
Копья, мечи и щиты — все свалено в жалкую кучу.
Кроме того, облака, потрясенные ветром холодным,
Груз свой излили на землю, и вихри порывные дуют,
А из разверстых небес посыпался град изобильный,
Тучи, казалось, спустилися сами на бедное войско,
И точно море из твердого льда на него изливалось.
Скрыта под снегом земля, и скрыты за снегом светила,
Скрыты излучины рек, прилипших к своим побережьям.
Но не повержен был Цезарь: на дрот боевой опираясь,
Шагом уверенным он рассекал эти страшные нивы [407]).
Так же безудержно мчался с отвесной твердыни Кавказа
Пасынок Амфитриона [408]); Юпитер с разгневанным ликом
Так же когда-то сходил с высоких вершин Олимпийских,
Чтоб осилить напор осужденных на гибель гигантов [409]).
Но, пока гордые крепости [410]) Цезарь смиряет во гневе,
Мчится летучая Молвь и испуганно машет крылами.
Вот уж взлетела она на возвышенный верх Палатина
И громогласно вещает для Римлян зловещие знаки:
В море-де вышли струги и всюду по склонам альпийским
Сходят лавиной войска, облитые братскою кровью [411]),
Раны, убийства, оружье, пожары и всяческий ужас
Сразу предносятся взору, и в этой сумятице страшной
Ум, пополам разрываясь, не знает, за что ухватиться [412]):
Этот бежит по земле, а тот доверяется морю.
Волны — вернее отчизны. Но есть среди граждан такие,

[407]) Светоний („Ж. 12 Ц.“ Ю. Цезарь): „Во время марша он иногда ехал верхом, но чаще шел пешком, с открытою головою, не обращая внимания ни на солнце, ни на дождь. С невероятной быстротой проходил он огромные пространства, до 100.000 шагов (ок. 138 верст) ежедневно, налегке, в наемной повозке. Если задерживали реки, он переправлялся через них вплавь или на бурдюках, так что весьма часто являлся на место раньше, чем о нем доходили слухи“. (Пер. В. Алексеева).

[408]) Геракл, пасынок Амфитриона (мужа Алкмены), всходил на Кавказ, чтобы освободить скованного Прометея.

[409]) Подразумевается миф о предвечной борьбе богов с гигантами, вздумавшими взять небо приступом.

[410]) Арминий, Арретий, Пизавр, Фан, Анкону, Игувий, Ауксим, Корфиний.

[411]) Sanguine germano или Germano? У большинства переводчиков, „облитые кровью германцев“ (намек на победы Цезаря над германцами):

[412]) Т.-е. бежать ли по морю или по суху. Или же так: „не знает чью сторону выбрать“—держать ли руку Помпея, или Цезаря.

Что, покоряясь Судьбе, спасения ищут в оружьи.
Тот, кто сильнее боится, тот дальше бежит. Но всех раньше
Чернь, среди этих усобиц зажатая, жалкая с виду,
Из опустевшего града уходит, куда ни попало.
Рим упивается бегством. Одною молвою Квириты
Побеждены и бегут, покидая печальные кровли [413]).
Этот дрожащей рукой детей за собою уводит,
Тот на груди своей прячет пенатов [414]), в слезах покидая
Милый порог, и проклятьем врагов поражает заочно.
Третьи к скорбной груди возлюбленных жен прижимают
И престарелых отцов. Заботам чуждая юность
Только то и берет с собой, за что больше боится.
Глупый увозит весь дом, и прямо врагу на добычу.
Так же бывает, когда разбушуется ветер восточный [415])
И будоражит взметенные волны. Ни снасти матросам
Не помогают, ни руль. Тот мачты сосновые вяжет,
Этот стремится судно направить в спокойную гавань,
Третий на всех парусах убегает, доверясь Фортуне...
Бросим же мелких людей! Вот консулы [416]), с ними Великий,
Ужас морей, проложивший пути к побережьям Гидаспа [417]).
Риф, о который разбились пираты, кому в троекратной
Славе дивился Юпитер [418]), кому с рассеченной пучиной
Понт поклонился и с ним раболепные волны Босфора [419])—
Стыд и позор! Он бежит, оставив величие власти [420]).
Видит впервые Судьба легкокрылая спину Помпея.

[413]) Сл. описание бегства у Лукана:

1,498 .- . . . . Коль бушующий ветер восточный
Прямо от Сиртов Ливийских погонит валы океана
И затр. цат парусные громады, гонимые ветром,
Кормчий в пучину бросаясь, и руль, и корму забывает,
С ним . е матрос, хоть и цел корабля неразбитого кузов.
Всякий ,едет себя к гибели сам. Так покинувши город,
В битву спасаются. Там никого удержать не сумеет
Старый и слабый родитель, слезами домой не воротит
Мужа супруга, ни отчие Лары обратно не тянут
Тех, кто доверился шаткой надежде . . . .

[414]) Пенаты — статуэтки домашних богов (сл. 73, 223).

[415]) Ветер восточный — сл. в. 413.

[416]) Луций Корнелий Лентул и Гай Клавдий Марцелл — консулы 49 г.

[417]) Приток Инда.

[418]) Т.-е. получивший три триумфа: Ливийский, Испанский, Понтийский.

[419]) Речь идет о поражении понтийского царя Митридата († 63 г.).

[420]) Сл. Лук. II, 708:

Стыд и позор! убежал без труда побежденный Великий.

CXXIV.

Этот разгром, наконец, даже самых богов поражает.
Страх небожителей к бегству толкает. И вот отовсюду
Сонмы божеств всеблагих, гнушаясь землей озверевшей,
Прочь убегают, лицо отвернув от людей обреченных.
Мир, пред другими летя, белоснежными машет руками,
Шлемом [421]) покрыв побежденную голову и покидая
Землю, пугливо бежит в беспощадные области Дия.
С ним же, потупившись, Верность уходит, затем Справедливость,
Косы свои растрепав, и Согласье в истерзанной палле [422]).
В это же время оттуда, где царство Эреба [423]) разверзлось,
Вынырнул сонм ратоборцев Плутона: Эринния злая [424]),
Грозная видом Беллона [425]) и с факелом страшным Мегэра [426]),
Козни, Убийство и Смерть с ужасною бледной личиной.
Гнев между ними несется, узду разорвавший, свободный;
Гордо подняв кровожадную голову, лик, испещренный
Тысячей ран, он прикрыл своим окровавленным шлемом.
Щит боевой повис на левой руке, отягченный
Грудой несметной вонзившихся стрел, а в деснице
Держит он светоч зловещий, пожарища землям готовя.
Тут-то земля ощутила могущество вышних. Светила
Власть показали свою. А в небе все боги разбились
На две враждебные рати. Диона [427]) во всем помогает
Цезарю, милому ей, а с нею Паллада-Афина

[421]) Galea (Бюх.). Другие предлагают: olea (— оливковой ветвью), что, конечно, более подходит для богини Мира.

[422]) Род мантии, которую дамы одевали поверх столы.

[423]) Эреб—бог мрака, сын Хаоса.

[424]) Эринния—фурия.

[425]) Беллона—италийская богиня войны.

[426]) Мегэра — фурия.

[427]) Диона—мать Афродиты; иногда (а у Петрония всегда) это имя прилагается к самой Венере. (Сл. 438, 455). Почему Цезарь (которого Курион в Сенате назвал „мужем всех жен и женой всех мужей") пользовался особым покровительством Дионы, можно видеть хотя бы из жизнеописания Цезаря у Светония. Как иллюстрацию слов Куриона, приводим известные сатирические песни, которые пели солдаты Цезаря во время триумфа:

Галлию осилил Цезарь—Никомед же Цезаря,
Ныне Цезарь торжествует, подчинивший Галлию;
Никомед не торжествует, подчинивший Цезаря.

Берегите жен, ведем мы лысого развратника
В Галлии ты прожил деньги, здесь ты их взаймы берешь.

Кроме того, род Юлиев вел свое происхождение от Венеры.

В верном союзе и Ромул, бряцающий дротом огромным.
Руку Великого держат Фебея и брат [428]), и Килленский
Отпрыск [429]), и сходный в делах с Помпеем Тиринфский [воитель.

Вот загремела труба, и Раздор, растрепав свои космы,
Тянет навстречу всевышним личину, достойную ада:
Кровь на устах запеклась, и плачут подбитые очи;
Зубы торчат изо рта, покрытые ржавчиной грубой;
Яд течет с языка, извиваются змеи вкруг пасти
И на иссохшей груди, меж складками рваной одежды.
Правой дрожащей рукой он подъемлет кровавый светильник.
Бог сей, покинув потемки Кокита и сумрачный Тартар,
Быстро шагая, взошел наверх Апеннин достославных.
Мог обозреть он оттуда все земли и все побережье,
И, словно волны, заливише мир боевые дружины.
Тут из свирепой груди такую он речь испускает:
„Смело возьмите оружье, душой распалившись, народы,
Смело возьмите и факел пожара несите по весям:
Кто укрывается, будет разбит. Поражайте и женщин,
И слабосильных детей, и годами согбенную старость.
Пусть содрогнется земля и с треском обрушатся кровли.
Так предлагай же законы, Марцелл [430]), возбуждай же плебеев,
О, Курион [431]). Не удерживай, Лентул [432]), могучего Марса.
Что же, божественный, ты, покрытый доспехами, медлишь,
Не разбиваешь ворот, городских укреплений не рушишь,
Не похищаешь казны? [433]) Великий! иль ты не умеешь
Римских твердынь охранять? Так беги же к стенам Эпидамна
И Фессалийский залив [434]) обагри человеческой кровью!"
Так свершилося все на земле по приказу Раздора.

[428]) Т.-е. Феб.

[429]) Меркурий (Гермес) родился на горе Киллене в Аркадии. „Килленский отпрыск" (Cyllenia proles)—эта антономасия заимствована у Виргилия.

[430]) Марк Клавдий Марцелл, консул 50 г., и Гай Марцелл, консул 49 г., оба вносили в Сенат враждебные Цезарю законопроекты.

[431]) Г. Курион, народный трибун, за миллион сестерций продавшийся Цезарю. Впоследствии он погиб, сражаясь по поручению Цезаря против нумидийского царя Юбы, сторонника Помпея.

[432]) Лентул, консул 49 г., противник Цезаря.

[433]) Цезарь растратил неприкосновенный фонд, назначавшийся для войны с галлами, заявив, что Галлия покорена; враги ставили ему в вину это обстоятельство.

[434]) Диррахий, нын. Дураццо, где бились войска Помпея и Цезаря.

Когда Эвмолп с большим возбуждением прочел свою поэму,— мы вступили в Кротону. Отдохнув и подкрепив свои силы в небольшой гостинице, мы на следующий же день отправились на поиски более подходящей квартиры и как раз попали в толпу искателей наследств, которые немедленно принялись нас расспрашивать, кто мы и откуда прибыли. Согласно выработанному особому плану, мы с чрезмерной словоохотливостью указали, кто мы и откуда, а они нам безусловно поверили: в упорном соревновании все охотники за наследством стали предлагать Эвмолпу воспользоваться их помощью и наперебой домогаться его расположения подарками.

CXXV. Уже довольно долго шли таким образом дела наши в Кротоне, и Эвмолп, упоенный удачей, до того забыл о прежнем своем положении, что начал хвастать перед своими присными, будто никто в этом городе не в состоянии больше устоять перед его влиянием и что, если бы они в чем-нибудь провинились, все равно это сошло бы им с рук с помощью его друзей. Хотя я изобилием всяческих благ с каждым днем все более и более нежил свое упитанное тело и думал, что наконец-то Фортуна повернулась ко мне спиной [435]), — однако, зачастую стал задумываться как над своим положением, так и над его причиной. „А что, — говорил я себе, — если более хитрый из этих мошенников отправит в Африку разведчика и уличит нас во лжи? Что, если наемный слуга, пресытившись нынешним благоденствием, пойдет и донесет на своих друзей и своей гнусной изменой раскроет всю нашу проделку? Ведь снова придется удирать и снова впасть в нищенство, снова навлечь на свою голову только что преодоленную бедность. О боги и богини, как тяжко приходится живущим не по закону: они всегда ждут того, что заслужили“.

[Раздумывая обо всем этом, я с тоскою в груди вышел из дому, чтобы на открытом воздухе хоть немного собраться с мыс-

[435]) Именно так надо переводить эту фразу (a custodia mea removisse vultum Fortunam). Пессимизм Петрония нарочно придает этому выражению обратный смысл.

лями; но едва только успел я сделать несколько шагов по месту общественных прогулок, как навстречу мне направилась недурненькая девица и, называя меня Полиэном, именем, которое я выдумал себе во время наших метаморфоз, объявила, что госпожа ее спрашивает, нельзя ли ей со мной поговорить.

— Ты ошибаешься, — ответил я с беспокойством, — я чужеземный раб и совершенно недостоин такой чести.

CXXVI. — Нет, мне приказано обратиться именно к тебе, — возразила девушка, — но ты уверен в своей красоте и поэтому, разыгрывая гордеца, торгуешь объятиями, а не даришь их. Зачем эти тщательно расчесанные волосы? Зачем лицо покрыто румянами? К чему эта нежная игра глазами, эта искусственная походка и шаги, ровно размеренные? Разве не для того, чтобы выставлять красоту свою на продажу? Взгляни на меня: по птицам я не гадаю, по звездам не читаю; но умею узнавать нрав по обличью, и лишь только увидала тебя на прогулке, так сразу поняла, чем ты дышишь. Так вот, если ты продаешь то, что нам требуется, так — ваш товар, наш купец; если же — что более вяжется с человеческим достоинством — ты делишься своими ласками бескорыстно, то сделай это в виде одолжения. А что касается твоих слов, будто ты раб и человек низкого происхождения — так этим ты только разжигаешь желание жаждущей. Некоторых женщин возбуждает нечистоплотность: сладострастие в них просыпается только при виде раба, или вестового, высоко подпоясанного. Других распаляет вид гладиаторов, или покрытого пылью погонщика ослов, или, наконец, актера на сцене, выставляющего себя напоказ. Вот из такого же сорта женщин и моя госпожа: она от орхестры [436]) мимо четырнадцати рядов проходит и только среди самых подонков черни отыскивает себе то, что ей по сердцу.

[436]) Т.-е. от мест, где сидят сенаторы (resp. декурионы). Вероятно, это надо понимать не буквально, а символически: дама высокого происхождения в делах сердечных покидает свою среду и не ленится спускаться в низы. Такое иносказательное понимание диктуется последующими словами рабыни, „не сидящей дальше всаднических мест“.

Тут я, находясь под впечатлением этих прелестных слов, говорю ей:

— Да скажи, пожалуйста, уж не ты ли та самая, что в меня влюбилась?

Служанка рассмеялась над этой неудачной догадкой и ответила:

— Прошу не мнить о себе так высоко: до сих пор я никогда еще не отдавалась рабу; надеюсь, боги и впредь не допустят, чтобы я прибивала на крест свои ласки [437]). Я предоставляю это матронам, которые любят целовать рубцы от плетей; я же, хоть и рабыня, а никогда не сижу дальше всаднических мест.

Я не мог не подивиться при виде такого несоответствия страстей и отнес к числу чудес то, что у служанки была гордость матроны, а у матроны низкий вкус служанки.

Мы довольно долго вели этот шутливый разговор; наконец, я попросил рабыню привести свою госпожу в платановую рощу. Девице этот совет понравился и, подобрав повыше тунику, она свернула в лавровую рощицу, примыкавшую к аллее. Немного спустя она вновь показалась, ведя с собой из этого укромного уголка свою госпожу.

И вот, она подвела ко мне женщину, которая (по красоте своей) была совершеннее всякого художественного произведения. Нет слов, которыми можно было бы описать эту красоту: что бы я ни сказал — все будет мало. Кудри природными волнами заливали плечи; лоб ее был очень мал, хотя она и зачесала волосы назад; брови, сбегающие до самой линии щек, почти сливались над переносицей; ярче, чем звезды в безлунную ночь, сверкали очи; ноздри чуточку изогнуты, а ротик подобен устам Дионы [438]), какими их мыслил Пракситель. Ее подбородок, шея и руки, а также ноги, изящно охваченные золотой перевязью сандалий, белизной затмевали паросский мрамор.

---

[437]) Т.-е. не отдаваться человеку, которого может постичь позор распятия, рабу.

[438]) Сл. 426. Здесь, как и ниже (сл. 455), так называется Венера, ибо речь идет о знаменитой, якобы ожившей, статуе Праксителя. В тексте: „Диана".

И тут я впервые презрел свою прежнюю любовь, Дориду.

Как это вышло, о Зевс, что, сам положивши оружье,
Средь небожителей ты мертвою сказкой молчишь?
Вот бы когда тебе лоб украсить витыми рогами,
Время настало прикрыть белым пером седину [439]).
Подлинно здесь пред тобою Даная [440]), коснись ее тела —
И огнедышащий жар члены пронижет твои.

CXXVII. Восхищенная (этими стихами), она так обворожительно рассмеялась, что мне показалось, будто полная луна выглянула из-за тучи. Затем она, оттеняя слова свои жестами пальчиков, сказала мне:

— Если ты, юноша, не отвергнешь с презрением женщины, изящной и лишь в этом году узнавшей, что такое мужчина, — то возьми меня себе в сестры [22]). Я знаю, что у тебя уже имеется брат, — мне нисколько не стыдно сознаться в том, что я наводила о тебе справки, — но что же мешает тебе завести и сестру? Я предлагаю себя на тех же (родственных) началах; ты же только соблаговоли, когда тебе будет угодно, узнать сладость моих поцелуев.

— Напротив, — отвечаю я, — я умоляю тебя во имя твоей красоты, чтобы ты не погнушалась принять чужеземца в число своих поклонников. И если ты позволишь мне обожать тебя, то найдешь во мне набожного богомольца. А чтобы ты знала, что не с пустыми руками вступаю я в храм Любви — я приношу тебе в жертву своего брата.

— Как? ты ради меня отказываешься от того, без которого не можешь жить? чьими поцелуями ты так дорожишь? кого ты любишь так, как я хотела бы быть любимой тобою?

Когда она это говорила, голос ее так чудесно гармонировал со словами, и воздух наполнялся такими сладкими звуками, что, казалось, будто это хор сирен поет в ветерках. Небо надо мной

---

[439]) Намек на превращение Юпитера в быка для соблазнения Европы и в лебедя—ради Леды.

[440]) Даная, дочь Акрисия, аргосская царевна, соблазненная Зевсом при помощи золотого дождя. Мать героя Персея.

в это время сияло почему-то ярче, чем прежде, и стоял я, охваченный удивлением, пока наконец не захотелось мне спросить об имени богини, на что она тут же ответила:

— Значит, служанка моя не сказала тебе, что меня зовут Киркеей? Я, конечно, не дочь Солнца, и мать моя никогда не могла, сообразуясь с своим желанием, задержать бег заходящего светила [441]). Однако, если судьба нас соединит, то и у меня будет за что благодарить небеса. Да, какой-то бог руководит сокровенными помыслами. Не без причины любит Киркея Полиэна. Факел (Любви) водружен между этими именами. Так приди же, если хочешь, в мои объятья. Здесь тебе незачем бояться соглядатая: брат твой далеко отсюда.

Сказав это, Киркея обвила меня нежными, как пух, руками и увлекла за собой на землю, одетую в цветы и травы.

Те же цветы расцвели, что древле взрастила на Иде
Матерь земля в тот день, когда нескрываемой страстью
Зевс упивался и грудь преисполнил огнем вожделенья:
Выросли розы вкруг нас, фиалки и кипер нежнейший,
Белые лилии нам улыбались с лужайки зеленой.
Так заманила земля Венеру на мягкие травы
И ослепительный день потворствовал тайнам любовным.

Растянувшись рядом на траве, мы наслаждались тысячей поцелуев, стараясь вызвать (этой игрой) более существенное вожделение. [Но из-за слабости, которая охватила вдруг мои жилы, мне не пришлось оправдать ожиданий Киркеи.

CXXVIII. Такая обида заставила ее вспыхнуть].

— Что же это? Разве поцелуи мои так противны? Или мужество твое ослабло от поста? Или, быть может, я неряшлива, и подмышки мои пахнут потом? А если ничего этого нет, то уж не боишься ли ты Гитона?

---

[441]) Киркея, или Кирка (иначе Цирцея) — волшебница, превращавшая людей в животных. Ее мать, Перса, часто удерживала в своих объятиях Гелия и тем нарушала его бег.

Краска стыда залила мне лицо, и, если во мне оставались еще какие-нибудь силы, я тут окончательно их лишился и, как бы размякнув всем телом, пробормотал:

— Царица моя, будь добра, не добивай несчастного: я опоен отравою.

[Столь вздорное оправдание нисколько не смягчило гнева Киркеи. Она с презрением отвернулась от меня и с такими словами обратилась к служанке]:

— Хрисида, скажи мне, но только правду: неужели я неприлична? непричесана, что ли? или, быть может, какой-нибудь природный недостаток помрачает мою красоту? Только не обманывай госпожу свою. Право, не знаю, в чем мы с тобой провинились.

Затем, вырвав из рук молчавшей служанки зеркало [442]), она испытала перед ним все мины, которые строят любящие во время нежных забав [443]), затем отряхнула платье, измявшееся на земле, и поспешно вошла в [соседний] храм Венеры.

Я же, точно осужденный, точно перепуганный каким-то ужасным видением, принялся спрашивать себя в душе, не были ли услады, которых я только что лишился, просто плодом моего воображения.

Ночь, навевая нам сон, нередко морочит виденьем
Взор ненадежный: и вот — разрытая почва являет
Золото нам, и рука стремится к покраже бесчестной,
Клад золотой унося. Лицо обливается потом;
Ужасом дух наш объят: а вдруг ненароком залезет

---

[442]) Зеркала делались из полированных металлов. Стеклянных зеркал древность не знала.

[443]) Место неясное в тексте. Д.-Г. читает: quas solet inter amantes nisus frangere и, относя это к vestes, переводит: sa robe un peu frippée, mais non pas chiffonnée, comme de coutume, pas une lutte amoureuse. Мы перевели по тексту Бюхелера, quos solet inter amantes risus fingere, — относя это, разумеется, к omnes vultus, как делает и Шлютер. Тогда буквальный перевод будет таков: „(все мины), которые корчит смех между любящими"; чтение frangere не изменит смысла. При чтении nisus „смех" заменится „страстными усилиями". Но, может быть, текст попорчен, и надо читать так: qui solent inter amantes nisus frangere — „(мины), которые обычно прекращают усилия любящих", т.-е. расхолаживают любовника (?).

Кто-нибудь, сведав про клад, в нагруженную пазуху вора...
Но, едва убегут от обманутых чувств сновиденья,
Явь воцаряется вновь, а дух по утерянном плачет
И погружается весь в пережитые ночью картины.

[В самом деле, случившееся несчастие казалось мне настоящим сном, форменной галлюцинацией, и в то же время я так обессилел, что долгое время не в состоянии был подняться на ноги.

Наконец, подавленное состояние моего духа стало проходить, силы понемногу возвратились, и я, добравшись до дому, с видом больного бросился на свою кровать. А немного погодя в спальню вошел и Гитон с опечаленной физиономией, так как он думал, что я действительно захворал.

Чтобы его успокоить, я сказал, что лежу на кровати исключительно ради отдыха; и еще с три короба наговорил ему всякой всячины, но о приключении своем даже не заикнулся, потому что, признаться, очень-таки побаивался его ревности. А чтобы уничтожить на этот счет всякое подозрение, заставил его лечь рядом со мной и тут же попытался дать ему доказательство своей любви. Но, несмотря на то, что трудился я чуть ли не до десятого пота,—все усилия мои в этом направлении оставались тщетными.

Вскочив в сильном гневе с кровати, он принялся обвинять меня в бессилии и охлаждении к нему, говоря, что он давно уже замечает и нисколько не сомневается в том, что я, прежде чем сойтись с ним, трачу всю свою нежность и силы где-нибудь в другом месте.

— О, нет, — говорю, — брат: любовь моя к тебе всегда была одинаковой; только ее и былую резвость мою теперь обуздывает рассудок].

— В таком случае — премного благодарен: ты, значит, любишь меня на манер Сократа. Даже Алкивиад никогда не вставал таким незапятнанным с ложа своего наставника [444]), [насмешливо возразил мне Гитон.

---

[444]) Последователи Платона утверждали, что Алкивиад целомудренно покоился подле Сократа. Лукиан (в диалоге Теомнеста и Ликина), как кажется, скептически относится к этому преданию.

CXXIX. Тогда я ему снова сказал]:

— Поверь мне, брат: я сам не считаю, не чувствую себя мужчиной. Похоронена часть моего тела, некогда уподоблявшая меня Ахиллу.

[Видя полное мое бессилие и] боясь, как бы кто-нибудь, застав его наедине со мною, не распустил по городу сплетен, мальчик мой от меня убежал и скрылся во внутренней части дома. [Не успел он уйти], как в комнате моей появилась Хрисида и вручила мне от госпожи своей таблички такого содержания:

Киркея Полиэну — Привет.

„Если бы я была распутной, я, конечно, принялась бы жаловаться на то, что меня обманули; но я, наоборот, даже благодарю тебя за твою слабость, потому что из-за нее я дольше нежилась под сенью наслаждения. Но скажи мне, пожалуйста, как твои дела и на собственных ли ты ногах добрался до дому: ведь врачи говорят, что без жил невозможно ходить. Говорю тебе, юноша, бойся паралича. Ни у не встречала я столь опасно больного. Ей-богу, ты уже мер . И если такая же вялость охватила и колени твои, и руки — пора, значит, тебе посылать за трубачами [445]). Но все равно: хотя ты и нанес мне тяжкое оскорбление, я не откажу страдальцу в лекарстве. Так вот, если хочешь стать здоровым, откажись на время от Гитона: не поспи с братом три ночи, и сила вернется к тебе. А что до меня касается, то мне нечего опасаться, что я кому-нибудь не понравлюсь: ни зеркало, ни молва меня не обманывают. Будь здоров, если можешь“.

Убедившись, что я прочел все эти издевательства, Хрисида сказала мне:

— Это может случиться со всяким, особенно в нашем городе, где женщины в состоянии луну с неба свести. Поэтому надо приняться за лечение: другими словами — тебе необходимо только

---

[445]) Т.-е. „пиши к родителям“. Трубачи сопровождали похоронную процессию (см. в гл. LXXVIII, прим. 267).

помягче ответить моей госпоже и искренностью чувства постараться вернуть себе ее расположение. Ведь, по правде сказать, с той поры, как ты оскорбил ее, она вне себя.

Я, разумеется, охотно последовал совету служанки и тотчас же начертал на табличках следующие слова:

Полиэн Киркее — Привет.

„Должен сознаться, повелительница, что мне нередко приходилось грешить: ведь я — человек, и еще нестарый. Но до сих пор ни разу не провинился я настолько, чтобы оказаться достойным смерти. Перед тобой—повинная голова. К чему присудишь, то я и заслужил. Я совершил предательство, убил человека, осквернил храм. Соответственно этим преступлениям—требуй наказания. Захочешь моей смерти — я приду с собственным клинком; если удовольствуешься бичеванием — я голым прибегу к повелительнице. Не забывай только, что не я пред тобою провинился, а мое орудие. Готовый к бою, я оказался без меча. Не знаю, кто мне его испортил. Может быть, душевный порыв опередил медлительное тело. Может быть, желая слишком многого, я утопил свою страсть в проволочке. Не пойму, что со мною случилось.

Вот ты велишь мне остерегаться паралича. Точно может быть паралич сильнее того, который отнял у меня орудие для обладания тобою. Но оправдание мое сводится все-таки к следующему: Ты будешь довольна мною, если только позволишь мне исправить свою ошибку. [Будь здорова]“.

Отпустив с таким обещанием Хрисиду, я с большею тщательностью принялся за лечение виновного тела: во-первых — не пошел в баню, а ограничился только небольшим обтиранием; затем, наевшись более здоровой пищи, именно луку и улиточьих шеек без соуса, выпил немного чистого вина и, наконец, совершив перед сном очень легкую прогулку, вошел в опочивальню без Гитона. Мне так хотелось примириться с Киркеей, что я боялся даже того, что братец заденет меня боком.

CXXXI. Бодрый духом и телом поднялся я на следующий день и отправился в ту же платановую рощу, хотя и побаивался этого злосчастного места. Там, под деревьями, я стал ожидать прихода моей провожатой Хрисиды. Побродив некоторое время, я уселся на том самом месте, где сидел накануне. Как вдруг она появилась, ведя за собою какую-то старушку. Поздоровавшись со мной, Хрисида сказала:

— Ну-с, привередник, — уж не начинаешь ли ты браться за ум?

[При этих словах] старуха вытащила из-за пазухи скрученный из разноцветных ниток шнурок и обвязала им мою шею. Затем плюнула, смешала плевок свой с пылью и, взяв получившейся грязи на средний палец, несмотря на все мои сопротивления, мазнула меня по лбу.

— [Не унывай, пока жив. — А ты, деревенский наш сторож,
Жилы мои укрепи, о напряженный Приап][446].

Произнеся это заклинание, она велела мне плюнуть три раза и в три приема бросать себе за пазуху камешки, которые уже были заранее у нее заворожены и завернуты в кусок пурпура; после чего она руками принялась испытывать мою мужскую силу. В одно мгновение мышцы подчинились приказанию и, с силой напрягшись, совершенно заполнили собой руки старицы, которая, не помня себя от восторга, воскликнула:

— Смотри, моя Хрисида, смотри, какого зайца я взбодрила на чужую корысть

[Покончив с лечением, она передала меня в распоряжение Хрисиды, которая страшно была рада тому, что может теперь возвратить госпоже своей такое сокровище. Не давая опомниться и ни минуты больше не медля, повела она меня к госпоже, а приведя, впустила в очаровательнейшее уединен-

---

[446]) Утерянное заклинание в интерполированном тексте заменено одною из Приапей (изд. Бюхелера № LXXXI); замена может считаться довольно неудачной, так как дошедшие до нас латинские заклинания имеют весьма мало общего с эпиграфическими произведениями в роде Приапей.

ное местечко, в котором природа соединила, казалось, все, что только может услаждать человеческие взоры].

Здесь благородный платан, бросающий летние тени,
Лавры в уборе из ягод и трепетный строй кипарисов.
Их обступили, тряся вершиной подстриженной, сосны.
А между ними юлит ручеек непоседливой струйкой,
Пенится и ворошит он камешки с жалобной песней.
Вот оно — место любви! Один соловей нам свидетель.
Да еще ласточка с ним, учтивая птица, порхая
Между фиалок и трав, заводит любовные шашни.

Киркея лежала развалившись, опираясь беломраморной шеей на спинку золотого ложа, и тихо помахивала веткой цветущего мирта. Увидев меня и, должно быть, вспомнив про вчерашнее оскорбление, она слегка покраснела. Затем, когда она удалила всех и я, повинуясь ее приглашению, сел подле нее на ложе, она приложила к глазам моим ветку и, как бы отгородившись от меня стенкой, сделалась несколько смелее.

— Ну что, паралитик? — сказала она. — Весь ли ты нынче явился ко мне?

— Ты спрашиваешь, вместо того чтобы убедиться самой?

Так ответил я и тут же всем телом устремился к ней в объятия. Она не просила пощады, и я досыта упился поцелуями.

CXXXII. Красота ее тела звала и влекла к наслаждению. Уже то и дело смыкались наши уста и раздавались звонкие поцелуи; уже переплелись наши руки, изобретая всевозможные ласки; уж слились в обоюдном объятии наши тела, и начали понемногу соединяться и души, — [как вдруг, среди этой сладчайшей прелюдии, силы мои снова упали, и я опять не в состоянии оказался довести нашей страсти до высшего ее проявления].

Потрясенная явным оскорблением, матрона решила отомстить и, кликнув спальников, приказала им бичевать меня. Но она не удовлетворилась столь тяжким наказанием и, созвав прях и всякую сволочь из домашней прислуги, велела еще меня оплевать. Я только заслонял руками глаза без единого слова мольбы, ибо сознавал, что терплю по заслугам. Наконец, оплеванного и избитого, меня вытолкали за двери. Вышвырнули и Проселену; Хрисиду высекли. Весь дом опечалился; все начали перешептываться, спрашивать потихоньку друг друга, кто бы это мог нарушить веселое настроение их госпожи.

Густо покрытый рубцами, я казался пестрее пантеры, но, опасаясь, как бы мои злоключения не развеселили Эвмолпа и не огорчили Гитона, всеми способами постарался замаскировать на себе следы побоев. Все, что я мог придумать, не выставляя себя на позор, это — разыграть роль больного, что я и сделал и, улегшись в кровать, всю силу своего негодования обратил по адресу единственной причины всех моих несчастий.

Я трижды потряс грозную сталь, свой нож двуострый [447],
Но... трижды ослаб хуже, чем он, мой стебель вялый:
Нож страшен мне был, робкой руке служившей слабо.
Так мне не пришлось осуществить желанной казни [448].
Трус сей, трепеща, стал холодней зимы суровой,
Сам сморщился весь и убежал чуть ли не в чрево,
Ну, просто никак не обнажал главы опальной.
Я ж, высмеянный выжигой сим, удравшим в страхе,
Ввел в бой руготню, бьющую в цель больней оружья [449].

---

[447]) Bipennis обычно означает двуконечную секиру, но здесь, вероятно, нож: вряд ли Энколпий, лежа в постели, мог взмахнуть топором, да и самое присутствие в его комнате боевого оружия сомнительно.

[448]) Аналогичная казнь, но более успешная, описана у Луцилия, VII, 1:

Hanc ubi nult male habere, ulcisci pro scelere eius,
Testam sumit homo Samiam, sibique illico telo
Praecidit caulem, testesque una amputat ambos.
Злом желая воздать и отмстить за его преступленье,
Взял человек черепок самосский и вмиг сим оружьем
Стебель себе он отсек и обе тестикулы сразу.

[449]) К этому, более мягкому средству прибегает и Тибулл (Priapea ed. Bücheler, LXXXIII).

О что за новость? что сулит мне гнев богов?
Когда в молчаньи ночи мальчик беленький
Припал к груди горячей так доверчиво,
Не распалилась страсть . . . . . .
. . . . . И о преступный фаллус, о, беда моя!
Сколь злую кару за проступок терпишь ты,
О, плачь, ведь нежный мальчик никогда тебе
Не подчинится больше, лежа рядышком . . . .

Немного приподнявшись, я наслонился на локоть и в таких, приблизительно, выражениях стал поносить упрямца:

— Ну, что скажешь, позорище перед людьми и богами,— потому что нельзя даже причислить тебя к вещам мало-мальски серьезным? Неужели я заслужил от тебя, чтобы ты меня, вознесенного на небо, низринул в преисподнюю? Неужели я заслужил, чтобы ты, отняв у меня цветущие весеннею свежестью годы, навязал мне бессилие глубокой старости? (Лучше уж прямо) выдай мне удостоверение о смерти.

Пока я, таким образом, изливал свое негодование,

Он, отвернувшись, упорно глазами уставился в землю
И оставался, пока говорил я, совсем недвижимым,
Стеблю склоненного мака иль иве плакучей подобен.

Покончив со столь недостойной бранью, я однако стал горячо раскаяваться в своих словах и втайне покраснел от того, что, забыв всякий стыд, вступил в разговор с частью тела, которую люди серьезного склада обыкновенно даже не допускают до сознания.

Долго я тер себе лоб, пока, наконец, не воскликнул:

— Да что, собственно, скверного, если я посредством вполне естественных упреков облегчил свое горе? Что в том, если мы иной раз браним какую-нибудь часть человеческого тела, желудок, например, или горло, или даже голову, когда она слишком часто болит? Разве сам Улисс не спорит со своим сердцем? [450]) А трагики — так те даже очи свои ругают, точно последние могут что-нибудь слышать. Подагрики клянут свои ноги, хирагрики — руки, а близорукие — глаза. Стоит только кому-нибудь ушибить себе на руке палец, как он тут же, смотря по тому, насколько сильна его боль, принимается топать ногами.

---

[450]) В Одиссее п. XX:

В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу:
— Сердце, смирись . . . и т. д.

(Пер. Жуковского).

1. Что вы, наморщивши лбы, в лицо мне уперлись, Катоны [451]),
И осуждаете труд новый своей простотой?
В гладком рассказе моем веселая прелесть смеется.
Нравы народа поет мой безмятежный язык.
5. Кто же не знает любви и не знает восторгов Венеры?
Кто воспретит согревать в теплой постели тела?
Правды отец, Эпикур, и сам повелел нам, премудрый,
Вечно любить, говоря: цель этой жизни—любовь [452]).

Нет ничего нелепее глупых человеческих предрассудков и пошлее лицемерной строгости.

CXXXIII. Окончив эту речь, я позвал Гитона и говорю ему:

Расскажи мне, братец, но только по чистой совести, как вел себя Аскилт в ту ночь, когда он тебя у меня выкрал: правда, что он не спал до тех пор, пока, наконец, тебя не обесчестил? Или же он, действительно, удовольствовался тем, что провел всю ночь одиноко и целомудренно?

Услышав такие слова, мальчик приложил руки к глазам и торжественно поклялся, что со стороны Аскилта ему не было причинено никакого насилия [453]).

[Подавленный своими приключениями, я находился, разумется, совершенно не в своем уме и сам хорошо не знал, что говорил. В противном случае, зачем же было вспоминать о прошлом и отыскивать в нем новые данные для упреков?

Наконец, чтобы восстановить свои силы, я прибег даже к самому крайнему средству и решил дать богам какой-нибудь обет.

И вот, намереваясь чем-нибудь умилостивить Приапа, немного погодя вышел я из дому и, придав на всякий случай лицу своему выражение надежды], с такою молитвой опустился на одно колено в преддверии храма, посвященного этому богу:

---

[451]) Марк Порций Катон Старший, римский цензор (234—145 до Р. Х.). Его имя сделалось нарицательным для всякого судьи нравов.

[452]) Мы переводим по тексту Бюх. Если же читать: hanc vitam dixit habere deos,—то это будет гласить так: (говоря): „Боги ведь также живут“.

[453])Гитон, деликатнейший из отроков, отвечает с осторожностью, достойной дельфийского оракула.

Спутник Вакха и нимф! [454]) О ты, что веленьем Дионы [455])
Стал божеством над лесами, кому достославный подвластен
Лесбос и Фасос зеленый, кого разодетый лидиец
Ревностно чтит и кому воздвиг он божницу в Гипэпах [456]),
О помоги же мне, Вакха пестун и дриад усладитель [457]),
Я прибегаю к тебе [458]). Святынь не сквернил я враждебной
И нечестивой рукой [459]), но нищий, под гнетом тяжелой
Бедности, я согрешил, и то ведь не всем своим телом.
Тот, кто грешит от нужды, не так уж виновен. Молю я:
Душу мою облегчи, прости мне мой грех невеликий [460]).
Если ж когда-нибудь вновь мне час улыбнется счастливый,
Не без почета оставлю тебя; и взойдет на алтарь твой
Стад патриарх, рогоносный козел, и взойдет на алтарь твой [461]),
Жертва святыне твоей, сосунок опечаленной свинки.
В чашах запенится сок молодой. Троекратно ликуя,
Вкруг алтаря обойдет хоровод хмельной молодежи.

---

[454]) Приап — одна из постоянных фигур в вакхической процессии.

[455]) Дионой здесь называется Венера, мать Приапа, давшая ему власть (сл. 426, 438).

[456]) Город в Лидии, действительно, знаменитый своим капищем.

[457]) Дриад усладитель. — Сл. Приапею XXXIII (изд. Бюх.).

Прежде наяд и дриад довольно имели Приапы,
Было к чему применить крепость напрягшихся жил.
Ныне же нет ничего, не излито мое сладострастье,—
Кажется, будто совсем вымерли нимфы у нас.

[458]) Катулл в вышеупомянутой песне (см. 449) при аналогичных обстоятельствах тоже обращается к Приапу, но в другом тоне:

Что скажешь ты, Приап, что под листвой дерев
Привык, в венке из листьев виноградника,
Сидеть вес красный с ярко-красным фаллусом?
Тебе, Трифаллус, цветиками свежими
Власы венчали мы не раз бесхитростно,
Не раз пугали криком мы, когда тебя
Маститый ворон или торопливый грач
Клевали в темя роговыми клювами.
Прощай, зловредный погубитель сил мужских!
Прощай, Приап! все между нами кончено.

[459]) Здесь Энколпий отрицает преступления, в которых признавался выше (гл. LXXXI), равно как и похищение священного покрывала и систра (гл. CXIV). Это противоречие можно объяснить только так, что упомянутые проступки не имели ничего общего с Приапом и не были ему подсудны. Поэтому ст. 6—8 вовсе не имеют в виду реальных фактов, а служат лишь антитезой к проступку стиха 11.

[460]) В этом грехе, как думают все толкователи, и содержится ключ к основному сюжету романа.

[461]) Относительно эпифоры сл. 375.

Во то время, как я, произнося эту молитву, так усердно хлопотал в пользу моего упокойника, в храм вдруг вошла старуха (Проселена) с растрепанными волосами, (еще более) обезображенная черным платьем. Вцепившись в меня рукою, она вывела меня из преддверия храма, совершенно перепуганного, потому что теперь я всего стал бояться.

CXXXIV. — Какие это ведьмы,—[говорит],—высосали из тебя твои силы? Уж не наступил ли ты ночью, на перекрестке, на нечистоты [462]) или на труп? [463]) Эх, ты... даже в деле с мальчиком ты не сумел постоять за себя, но вялый, хилый и расслабленный, как коняга на крутом подъеме, ты попусту потратил и труд, и усилье. Но мало того, что ты сам нагрешил,—ты и на меня навлек гнев богов и думаешь, что не дашь мне удовлетворения!

Сказав это, она без всякого с моей стороны сопротивления потащила меня обратно в храм, в келью жрицы, толкнула на ложе и, схватив стоявшую около дверей тростниковую палку, принялась меня ею дубасить. Но я и тут не проронил ни полслова.

Не разлетись палка после первого же удара в куски, что сильно охладило ее пыл, она бы, вероятно, раздробила мне и руки, и голову.

Но когда она принялась рукой возбуждать меня, я застонал и, залившись обильными слезами, склонился на подушку, закрыв голову правой рукой. Расстроенная моими слезами, старуха присела на другой конец кровати и дрожащим голосом стала жаловаться на судьбу, что она так долго не посылает ей смерти; (она причитала) до тех пор, пока не появилась жрица и не сказала:

— Зачем это вы забрались в мою комнату и (сидите в ней), точно над свежей могилой? И это в праздничный день, когда даже носящие траур смеются?

---

[462]) Перекресток у всех народов считается местом, удобным для ворожбы. Нечистоты, выброшенные через голову для очищения, являются как бы носителями грехов и пятнают прикоснувшегося к ним человека. (Ш).

[463]) Труп считался нечистым. При виде непогребенного трупа надо было, чтобы отвратить беду, бросить на него три пригоршни земли.

— О Энотея! — ответила ей старуха, — юноша, которого ты видишь, родился под несчастной звездой: ни мальчику, ни девушке не может он продать своего товара. Тебе никогда еще не приходилось видеть столь несчастного человека. Мокрый ремень у него вместо... [464]). Короче говоря, что ты скажешь о человеке, который с ложа Киркеи встал, не насладившись?

Услышав это, Энотея уселась между нами и долго качала головой.

— Только я одна и знаю, — сказала она, — как излечить эту болезнь. А чтобы вы не думали, что я только языком чешу, — пусть молодчик поспит со мной одну ночь, и я сделаю ему это самое твердым, как рог.

Все мне покорно, что видишь ты в мире. Обильная почва,
Лишь захочу, иссушась, пустыми пойдет бороздами.
Лищь захочу, на утесах появятся злаки, из камня
Нилу подобный поток устремится. Без ропота море
Мне подчиняет валы, и Зефиры, умолкнув, слагают
Струи под ноги мои. Мне подвластны речные теченья;
Тигра гирканского бег и дракона полет удержу я.
Что толковать о безделках? Могу я своим заклинаньем
Месяца образ на землю свести, и покорного Феба
Бурных коней повернуть назад по небесному кругу [465]).
Вот она, власть волшебства! Быков огнедышащих пламя
Стихло от девичьих чар [466]), и дочь Аполлона Киркея
Песней своей колдовской обратила клевретов Улисса [441]).
Образ любой принимает Протей [467]). И с таким же искусством
Лес над макушкою Иды могу я повергнуть в пучину
Или заставить потечь речные потоки на горы.

---

[464]) Это сравнение есть и у Марциала (VII, 58), (Сл. 209).

[465]) Эти стихи являются парафразой Овидия. (Amores II, 1). [Д.-Г.]

23. Песни рога Луны кровавой низводят на землю
И обращают назад Солнца блестящих коней.

[466]) Для получения Золотого Руна Ясон должен был вспахать Аресово поле этими быками. Медея, дочь Айета, дала ему талисман, благодаря которому ему удалось смирить могучих животных.

[467]) Морской бог, пасущий телят Посейдона. Он мог, по желанию принимать различные виды.

CXXXV. Перепуганный столь баснословною похвальбою, я содрогнулся и стал во все глаза разглядывать старуху Энотею.

— Ну, — вскричала она, — приготовьтесь повиноваться!

Сказав это и тщательно вытерев себе руки [468]), она склонилась над ложем и два раза под ряд меня поцеловала. Затем поставила посреди алтаря старый жертвенник, насыпала на него доверху горячих углей и, починив с помощью нагретой смолы развалившуюся от времени деревянную чашку, вбила в покрытую копотью стену на прежнее место железный гвоздь, который перед тем, снимая чашу, нечаянно выдернула. Потом она опоясала себя четыреугольным фартуком и, поставив к огню огромный горшок, сняла рогаткой висевший на крюке узел, в котором хранились служившие ей пищей бобы и совершенно иссеченный, старый-престарый кусок какой-то головы. Развязав шнурок, которым затянут был узел, Энотея высыпала часть бобов на стол и велела мне их хорошенько очистить. Повинуясь ее приказанию, я первым долгом принялся весьма тщательно отгребать в сторонку те из зерен, на которых кожица была до невозможности загрязнена. Но она, обвиняя меня в медлительности, подхватила всю эту дрянь и прямо зубами так проворно и ловко начала ее обдирать, выплевывая шелуху на пол, что передо мной точно мухи замелькали.

Я изумлялся изобретательности бедноты и тому, какой ловкости можно достигнуть во всяком искусстве.

[Жрица моя, повидимому, так основательно преуспевала в этом качестве, что оно даже на самых ничтожных вещах у нее проявлялось. А про жилище ее уж и говорить нечего: оно было истинным святилищем бедности].

Там не белела индийская кость, обрамленная златом,
Блеском своим не пленял на земле отшлифованный мрамор,
Пол земляной покрывала плетенка из ивовых прутьев,

---

[468]) Омовение рук (lustratio) считалось желательным перед всякой молитвой, а перед совершением обряда—обязательным. Римляне употребляли для этого большею частью соленую, преимущественно морскую воду.

Ворох соломы на ней, да свежие кубки из глины,
Что без труда немудрящий гончарный станок обработал,
Кадка с заметною течью, корзины из согнутых веток...
Тут же кувшины лежат, запятнаны влагой Лиэя [129]).
Всюду кругом по стенам, где заткнута в щели солома
Или случайная грязь, понабиты толстейшие гвозди.
А с переборки свисают тростинок зеленые стебли.
Но еще много богатств убогая хата скрывала:
На закопченном стропиле там связки размякшей рябины
Между пахучих венков [из высохших листьев] висели,
Там же сушеный чабрец красовался и гроздья изюма.
Точно такою ж хозяйкой Гекала, достойная культа [469]),
В Аттике древле была, чью славу на диво потомству,
Не умолкая в веках, Баттиадова [470]) муза воспела.

CXXXVI. [Очистив бобы и] отделив от головы, которая по меньшей мере была ее ровесницей, немножечко мяса, старуха с помощью той же рогатки принялась подвешивать ее обратно на крюк; но тут гнилой стул, на который она взобралась, чтобы стать повыше, вдруг подломился, и она всей своей тяжестью рухнула прямо на очаг. Верхушка стоявшего на нем горшка разбилась, и огонь, который только что стал было разгораться, потух. При этом Энотея обожгла себе о горящую головню локоть и, подняв кверху (целое облако) пепла, засыпала им себе все лицо.

Я вскочил испуганный, но потом, рассмеявшись, помог старухе встать. А она, боясь, как бы еще что-нибудь не помешало предстоящему жертвоприношению, немедленно побежала к соседям взять огня.

Едва лишь она успела ступить за порог, как на меня тотчас же напали три священных гуся, которые, как видно, обыкновенно в полдень требовали у старухи положенной порции;

[469]) Бедная женщина, по преданию, приютившая героя Тесея, когда он шел биться с марафонским быком.

[470]) Каллимах, сын Батта из Кирены († около 240 г. до Р. Х.), жил в Александрии. Он, действительно, написал эпическую поэму под заглавием „Гекала“.

я прямо затрясся, когда они с отвратительным шипением окружили меня со всех сторон, точно бешеные. Один начал рвать мою тунику, другой развязал ремень у моих сандалий и теребил его, а третий, повидимому, вождь и учитель свирепости, не постеснился мертвою хваткой вцепиться мне в икру. Отложив шутки в сторону, я вывернул у столика ножку и вооруженной рукой принялся отражать воинственное животное: не довольствуясь шуточными ударами, я отомстил за себя смертью гуся.

Так же, я думаю, встарь, испугавщись трещеток Геракла,
В небо неслись Стимфалиды [471]) и так же текущие гноем
Гарпии [472]), после того, как обмазали ядом Финею
Яства обманные [473]). Тут, испугавшись, эфир содрогнулся
От небывалого крика. Небесный чертог потрясенный...
[Будто бы сдвинутый с места в основах своих пошатнулся].

Два других гуся, лишенные теперь своего, по моему мнению, главаря, подобрав бобы, которые упали и рассыпались по всему полу, вернулись в храм, и я, радуясь добыче и мести, швырнул убитого гуся за кровать и немедленно смочил уксусом не особенно глубокую рану на ноге. Затем, опасаясь, как бы старуха не стала меня ругать, решил удалиться и, собрав свои одежды, уже направился к выходу. Но не успел я переступить через порог, как увидел Энотею, которая шла мне навстречу с горшком, наполненным до-верху пылающими углями. Итак, пришлось

[471]) Стимфалиды — птицы Ареса с медными когтями, клювами и перьями, жившие около города Стимфалы в Аркадии. Геракл, получив от Афины особые трещотки, вспугнул птиц и перебил большинство. Остальные улетели на остров Аретиаду, где их после нашли аргонавты.

[472]) Гарпии — безобразные птицы. В тексте Бюх. peneque fluentes (смысл неясен). Текст Панкука: sanieque fluentes („текущие гноем“): Гарпии источали гной. Heinsius: pennaeque fluentis („метавшие перья“); Гарпии стреляли своими перьями, как стрелами; они ранили аргонавта Филея.

[473]) Финей — некогда фракийский царь. Злоупотребив даром пророчества, он был ослеплен и отдан в жертву Гарпиям, которые отравляли ему кушанья зловонной жидкостью, пока он не был избавлен от них сыновьями Борея.

повернуть вспять: сбросив с себя плащ, я остановился в дверях, будто ожидая ее возвращения.

Высыпав угли на кучу сухого тростника и положив сверху порядочное количество дров, она стала оправдываться в том, что так долго замешкалась, говоря, что ее приятельница не хотела ее отпустить, не осушив вместе с ней трех положенных чарок [474]).

— Ну, а ты что тут делал, пока меня не было?—вдруг спросила она.—А где же бобы?

Полагая, что мой поступок достоин даже всяческого одобрения, я немедленно рассказал ей по порядку обо всем сражении, а чтобы она не очень уж печалилась, за потерянного гуся предложил ей заплатить. Но, увидев его, старуха подняла такой невероятный крик, что свободно можно было подумать, будто в комнату снова забрались гуси.

Удивленный непонятностью своего преступления, я растерялся и стал спрашивать, почему она так горячится и почему жалеет гуся больше, чем меня.

CXXXVII. На это она, всплеснув руками, воскликнула:

— И ты, злодей, еще осмеливаешься рассуждать?.. Ты даже не подозреваешь, какое огромное преступление совершил: ведь ты убил Приапова любимца, всем матронам наиприятнейшего. Нет, не воображай, что поступок твой ничего особенного собой не представляет: если только узнает об нем магистрат, быть тебе на кресте. Ты осквернил кровью мое жилище, до сих пор незапятнанное, и любому из недругов моих дал возможность устранить меня от жречества.

[Кончила речь. Растрепав на дрожащей макушке седины,
Слезным дождем залилась и ногтями царапала щеки.
Грозно раздувшись, поток несется, шумя по долинам,
В дни, когда снег отойдет и томный полуденный ветер
С освобожденной земли безжалостно лед прогоняет.
Так и старухи лицо залилось многоводной пучиной,
И возмущенная грудь сотрясалась от громких рыданий].

---

[474]) Этот обычай подтверждается также Авзонием (IV в.) (Д. Г.).

— Пожалуйста, не кричи, — говорю я ей, — я тебе за гуся страуса дам.

Энотея села на кровать и к вящшему моему удивлению продолжала оплакивать несчастную участь гуся, пока, наконец, не пришла Проселена с деньгами за жертвоприношение.

Увидев убитого и расспросив жрицу о причине ее горя, она тоже принялась горько рыдать и причитать надо мной; точно я отца родного убил, а не общественного гуся.

Мне стало, наконец, нестерпимо скучно, и я воскликнул:

— Послушайте, пусть это будет поступок, которым я вас подвел под суд; пусть это будет даже убийство: но ведь с помощью денег, что угодно, можно исправить. Вот вам два золотых, на которые вы можете накупить себе не только гусей, но и богов.

— Прости меня, юноша, — заговорила Энотея, лишь только увидела мое золото, — ведь я так беспокоилась исключительно ради тебя. Это было лишь доказательством моего к тебе расположения, а вовсе не враждебности. Теперь же постараемся, чтобы никто об этом не узнал. А ты помолись богам, чтобы они отпустили тебе прегрешение.

Тот, кто деньгами богат, тому безошибочно дует
Ветер попутный в корму. Правит, как хочет судьбой.
Стоит ему захотеть, и в супруги возьмет он Данаю [475]),
Даже Акрисий-отец дочку доверит ему [476]).
Пусть он слагает стихи иль себя сопричислит витиям,
Пусть защищает дела—будет Катона [477]) славней.

---

[475]) Данаю, дочь аргивского царя Акрисия, Зевс соблазнил в виде золотого дождя (символический образ продажной любви).

[476]) Стих переведен совсем вольно, так как истинный смысл его еще не удалось раскрыть. Букв.: „Акрисию пусть прикажет поверить, что Данаю“.

[477]) Здесь, если судить по аналогии приведенных ниже примеров, (см. 480), может быть, имеется в виду М. Катон Младший, тоже противодействов Цезарю.

Пусть и в юристы затем—хорош, не хорош, а пролезет 4
Будет он выше, чем встарь Сервий иль сам Лабеон 47
Что толковать? Пожелай, что хочешь: с деньгой да со в
Все ты получишь. В мошне полной Юпитер сидит.

С этими словами Энотея принялась за работу: пост под руки мне чашу с вином и, освятив равномерно вытя пальцы пореем и сельдереем, опустила в вино, читая каку молитву, несколько лесных орехов. Судя по тому, всплы они на поверхность, или же падали на дно, она и делала предсказания. Но меня нельзя было поддеть на эту уд я знал, что орехи пустые, без сердцевины, наполненные т воздухом, всегда плавают на поверхности, а тяжелые, запо ные здоровым ядром, непременно должны опускаться на дн

Затем, возвратясь к гусю, она вскрыла ему грудь и, в из нее здоровенную печень, предсказала по ней мое будущее Наконец, чтобы уничтожить все следы моего преступления, рубила гуся на части, насадила их на несколько вертелов и нялась готовить из убитого, который, по ее словам, предназ был ею для этого еще раньше, великолепное блюдо. А стака чистого вина между тем все опрокидывались да опрокидыва

[Нельзя сказать, чтобы старушки уплетали гуся без удо ствия, а когда он наконец был съеден, Энотея, которая уже на взводе, с такими словами обратилась ко мне:

— Ну, теперь нужно будет, чтобы восстановить твои приступить к совершению таинства.

---

[478]) Parret, non parret. — Parret — термин судебного языка = „ „доказано“, „с несомненностью следует“. Итак, смысл таков: „до или не докажет (своих мнений), все равно, пусть будет правов (iuris consultus), т.-е. все равно, будет ли он хорошим или нехор юристом: отсюда наш перевод.

[479]) Сервий Сульпиций, современник Ю Цезаря, и Лабеон, жи при Августе, отличались стойкостью убеждений и смелостью, с они противодействовали самовластию обоих императоров.

[480]) Это так наз. гаруспиция: в Риме этот способ предска практиковался издавна, но только при Клавдии была установлена гия гаруспиков из 60 человек. Таким образом Петроний смеетс модным суеверием. Гаруспиции велись по особым правилам, за ным в книги (libri haruspicini).

CXXXVIII. С этими словами] она достала кожаный фаллус и, обмакнув в смешанное с толченым перцем и растертым в порошок крапивным семенем масло, начала потихоньку вводить мне его в зад. Затем, смазав этой же самою специей мои ляжки, свирепая старушонка сделала смесь из соков кресса и божьего дерева, смочила мне ею пах и, схватив в руку пучок зеленой крапивы, принялась медленно хлестать им меня по животу пониже пупа.

[Обожженный крапивой, я наконец не вытерпел и пустился на утек, а возбужденные старушки ударились за мною в погоню]. Размякшие от вина и похоти, они все же не отставали и из переулка в переулок гнались за мною, крича:

— Держите вора!

Однако я улизнул, хоть и раскровянил во время стремительного бегства все пальцы на ногах.

[Добравшись наконец до дому и чувствуя во всем теле страшную усталость, я сразу же завалился на кровать, но заснуть оказался не в состоянии, потому что в голову мне сами собою полезли разные мысли о неприятностях, с которыми пришлось за последнее время столкнуться. Решив, что не существует человека, который более меня испытал бы несчастий, я говорил себе мысленно:

„Неужели Фортуна, которая по отношению ко мне настроена вечно враждебно, неужели она подвергала меня мукам любви только для того, чтобы еще больше меня измучить? О, я несчастный! Рок и любовь в заговоре против меня и замышляют общими усилиями меня погубить. Я ли кого любил, меня ли любил кто-нибудь—все равно, мне вечно приходилось только страдать. Взять хотя бы Хрисиду, которая от любви ко мне совершенно потеряла голову и все время не дает мне покою: она, та самая Хрисида, которая не так давно, сводя меня со своей госпожей, презирала меня как самого последнего раба, потому что на мне было рабское платье]. Хрисида, которая прежде даже слышать о любви моей не хотела, теперь готова

жизнью рисковать, гоняясь за нею [и уже клялась мне, когда говорила о силе своей любви, что никогда меня не покинет. Но любовь моя принадлежит всецело одной только Киркее. Других женщин для меня более уже не существует. И, действительно, разве может быть что-либо красивее ее?] Разве Ариадна или Леда [481]) обладали такой красотой? Что по сравнению с ней и Елена? что—Венера? Если бы Парис, судья спорящих богинь, увидел тогда рядом с ними Киркею с лучистыми глазами, он отдал бы за нее и Елену свою, и богинь в придачу. Если бы только мне было позволено (еще раз) поцеловать ее, (еще раз) прижать к себе ее небесную божественную грудь, то, быть может, вернулись бы силы и воспрянули бы части моего тела и впрямь, пожалуй, усыпленные каким-то ядом. Оскорбления меня не удручают. Я не помню, что был избит: что меня вышвырнули, считаю за шутку. Лишь бы только снова войти в милость.

CXXXIX. [Под влиянием таких мыслей и вызванного ими образа красавицы Киркеи, у меня так разыгралось воображение], что я быстрыми движениями стал тискать под собою тюфяк, точно он изображал некое подобие моей возлюбленной. [Но и эти попытки возбудить свое тело оказались совершенно безрезультатными.

Такая, продолжающаяся все время, мука заставила, наконец, терпение мое лопнуть, и я принялся упрекать злого Гения, который почему-то, ни с того, ни с сего, околдовал меня. А потом, когда уже успокоился, я стал искать себе утешения, припоминая древних героев, которые были когда-то преследуемы гневом богов, и у меня вырвались невольно такие слова]:

1. Рок беспощадный и боги не мне одному лишь враждебны.
Древле Тиринфский герой, изгнанник из царства Инаха [482]),

[481]) Ариадна — дочь критского царя Миноса, возлюбленная героя Тесея и бога Диониса. — Леда, дочь Фесгия, супруга спартанского царя Тиндарея, возлюбленная Зевса, мать Диоскуров (см. 323) и Елены Прекрасной.

[482]) Геракл, сын Зевса и тиринфской царицы Алкмены, родился в изгнании, так как отчим его, Амфитрион, за нечаянное убийство должен был покинуть Арголиду (землю мифического царя Инаха)

Должен был груз небосвода поднять [483]), и кончиной своею
Лаомедонт утолил двух богов вредоносную ярость [484]);
Пелий подвергся Юнонину гневу [485]), в неведеньи поднял
Меч свой Телеф [486]), а Улисс настрадался в Нептуновом царстве.
Ну, а меня по земле и по глади седого Нерея [487])
Всюду преследует гнев геллеспонтского бога Приапа [488]).

[Всю ночь я провел неспокойно из-за этих мучительных мыслей, а лишь только стало светать, пришел Гитон, узнавший, что я сплю дома, и принялся обвинять меня в том, что я веду образ жизни прямо непозволительный. Он говорил, что весь дом громко жалуется на мое поведение, что я очень редко стал появляться даже для исполнения своих служебных обязанностей и что, наконец, связь, которую я завел себе на стороне, кончится для меня, может быть, очень печально.

Из этого я мог заключить только, что он в курсе моих дел и что кому-нибудь из домашних удалось случайно обо мне все разузнать, и тут же] обратился к Гитону с вопросом, не спрашивал ли меня кто-нибудь.

[483]) 11-й подвиг Геракла — похищение гесперийских яблок. Яблоки похитил для Геракла исполин Атлант, а герой должен был в это время заменять его, поддерживая на плечах небесный свод.

[484]) Лаомедонт — царь Трои, не заплатил Аполлону и Посейдону обещанной награды за построение троянских стен, за что первый поразил страну моровым поветрием, а второй наслал пожирающее людей чудовище, в жертву которому должна была быть принесена дочь царя, Гесиона. Геракл освободил ее, но, тоже не получив награды, пошел войной на Трою и убил Лаомедонта.

[485]) Пелий, дядя вождя аргонавтов, Ясона, находившегося под покровительством Геры (Юноны), которая отомстила Пелию за жестокость и несправедливость к племяннику: жена Ясона, волшебница Медея, уговорила дочерей Пелия заколоть отца, разрубить его на куски и сварить в котле, чтобы к нему опять вернулась молодость.

[486]) Телеф разгневал Вакха, подняв оружие против греков, шедших на Трою, за что и был ранен Ахиллом.

[487]) Нерей, морской бог, изображавшийся в виде мокробородого старца.

[488]) Это второе место, указывающее на вину Энколпия перед Приапом (Сл. стихотв. гл. CXXXIII). Геллеспонтским богом Приап называется из-за главного капища в Лампсаке на Геллеспонте (Дарданелльский пролив).

— Сегодня, — говорит, — никто, а вчера приходила какая-то не плохо одетая женщина; она долго со мной разговаривала и в заключение, когда успела уже изысканностью своей речи порядочно мне надоесть, заявила, что ты совершил нехороший поступок и, если только оскорбленное лицо будет настаивать на своей жалобе, то ты понесешь рабское наказание.

[Великим мучением было для меня выслушивать все это, и я опять уже начал было жаловаться на судьбу], но не успел еще закончить своих жалоб, как появилась Хрисида; она немедленно бросилась мне на шею и, горячо меня обнимая, воскликнула:

— Вот и ты! Таким ты мне нужен. Ты — желание мое, ты — услада моя! Никогда не потушить тебе этого пламени! Разве кровью (моею) зальешь его.

[Необузданность Хрисиды, признаться, сильно меня обеспокоила, и, чтобы как-нибудь от нее отделаться, я решил прибегнуть к помощи ласковых слов: я боялся, как бы шум, который производила эта сумасшедшая баба, не достиг до ушей Эвмолпа, потому что он с тех пор, как ему повезло, стал обращаться с нами со строгостью самого настоящего господина.

Все свои силы приложил я к тому, чтобы как-нибудь уломать Хрисиду: притворялся влюбленным, нежно шептал ей и, в общем, так ловко ломал всю эту комедию, что она и в самом деле, наконец, поверила, будто я от нее без ума. Тогда я постарался показать ей, какая опасность угрожает нам обоим в случае, если ее застанут наедине со мной, в этой комнате, и при этом добавил, что Эвмолп, обыкновенно, всякое лыко ставит в строку и никогда не даст нам спуску.

Услышав это, Хрисида тотчас же ушла, чему немало способствовало и то обстоятельство, что она увидела вдруг Гитона, который, незадолго до ее появления из спальни, куда-то вышел и теперь как раз возвращался.

Едва она вышла], как прибежал один из новых слуг Эвмолпа и заявил, что господин наш, за то, что я в течение целых двух дней не появлялся для исполнения своих обязанностей, сильно на меня рассердился и что я хорошо сделаю, если заблаговременно придумаю какое-нибудь приличное оправдание, так как почти невозможно, чтобы бешеный гнев его прошел без побоев.

[Я показался Гитону до такой степени встревоженным и опечаленным, что он ни пол-слова не сказал мне по поводу Хрисиды, а поговорил только об Эвмолпе да посоветовал не вести с ним серьезных разговоров, а постараться лучше всего обратить дело в шутку. Я, разумеется, в точности исполнил совет Гитона и с таким веселым лицом предстал пред грозные очи Эвмолпа, что он принял меня не только не строго, но, напротив, очень мило: трунил по поводу благосклонности ко мне Венеры, расхваливал мою красоту и изящество, которые так нравятся всем матронам, и в заключение сказал:

— Мне, Энколпий, конечно, небезызвестно, что ты совершенно потерял голову от любви к одной из самых лучших здешних красавиц. Но это в свое время может оказаться для нас только полезным. Поэтому ты уж постарайся во всю поддержать роль влюбленного, а я буду продолжать свою, которую взял на себя с самого начала.

CXL. Не успел он окончить своей речи, как в комнату вошла] матрона, одна из первых дам города, по имени Филомена, которая в свое время успела уже урвать не малое количество наследств, а когда цвет юности поблек и она обратилась в старуху, то стала навязывать бездетным богатым старичкам своего сына и дочку—и так, при помощи потомства, продолжала расширять прежний круг деятельности.

Так вот, теперь она пришла к Эвмолпу с тем, чтобы, полагаясь на честность сего, умудренного опытом старца, поручить ему самое для нее заветное — детей своих. Она, видите ли, полагала, что он является единственным во всей вселенной человек, который может ежедневно давать молодежи душеполезные наставления. Словом, она заявила, что оставляет детей своих

в доме Эвмолпа для того, чтобы они послушали его умных речей, и что одно только это для птенцов ее уже можно будет счесть за прекрасное наследство.

Как сказала, так и сделала. Притворившись, будто ей необходимо сходить в храм для того, чтобы принести богам обеты, она ушла, а прелестнейшую дочку и юного сына своего оставила в опочивальне.

Эвмолп, который на этот счет был до того падок, что даже я ему казался мальчиком, разумеется, немедленно же пригласил девицу заняться с ним своеобразным[489]) таинством. Но он всем говорил, что у него подагра и паралич поясницы, и, не выдержав роли до конца, рисковал бы испортить почти всю затеянную нами игру. Поэтому, чтобы не подорвать веры в нашу ложь, он попросил девицу сесть верхом на его столь хорошо рекомендованную ей добродетель, а Кораксу велел забраться под кровать, на которой лежал, и, упершись руками в пол, покачивать его снизу взмахами чресел.

Услышав спокойное приказание господина начинать, Коракс немедленно приступил к делу и стал отвечать в такт на искусные движения девицы.

Как только Эвмолп почувствовал, что дело уже подходит к концу, он принялся поощрять слугу громким голосом, прося его ускорить работу.

Так забавлялся наш старец, точно в качелях раскачиваясь между слугой и подружкой.

Два раза под ряд проделал это Эвмолп под всеобщий и собственный хохот.

Я же, дабы от бездействия не потерять навыка, подошел к дверям, через скважину коих братец следил за покачиванием сестрицы, желая испытать, не согласится ли и он претерпеть кое что.

---

[489]) Pigiciaca sacra, от греч. pyge (= зад) (?). Сочетать этимологию этого слова (которое только здесь и встречается) с последующей сценой — мы предоставляем читателю.

Мальчик, который уже давно успел постичь всю эту науку, и не думал уклоняться от моих ласк, но и на этот раз враждебное божество встало мне поперек дороги. [Впрочем, эту неудачу я перенес куда легче, чем все предыдущие, потому что немного погодя силы мои вдруг восстановились и, почувствовав себя снова здоровым, я даже воскликнул]:

— Велики боги, восстановившие все мои силы! Да, Меркурий, который сопровождает в Тартар и выводит оттуда души людей[490]), по милости своей возвратил мне то, что было отнято у меня гневной рукой. Теперь ты легко можешь убедиться, что я неотразимее Протесилая[491]) и любого из всех остальных героев древности.

С этими словами я задрал кверху тунику и показал себя Эвмолпу во всеоружии.

Сначала он даже ужаснулся, а потом, желая окончательно убедиться, обеими руками ощупал дар благодати.

[При виде столь великой милости, мы вдруг очень развеселились и долго смеялись как над самой Филоменой со всей ее хитростью, так и над детьми ее с их опытностью в постельном искусстве, которая, сверх всяких ожиданий, не могла принести им с нашей стороны никаких благ: ведь ясно, что, только расчитывая на наследство, Филомена могла предоставить нам в полное распоряжение девочку и мальчика.

Размышляя по поводу этого отвратительного способа опутывать бездетных стариков и находя во всем этом удобный предлог поговорить о нашем теперешнем положении, я стал советовать Эвмолпу подумать над тем, что, надувая всех этих домогающихся наследства хитрецов, он и сам может, в конце концов, влопаться.

---

[490]) Гермес-Психопомп отводит души в Тартар и сдает их лодочнику Харону; вывел же он оттуда одну только Эвридику и то лишь до половины пути, ибо Орфей не выполнил обещания и оглянулся назад.

[491]) Протесилай, прекрасный герой, убитый во время высадки греков в Трое. Был воскрешен на три часа по просьбе жены, которая затем умерла в его объятиях.

— Во всех наших поступках,—говорил я ему,—мы всегда должны сообразоваться с благоразумием] [492]). Сократ, которого и боги и люди (называют величайшим из мудрецов), обыкновенно всегда гордился тем, что он ни разу не заглянул в кабак и не позволял своим глазам засматриваться ни на одно более или менее многолюдное сборище....

Да, нет ничего лучше, как говорить подумавши!

— Все это истинная правда,—сказал я. — Никто так не рискует попасть в беду, как тот, кто зарится на чужое добро.

Но на какие средства стали бы жить плуты и мошенники всякого рода, если бы они не швыряли хоть изредка в толпу в виде приманки кошельков или мешков, звенящих монетами? Как корм служит приманкой для бессловесной скотины, так же точно людей не словишь на одну только надежду, пока они не клюнут на что-нибудь посущественнее. [Потому-то так великолепно и принимали нас до сих пор жители Кротоны]. Но ведь обещанный тобою корабль с деньгами и челядью твоей из Африки не пришел, и ловцы наследства, уже истощенные, урезали свою щедрость. Словом, — или я ошибаюсь, или же действительно Фортуна начинает уже раскаиваться, (что относилась к нам за последнее время слишком благосклонно).

CXLI. [— Я придумал нечто, — ответил мне на это Эвмолп, — что приведет всех этих наследников в большое замешательство.

Тут он вытащил из котомки таблички, на которых была записана его последняя воля, и принялся нам их читать]:

— За исключением моих вольноотпущенников, все остальные наследники, о которых говорится в этом завещании, могут вступить во владение того, что каждому из них мною назначено, только при соблюдении одного условия, именно,—если они, разрубив мое тело на части, съедят его при народе. Страшного в этом ничего нет, особенно, если принять во внимание, что у некоторых народов, как нам известно, до сих пор еще в силе

[492]) Здесь текст опять сильно попорчен, и нельзя с точностью установить, кому принадлежат отдельные части последующей речи.

закон, по которому тело покойника [должно съедаться его родственниками, при чем дело нередко обстоит даже так, что они ругательски - ругают умирающего за то, что он слишком долго хворает и портит тем самым, по их словам, свое мясо. Пусть это убедит друзей моих не отказываться от исполнения моей воли и поможет им съесть мое тело с таким же точно усердием, с каким они препоручают богам мою душу.

[Во время чтения первых глав в комнату вошло несколько человек, которые считались из кротонцев к Эвмолпу наиболее близкими. Увидев в руках у него завещание, они с большою настойчивостью стали просить, чтобы он разрешил им послушать, что в последнем написано. Эвмолп тотчас же изъявил на это свое полное согласие и, начиная с первой строки и до самой последней, перечитал им все снова. Услышав столь необычное для себя предложение, обязывающее их съесть его труп, кротонцы наши сильно закручинились]. Но слава, гремевшая в городе о несметных богатствах Эвмолпа, ослепляла глаза и души этих несчастных [так что они даже заикнуться не смели против такого нововведения и так же, как и раньше, продолжали перед ним только раболепствовать. А один из них, по имени] Горгий, готов был исполнить [что нужно, лишь бы только не ждать слишком долго.

— О да, — ответил ему на это Эвмолп], — мне нечего опасаться противодействия твоего чрева: стоит тебе только пообещать за этот единственный час отвращения вознаградить его впоследствии целым рядом прекрасных вещей, — и оно тотчас же подчинится любому приказу. Закрой только глаза и постарайся представить себе, что ты ешь не человеческие внутренности, а 100.000 сестерций. Кроме того, мы, конечно, придумаем еще и приправу какую-нибудь, с которой мясо мое станет вкуснее. Да и нет такого мяса, которое само по себе могло бы понравиться: но, искусно приготовленное, оно привлекает к себе противодействующий желудок. Если тебе угодно будет, чтобы я эту мысль доказал примером, то вот он: человеческим мясом питались

сагунтинцы, когда Ганнибал держал их в осаде [493]), и при этом никакого наследства не ожидали. С петелийцами [494]) во время одного страшного голода было то же самое: и во время этой трапезы они не гнались ни за чем другим, кроме утоления голода. После взятия Сципионом Нумантии, в ней было найдено несколько матерей, которые держали у себя на груди полуобглоданные трупики собственных детей [495]).

[В крайнем случае, если одна только мысль уже в состоянии вызвать чувство брезгливости,—чтобы получить по завещанию те огромные богатства, которыми я располагаю для вас, вам придется просто собраться с духом и преодолеть как-нибудь свое отвращение.

Эвмолп так нескладно нес всю эту омерзительную околесину, что в душах кротонцев поневоле зашевелилось сомнение в правильности его обещаний, и они решили с этого времени тщательно проверять все наши слова и поступки: предпринятые с этой целью шаги только усилили подозрения, и в конце концов мы были признаны ими просто за бродяг и мошенников.

И вот, те из кротонцев, которых мы ввели в наиболее крупные расходы, решили напасть на нас и со всеми нами по заслугам разделаться. Но Хрисида, бывшая в курсе всех этих хитроумных замыслов, тотчас же сообщила мне о решении, принятом кротонцами относительно нас. Услышав о нем, я до того перетрусил, что, ни минуты больше не медля, удрал вместе с Гитоном из города, а Эвмолпа предоставил его печальной участи.

Несколько дней спустя, до меня донеслось, что кротонцы, негодуя на этого старого пройдоху за то, что он так долго великолепно содержался на общественный счет, поступили с ним согласно с обычаем массилийцев.

---

[493]) В 219 г. до Р. Х. Взятие Сагунта подало повод к началу 2-й пунической войны.

[494]) Иные читают Петавийцы или Перузийцы.

[495]) Нумантия — город в Тарраконской Испании — взят Сципионом Младшим (в 134 г. до Р. Х.).

Чтобы уяснить себе это, необходимо знать, что всякий раз, как в Массилии начинала свирепствовать какая-нибудь повальная болезнь, один из бедняков города предлагал себя в качестве искупительной жертвы: в течение целого года его должны были кормить на общественный счет и притом—пищей, наиболее изысканной; когда же год, наконец, проходил, бедняка украшали лавровым венком, одевали в священные одежды и с проклятиями проводили по всему городу; и зло, которое нависло над городом, после этого должно было, согласно поверию массилийцев, целиком пасть на голову этого человека.

В заключение—его сбрасывали с высокой скалы].

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Стендаль — „Пармский монастырь“, ч. 1-я, ц. 1 р. 60 к., ч. 2-я, ц. 1 р. 75 к.
Р. Тагор — Пьесы, ц. 1 р.
О. Уитмэн — „Листья травы“, ц. 1 р.
Усама Ибн-Мункыз — „Книга назиданий“, ц. 70 к.
Г. Дж. Уэллс — „Любовь и м р Льюишем“, ц. р 50 к.
„ — „Рассказы о времени и пространстве“, ц. 1 р. 50 к.
А. Франс — Рассказы, ц. 35 к.
Б. Шо. — Пьесы, ц. 1 р. 50 к.
„Французская революция в провинции и на фронте“.
Б. Богаевский — „Крит и Микены“ (Эгейская культура).
Антология китайских лириков — ц. 40 к.
„Хетты и хеттская культура“.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

П. Амп — „Искатели золота“.
Г. д'Аннунцио — „Ноктюрн“, ц. 1 р.
П. Бенуа — „Атлантида“, ц. 60 к.
„ — „Дорога гигантов“, ц. 75 к.
Г. Бергстедт — „Александерсен“, ц. 1 р. 75 к.
„ — „Праздник Йоргена“, ц. 90 к.
С. Берже — „В то время, как он сражается“.
А. Беро — „Страдания толстяка“, ц. 50 к.
С. Бржозовский — „Зарево“, роман из эпохи народовольцев, ц. 1 р. 25 к.
Ф. Верфель — „Человек из зеркала“, пьеса, ц. 60 к.
К. Гамсун — „Соки земли“, ц. 65 к.
„ — „Местечко Сегельфос“.
Г. Гауптман — „Зимняя баллада“, пьеса, ц. 33 к.
П. Гзелль — „Беседы А. Франса“, ц. 70 к.
О. Генри — Рассказы, ц. 1 р.
„ — „Короли и капуста“, ц. 90 к.
„ — „Рассказы жулика“.
Г. Гольст — „Лирические драмы“, ц. 45 к.
Л. Деллюк — „В дебрях кинематографа“.
Ж. Дюамель — „Полуночная исповедь“, ц. 75 к.
Э. Зелигер — „Петер Фосс“.
С. Лагерлев — „Гномы и люди“, ц. 35 к.
Р. Маран — „Батуала“, ц. 45 к.
М. Маркс — „Женщина“, ц. 50 к.
М. Матерлинк — „Белая невеста“, пьеса, ц. 40 к.
К. Мейринк — „Голем“, ц. 70 к.
Ф. де-Миомандр — „Золотой телец“.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Дж. Мэйзфилд — Пьесы, ц. 60 к.
Папалаги — Речи тихоокеанского вождя, ц. 30 к.
Дж. Папини — „Конченый человек“, ц. 20 к.
Ж. Ромэн — „Доногоо-Тонка“, ц. 25 к.
Р. Роллан — „Кола Бреньон“, ц. 70 к.
„ — „Пьер и Люс“, ц. 35 к.
„ — „Клерамбо“, ц. 1 р.
„ — „Аннетт и Сильвия“, ц. 55 к.
Дж. Синг — „Герой“, пьеса, ц. 55 к.
Э. Синклэр — „Сто процентов“, ц. 75 к.
„ — „Ад“, ц. 75 к.
Струг — „Деньги“, 1 р. 40 к.
Р. Тагор — „Воспоминания“.
Г. Уэллс — „Неугасимый огонь“, ц. 40 к.
Ф. Унру — Драмы, ц. 1 р. 10 к.
А. Франс — „Жизнь в цвету“, ц. 80 к.
Л. Франк — „Человек добр“, ц. 30 к.
Л. Фульда — „Тень осла“, ц. 80 к.
К. Штернгейм — „Четыре новеллы“, пьеса, ц. 50 к.
Б. Шо — „Назад к Мафусаилу“, пьеса.
К. Эдшмид — „Шесть притоков“, новеллы, ц. 60 к.
„ — „Тимур“, рассказы.
К. Эйснер — „Испытание богов“, пьеса.
Экспрессионизм — Сборник статей, с иллюстрациями, ц. 1 р. 40 к.

СЕРИЯ ДЕТСКИХ КНИГ

„Английские детские песни“, пересказ С. Маршака, рисунки В. Конашевича, ц. 1 р.
В. Гауф — „Сказки“, с рис. Ю. Черкесова, ц. 1 р. 10 к.
Д. Дефо — „Робинсон Крузо“, сокращ. изд. с иллюстр. Гранвиля, ц. 1. 50 к.
Р. Распе — „Мюнхгаузен“, с рис. Густ. Доре, ц. 70 к.
М. Твэн — „Приключения Тома“, с иллюстр. Н. Э. Радлова, ц. 1 р. 60 к.

Журнал „ВОСТОК“

под редакцией академика С. Ф. Ольденбургского, академика И. Ю. Крачковского, профессора В. М. Алексеева, профессора Б. Я. Владимирцова и А. Н. Тихонова. Книги 1-я, ц. 1 р. 50 к., 2-я, ц. 1 р. 40 к., 3-я, ц. 2 р. 50 к. и 4-я.

Печатается № 5.